

**Вячеслав
МОРОЗОВ**

**Непридуманные
истории**

Рассказы и статьи

Литературный фонд

«АВГУСТ»

основан в 1992 году

ББК 84 (2Рос-Рус) 6–4
М-801

*Книга издана
на средства родственников писателя
Вячеслава Валентиновича Морозова
при участии друзей*

М-801 **«Непридуманные истории»**

В книге представлены рассказы (из одноимённого цикла) и статьи В.В. Морозова, впервые опубликованные в журнале «Барнаул» (2008–2011 гг.).
ЛФ «Август», № 50, 128 стр., 500 экз.

Обложка книги: 1 стр. — В. В. Морозов (фото Г. А. Блинова) на творческом вечере в Доме писателя (г. Барнаул, ул. Анатолия, 102, октябрь 2009 г.); 4 стр. — книги С. А. Клычкова (редактор-составитель и издатель — В. В. Морозов) и В. В. Морозова (проза, публицистика).

Сдержанное благородство летописца

В течение жизни у пишущего человека накапливаются прозаические миниатюры. У русского писателя Вячеслава Морозова сложился цикл непридуманных историй. Он их так и назвал — «Непридуманные истории».

Невымышленные рассказы. Откуда? То ли от всевидящего ока?.. То ли от всеслышащего уха?.. Думаю, от позиции автора, живущего над миром и одновременно в нём.

Почему я это пишу? Потому, что его «Непридуманные истории» мне близки по духу. Потому, что в них правда, увиденная художником слова. Это художественная правда. Его слово правды режет особенно остро, когда речь идёт о долге, о чести, о совести.

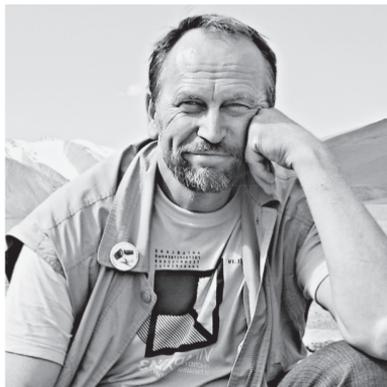
Круг героев Вячеслава Мороза широк — от забуддыги до главы правительства. Стихия контактов писателя с жизнью делает его прозу яркой и правдивой. Точнее — эмоционально насыщенной и по-мужски убедительной.

Вячеслав тонко рисует пространство повествования с чистым авторским текстом, с цветистой прямой речью и психологической тонкостью противостояний его героев. Он «подслушивает» народный, иногда вульгарный, порой вычурный, язык и наполняет им свои миниатюры.

Да, звучат (звучат!) в его текстах шукшинские мотивы. Как же им не звучать, если рассказы его замешаны на любви к человеку, на неприятии пошлости и на восхищении чудом жизни.

Пожалуй, главная особенность своеобразной прозы Вячеслава Морозова — в сдержанном благородстве летописца, широком и глубоком понимании, как говорят философы, быстротекущего бытия.

Может быть, поэтому его так интересно читать?

Сергей Боженко

*Сергей БОЖЕНКО,
член Союза писателей России*

Запомнил навсегда

*Сегодня мы пьём как всегда, но ничуть не пьянеем,
как будто в стаканах у нас — ключевая вода.
Мы всё отдадим, что могли бы иметь и имеем.
Уйдём и по новой вернёмся на землю сюда.*

*Искал ты удачу свою на вершинах белёсых,
а я на равнине, где лживей и правильной жизнь.
За нашей спиной лишь осень да женские слёзы.
А что впереди? — только наша последняя высь.*

*Нам время готовит одежды, что строже и чище
носимых небрежно и шумно до нынешних дней.
Не знаю, какие нам знаки на них оно вышьет,
но будет в тех знаках свобода вершин и полей.*

Это стихотворение Александра Удовидченко, посвящённое Вячеславу Морозову, датировано 21 марта 1985 года. Теперь можно лишь предполагать, поскольку автор и адресат «ушли, как говорится, в мир иной»: вот так — поэтически — земляк к земляку (один, родом из Романовского района Алтайского края, жил в Москве, а другой, родом из Кулундинского района, жил в Калуге) обратился по-дружески во время встречи... Или через какое-то время после встречи?.. Текст послания, отпечатанный на машинке, я нашёл в октябре 2010 года, когда разбирал архив своего отца.

О чём это стихотворение? О дружбе?.. Да. О любви?.. Да. Об альпинизме?.. Да. О жизни?..

Вячеслав Валентинович Морозов — талантливый прозаик и журналист, опытный альпинист и великолепный бард. Он всю жизнь был неразлучен с гитарой — в различных экспедициях, на встречах с читателями, родными и друзьями. В его биографии многолетняя работа в штате редакций московских и центральных газет и журналов, радио и телевидения; публицистические и прозаические публикации в центральной и региональной периодике, участие в коллективных сборниках

и литературных форумах всероссийского уровня, издание авторских книг прозы и публицистики.

И это ещё не всё. Вячеслав Морозов проявил себя также как литературный критик и литературовед-просветитель: он не только автор ряда статей, опубликованных в газетах и журналах*, но ещё издатель и редактор книг замечательного русского поэта и переводчика Сергея Антоновича Клычкова**, имя которого Вячеславу Валентиновичу одному из первых пришлось буквально выдирать из забвения (на работы В. В. Морозова уважительно ссылаются

Олег Морозов

известные российские и зарубежные писатели, публицисты, филологи. — Ред.). Помню, он был очень рад, когда в 2010 году за цикл рассказов «Непридуманные истории», опубликованные в журнале «Барнаул», его удостоили краевой литературной премии имени Владимира Борисовича Свинцова (в номинации «Родина»).

Отец был уникальным рассказчиком — его хотелось слушать и слушать... Многие рассказанные им сюжеты я запомнил навсегда. Когда читаешь его книги или статьи, ощущается его присутствие. Будто сидим мы с ним у костра в селе Сидоровка Романовского района во дворе дома №7 по улице Донской, рядом на лавочках расположились семьи Анисимовых и Скворонских, мой дедушка Валентин Семёнович и моя бабушка Вера Яковлевна Морозовы — родители отца, а он нам рассказывает, рассказывает...

*«Правнук гения» — эссе о жизни и деятельности правнука Александра Сергеевича Пушкина Григория Григорьевича Пушкина (№4 журнала «Барнаул», 2009 г., 14–28 стр., илл.).

**«Последний Лель» — эссе о жизни и творчестве поэта и переводчика Сергея Антоновича Клычкова (№3–4 журнала «Барнаул», 2010 г., 72–91 стр.).

Авторы и читатели ЛФ «Август» и журнала «Барнаул» — участники «Музейной ночи — 2012» у мемориального трамвая № 5 («Пятёрочка») г. Барнаул. Слева направо в первом ряду: О. Морозов, Г. Блинов, В. Тихонов; справа налево во втором ряду: Е. Ермаков, С. Ключников, Н. Богормистов, В. Коржов, А. Цыгулёв, И. Мордовин, Т. Герман, Т. Ларькина, А. Герман.

Я горжусь своим отцом. Горжусь и тем, что писателя Вячеслава Морозова знает читающая Россия. Его произведения побуждают читателей задуматься о многом — о значительных событиях в истории нашей страны, о неслучайных явлениях в повседневной жизни, о людях, на которых хочется равняться... Признаюсь, мне неизменно хочется перечитывать его рассказы и статьи, хочется пересказывать их своим собеседникам...

Благодарю главного редактора литературного фонда «Август» Валерия Евгеньевича Тихонова за пристальное и деятельное внимание к творчеству и просветительской деятельности моего отца. Ранее это воплотилось в публикациях литературно-художественного журнала «Барнаул», на страницах которого в 2008 – 2011 годы читателям были представлены рассказы и статьи Вячеслава Валентиновича Морозова. С августа по декабрь 2009 года он был активно вовлечён в литературно-просветительскую деятельность редакции журнала — участие в творческих встречах с читателями на авторских вечерах (в Доме пи-

**Валерий Тихонов и Вячеслав Морозов
в редакции журнала «Барнаул». Октябрь 2009 г.**

сателя, библиотеках Барнаула и др.) и в коллективных выступлениях (в рамках конкурса имени В. Б. Свинцова, чтений «Алтай литературный», что проходят в школе № 2 г. Белокурихи и др.). Именно в эти годы В. Е. Тихонов работал главным редактором журнала «Барнаул».

...В октябре 2010 года, незадолго до смерти, отец сказал, что на днях в издательстве «Голос-Пресс» (Москва) выйдет его книга «Дух в природе». Я спросил: «Это последняя?» (мол, одна из последних). «Принято говорить — *очередная*», — поправил он меня.

Итак, уважаемый читатель, у вас в руках очередная книга писателя Вячеслава Валентиновича Морозова — «Непридуманные истории».

*Олег МОРОЗОВ,
г. Славгород.*

Непридуманнные истории-1*

Хочу тоже попробовать написать рассказ, ничего не придумывая. Последнее время мне нравятся рассказы — невыдуманнные.

В. М. Шукшин. Рассказ «Кляуза»

Урок

Мне было лет семь-восемь, когда я гостил у своего дядьки по материнской линии — дяди Коли Лисицкого.

Не имея своих детей, он обожал нас, племянников, и мы ему отвечали любовью и привязанностью. Сразу после войны он окончил курсы шоферов и до своей кончины не выпускал из рук баранку. Тогда он работал в какой-то автороте при железнодорожной станции Алейская.

— Племяш, утром в Калманку ехать, надо шпалы привезти. Рано встанешь?

— Дядь Коля, конечно!

Ночью прошёл сильный дождь. Для Алейска, стоящего на солонцах, это всегда становилось сущим бедствием, а для шоферов — почти катастрофой, поскольку единственная бетонка соединяла центр с военным городком, а прочие дороги и улицы в 60-е годы были изрезаны даже не колеями, а глубокими траншеями, пробитыми колёсами тяжёлых грузовиков. Так же выглядела и «сошейка» — шоссе на Барнаул.

Из узкого переуллка нам надо было повернуть налево — на широкую улицу. Дядин ЗИС-5 рычал мотором, тяжело пробираясь по разбитой колее. На выезде из проуллка машину кинуло вправо, я увидел, что мы правым крылом снесли угол чьего-то палисадника, а выносной подфарник на крыле разбит. Но делать нечего — надо ехать в рейс, путёвка подписана.

«Сошейка» представляла собой раскуроченную грунтовую насыпь с тремя глубокими извилистыми колеями. Попадались сползшие на обочину безнадежно застрявшие в грязи машины и прицепы, тоскливо уткнувшие в грязь свои треугольные

*№ 3 журнала «Барнаул» 2008 г. (75-94 стр.).

сцепки. Мы ехали, словно по мылу. ЗИС постоянно буксовал, его кидало вправо-влево. Дядя Коля, переключая скорости, вполголоса матюкался, мол, в бардачке нет запасной лампочки для подфарника, а теперь первый гаишник проколет дырку в талоне; столько лет за рулём — и ни одной дырки, а тут из-за ерунды!..

Я сочувствовал ему всей душой и когда увидел в кювете такой же ЗИС-5, в кабине которого никого не было, радостно подал идею:

— Дядь Коль, давай остановимся, выкрутим лампочку! Я сбегая!..

Дядька, от которого я никогда не слышал худого слова даже за свои проказы, вдруг зло посмотрел на меня:

— Выкрутим, говоришь? А ты её туда вкручивал?!

До сих пор помню жгучий стыд, который обварил меня как кипятком. И уже никогда не забуду про этот случай.

Спасибо тебе, родной мой дядя Коля! Царствие тебе небесное!..

«За базар отвечаешь...»

Семьдесят какой-то год. Московская вечеринка, подгулявшая компания, песни под гитару. Спели одну песню Высоцкого, другую, третью... В то время только что вышла грампластинка Высоцкого с хитом сезона, как сказали бы сегодня, «Кони привередливые». Попытались спеть «Коней»...

— Эх, парни, мой друг Вова тапками по ушам настучал бы вам за такое исполнение!.. — сказал один из присутствующих.

— Что ещё за Вова?

— Ну, блин, даёт! Высоцкий!..

— Ты что, знаком с ним?

— Да вы чё (тру-ля-ля)? Это ж кореш мой! На Колыме вместе срок мотали.* До сих пор перезваниваемся. Три дня назад сидели с ним в кабаке на Остоженке, вспоминали...

— За базар отвечаешь! Колька, держи два червонца — купишь у таксистов пару флаконов. А ты звони корешу, пускай приезжает, попоёт.

* Как известно, В. С. Высоцкий никогда никакой срок не мотал. — В. М.

— Не (тру-ля-ля), неудобно: уже первый час ночи... Давайте в другой раз.

— Перебьёшься (тру-ля-ля). Звони!

— Да я телефон на память не помню!..

— Звони в справочную.

Номер домашнего телефона Высоцкого как-то раздобыли. Набрали. «Корешу по Колыме» отступить некуда, и он сбивчиво начал говорить:

— Володь, привет! Ты это, не обижайся, что поздно... Мы тебя уважаем. Мы тут, это... ну, компашкой собрались, все свои, водки полно, гитара есть... Тут друганы просят, чтоб ты попел маленько... Чё уж там, свои ж люди...

Высоцкий нетерпеливо прервал:

— Адрес!

Ему продиктовали адрес, по которому находилась подгулявшая компания.

Минут через сорок тёмный двор осветили фары, из такси вышел человек и направился к подъезду. Длинный, настойчивый звонок в дверь. Звонившего «кореша» подтолкнули вперёд — иди давай открывая: ты позвал, твой «друг по зоне»...

На пороге Высоцкий. В халате и в домашних тапочках. Опережая приветствия участников вечеринки, резко спросил:

— Кто мне звонил?

— Так я и звонил...

Высоцкий сильным ударом в челюсть сбил «кореша» на пол, бешеными глазами оглядел столпившуюся в коридоре компанию, молча повернулся и вышел.

Через несколько минут все услышали во дворе хлопок дверцы и звук отъезжающей машины.

Честь мундира — две стороны медали

Этот кусочек об истории своей жизни я услышал от отставного полковника ФСБ, достойно прошедшего не только обе чеченские войны, но испытывавшего и иные передраги, когда выручить могут лишь душевная стойкость и вера в собственную правоту. Досрочное звание, орден Мужества, переговоры без силовой поддержки с Басаевым и Масхадовым (вдобавок ночью), наградной армейский

американский кольт от министра обороны и т.д. — это уже тема для мемуаров. Но есть и другой кусочек жизни — особый, не очень приятный даже для воспоминаний, про него и речь. Со слов полковника Арканова я по памяти записал этот рассказ.

— В начале 90-х годов можно было, условно говоря, отследить два параллельных процесса: рост организованной преступности и беспрецедентный «накат» на органы правопорядка, многократное усиление деятельности иностранных разведок на нашей территории и разнузданное издевательство над отечественными спецслужбами. Армию, ту вообще с дерьмом смешали. Помню статистические данные за 1996 год: больше 1000 офицеров по стране покончили жизнь самоубийством. Так это только за один год!.. Такого не было в истории России никогда, в истории других стран — тоже. И всё-таки мы работали.

Провели ряд удачных операций по обезвреживанию бандитов. Захват оружия шёл повсеместно, Дальний Восток не исключение. Нападение на офицеров, поиски оружия, неразорвавшихся боеприпасов и взрывчатки на полигонах (там и криминальные разборки проводили — лес кругом, безлюдье), участвовали в наводке и продаже и моряки — смутное было времечко!.. Новая идеология собственника, «хапка», растоптала все нравственные критерии.

Пример. Моряк перед демобилизацией решил подзаработать денег. Решился на преступление. После отбоя пошёл к продовольственному складу, который охранял его знакомый, поговорили, вынул сигарету и попросил огоньку. Часовой полез в карман за спичками — и негодяй кухонным ножом несколько раз ударил ему в голову, потом добивал кирпичом. Когда бил, порезал руку. К счастью, часовой выжил. Но он долгое время был в реанимации, давать показания не мог. Мы ж нашли преступника буквально на второй день. Он во всём признался.

Задумав преступление, он сначала нашёл посредника, который обещал за автомат большие деньги. Передал автомат часового этому посреднику, который уже ждал за проходной частью, тот передал другому посреднику — и так по цепочке оружие попало к заказчику.

Полудурка этого посредники кинули, денег он не получил. Знать их толком не знал. Им занялась военная

прокуратура. А перед нами встал вопрос о возвращении оружия.

По вычислению заказчика работали примерно в течение недели, через свои оперативные контакты узнали, у кого может находиться похищенный автомат. Вышли на переговоры. Когда располагаешь точной информацией, разговаривать легче. Порешили, что оружие они сдадут добровольно. Условия сдачи такие: я ночью один и без оружия иду по Шаморовской трассе (Шамора — это бухта, где неплохой городской пляж), они проезжают на машине и, опознав меня, выбрасывают автомат, который я и забираю. Мы со своей стороны оформляем посреднику «добровольную выдачу огнестрельного оружия» — по согласованию с прокуратурой, а заказчиков не заносим в оперативные документы, словно их и не существовало.

Повели они себя в тот раз честно: сделали, как договорились. Нам важно было вернуть автомат в оружейную комнату. Не выйди я ночью на шоссе — он бы растворился в преступной среде и когда-нибудь начал стрелять; на худой конец, утопили бы в океане...

А вскоре у меня случились крупные неприятности с военной прокуратурой Дальневосточного округа. Я тогда был начальником управления военной контрразведки по 55-й дивизии морской пехоты. Время такое было, когда не хватало продуктов, обмундирования, а военная прокуратура числилась у нас на довольствии. Их засланцы приезжали к нам на склады и вели себя по-хозяйски: люди ведь неприкасаемые. Я объявил им войну: издал приказ не пропускать на территорию части ни одной чужой машины. По должности и по мотивам я имел право издать такой приказ. На территории — и склад оружия, и боевая подготовка, и прекрасный спортивный зал, где тренировались знаменитые спортсмены и бывшие спортсмены, вступившие на криминальный путь... Всем запрет! Такой приказ совпадал с интересами командира дивизии, командира полка, других офицеров: беспредел валит валом, так что моя запретная инициатива была им на руку — меньше будет ЧП.

Повторяю, с продуктами тогда во Владивостоке было очень тяжело: в городе ничего купить невозможно, а у нас на складе — усиленные пайки. Но в руках-то много не вынесешь... Приезжают прокурорские машины — дежурный их не пускает:

у него приказ начальника управления, то есть мой. Поскольку инициатор этого злодеяния капитан Арканов, то я и стал врагом прокуратуры.

Тут с Кавказа, где война уже фактически началась, перевели к нам племянника одного генерала и назначили его ко мне в отдел. В чью-то бедовую голову пришла гениальная мысль убрать строптивного капитана-контрразведчика и поставить на его место этого племянника. По команде прокурора Тихоокеанского флота меня решили дискредитировать. Военная прокуратура сфабриковала на меня дело, и семь месяцев я просидел в тюрьме в одной камере с уголовниками. Расчёт был на то, что я сломаюсь и уйду добровольно.

Кто-то из дружеских побуждений посоветовал мне, чтоб я придумал себе какую-нибудь легенду, не рассказывал, что я офицер-контрразведчик, причастный и к борьбе с бандитизмом. Но я честно рассказал сокамерникам, за что посажен. Ребята-уголовники сделали обо мне запрос на волю братве. Братва прислала маляву, что да, знаем такого по общим делам, пусть и по разным сторонам баррикад; но он не «сука», а «человек»: умеет держать слово. Припомнили случай на Шаморовской трассе. Я объяснял им некоторые юридические тонкости, важные при составлении прошений и всяких заяв, и прочее. Прокурор флота встретился с Николаем Васильевичем Егоркиным, начальником Особого отдела флота, и предложил ему: я, мол, замну это дело, если ты своего инициативщика уволишь. До меня довели эту информацию. Но от такого гешефта я категорически отказался. Егоркин отказался тоже.

А вёл моё дело подполковник-криминалист, мой знакомый, который дома у меня бывал, хлеб мой ел...

Как он «работал» — всплыло на суде. Вызванные в качестве свидетелей по делу матросы возмущались: фамилия моя, но я такого не говорил, и подпись не моя!.. Военная прокуратура не рассчитывала, что дело дойдёт до суда. На суде вскрылись факты фальсификации обвинительных документов, за мной не нашли никакого криминала и освободили прямо в зале суда. Подполковнику-криминалисту дали два года условно, а главного прокурора флота отправили на пенсию.

Из зала суда — на работу. И буквально на второй день после моего освобождения — опять ЧП. На острове Русский сидели на «губе» за убийство моряки-спецназовцы. Они разоружили караул, захватили пистолет, два автомата, заперли караульных в камере и ушли в сопки. Нас подняли по тревоге. Высадили на острове три группы, я как начальник отдела их возглавил. С воздуха обнаружили их, меня высадили. Я положил оружие на землю, показал им пустые руки, пошёл к ним. Поговорили о жизни, рассказал, что группа спецназа неподалёку, что с острова, как с подводной лодки, им деться некуда, а в случае сопротивления их ждёт уничтожение. Рассказал, что сам только что вышел из тюрьмы, напомнил о родных, дал время на размышление. Сдадитесь — будете живы, нет — перестреляем. За то, что сбежали, суд, конечно, вам впаяет то, что заслужили, а начнёте отстреливаться — отягчающие обстоятельства ещё по червонцу добавят, если даже возьмём вас живыми.

Кстати, караульных они не тронули, а убийство, за которое находились в изоляторе, не было умышленным — в драке кто-то удар не рассчитал... Они подумали — и сложили оружие.

Тато

Мой друг Саша С. известен не только как писатель, но и как мастер всяческих розыгрышей и мистификаций. Однажды он с женой приехал к тестю с тётцей, которые живут на Украине.

Первые минуты встречи, объятия, расспросы, подарки. Пока тётца ворковала с дочерью и одновременно собирала на стол, тесть обратился к зятю:

— Сашко, сбигай за горилкой, бо дома нема, мы ж вас и нэ чекалы (не ждали)!..

Сашко сходил в магазинчик неподалёку. Принёс две бутылки «Горилки з пэрцем». Спросил тестя:

— Тато, а що за горилка така — «Смэрть москалям»?

— Нэ чув!..

— Ну как же! Когда мы шли к вам с вокзала, она стояла на витрине: на этикетке — череп с костями, прямо как на трансформаторной будке — «Не влезай, убьёт!». А сейчас

попросил у продавщицы, она говорит, что закончилась — быстро разбирают. Самая популярная горилка в вашем городе.

— Ни, Сашко, нэ чув про таку горилку. А хто ж йи так назвав? Це ж така ганьба (позор) — «Смэрть москалям». Хиба ж так можно, га?

Сашко пожал плечами: раз есть така горилка, стало быть, можно. Тато, доставая рюмки, вилки и ложки, сокрущённо бормотал, что «яки ж ци западэньци» сволочи, что «неначе цю горилку зи Львиву» привезли в их город, чтоб настроить украинцев против русских.

Сели за стол, выпили за приезд, за родителей, за внуков. После третьей стопки тато, задумчиво прожёвывая кусочек сала, спросил зятя:

— Як ты кажешь, Сашко, «Смэрть москалям»? Х-ммм, а що, гарно хлопци пошутковалы, га-а-арно!..

Литературный институт

Один из любимых наших преподавателей, профессор К., грешил дружескими отношениями с Бахусом московского разлива. Иногда и на занятия приходил слегка под мухой.

За ним знали эту слабость, но простили, поскольку предмет он знал более чем основательно и умел зажечь, привить любовь к своему предмету. О русской литературе XIX века он мог говорить в любом состоянии, поскольку ею жил; не забывал ни одной даты, ни одной мелочи, которую вряд ли помнил современник Достоевского, Чехова или Тургенева. Нередко он вынимал из своего старомодного коричневого портфеля, с которым не расставался, дышащий стариной номер «Вестника Европы», «Современника» или аккуратно согнутую пополам месячную подшивку «Газеты Гатцука» и провозглашал: «Обратимся к первоисточнику!» Мы его уважали за это и никогда не пытались, пользуясь случаем, свильнуть на панибратство, даже когда приходилось профессора выводить из Пёстрого зала ЦДЛ (Центрального Дома литераторов) и ловить для него такси.

Однажды (назовём его Николай Петрович) профессор опоздал на семинарские занятия: прошло пять минут, семь, десять, а его всё не было. Группа сидела в аудитории в ожи-

дании — вдруг придёт. Сходить навести справки в деканате: не заболел ли? — можно и подставить учителя. Словом, ждали. Николай Петрович появился на тринадцатой минуте, извинился за опоздание и прошёл со своим затёрханным портфелем к преподавательскому столу. Мы затихли.

Профессор, испытывая неловкость за опоздание, спешил начать занятие.левой рукой он вынул карманные часы, щёлкнул крышкой, а правой рукой поставил портфель на край стола. Портфель качнулся и упал на пол. Внутри его стеклянно звякнуло.

— Ох, ё...!.. — воскликнул профессор, поднял портфель, заглянул в него и поставил на пол рядом со столом...

Мы, слегка ошарашенные, замерли... Наше напряжение, видимо, передалось преподавателю. Он слегка растерянно обвёл глазами аудиторию и неуверенно произнёс:

— Товарищи студенты, я сейчас что-то сказал или только подумал?..

— Подумали, подумали, Николай Петрович! — радостно ответствовали мы.

— Тогда приступим к занятиям, — удовлетворённо и уверенно сказал профессор.

«Неужели Валентин Распутин жив?..»

В последние годы позорной горбачёвской «перестройки», а затем и после развала СССР я работал на радио, когда понятие «патриотизм» было оплётано, растоптано, унижено до непотребства (Б. Окуджава говорил, что это «чувство, присущее даже кошке», мол, не уподобляться же нам каким-то там животным).

Возникали партии различного толка, которые выпускали свои малотиражные газеты, не делавшие погоды в стране. Отставные военные создали свою студию и одноимённую передачу — «Радар», которая по первости выходила в эфир один раз в неделю и занимала лишь пять минут эфирного времени. В то время началось деление радиоэфира на «пчелиные соты»: традиционная программа «Маяка»: подавляющее время в эфире — государственное (или уже олигархическое — не уверен, кто его оплачивал), а оставшуюся часть времени выкупайте

по определённой цене. Коль наш «Радар» был ЗАО — закрытым акционерным обществом и имел свой юридический статус, то для пятиминутного выхода в эфир мы должны были выложить внушительную сумму денег. Сюда плюсовалась аренда помещения, использование студии, монтажной комнаты в здании ТЦ-3 и т.д. Разумеется, существовать мы могли только за счёт рекламы. Тематика у нас была военная. В отличие от государственного радио имели возможность говорить то, что думаем, но в рамках заявленной в договоре с руководством «Останкино» военной тематики. За выход за её рамки договор могли и расторгнуть.

Министром обороны в то время был «лучший министр», по определению Б.Н. Ельцина, Павел Сергеевич Грачёв, который начал реформировать армию. Поскольку реформы эти во многом носили отнюдь не созидательный характер и отнюдь не по злому умыслу министра, а в силу уже создавшейся губительной ситуации, из которой армию надо было как-то вытаскивать, в силу слабой компетенции главы ведомства в решении многих глобальных вопросов, а также его готовности развивать инициативу только в указанном президентом (который не служил в армии ни одного дня) направлении. Офицерский корпус роптал, немалая часть генералитета — тоже. Однако сервильная «демократическая» пресса, ТВ и радио того периода шли на поводу у новой власти, оправдывая её «демократические преобразования» (вспомним, как телеведущий В. Флярковский очень умело растолковывал зрителям блага для страны предательской политики министра иностранных дел А. Козырева), и лишь порой, сенсации для, позволяли что-то сказать инакомыслящим.

Приведу один пример. Известный ныне отставной генерал-полковник Л. Г. Ивашов в то время имел ещё две генеральские звезды на погонах и значился начальником штаба ОГВС СНГ. В «Комсомольской правде» ему дали высказаться по вопросу правильности (или неправильности) курса военной реформы. Деликатно, не критикуя министра обороны, Леонид Григорьевич *лишь изложил свой взгляд* по этому вопросу. Я был в его кабинете на Ленинградском шоссе, когда раздался звонок по ВЧ. Далее произошёл примерно такой диалог.

— Генерал-лейтенант Ивашов слушает.

— Это Грачёв с тобой говорит. Хочу спросить тебя, Леонид Григорьевич: кто ты такой? Кто ты такой, я тебя спрашиваю?!

Журналистом заделался, в писатели подался (все знакомые знали, что генерал Ивашов пишет стихи. — В. М.)?! Ты что там наговорил «комсомольцам»? Да хто ты такой, я тебя спрашиваю?!!

— Я — русский генерал, Павел Сергеевич.

— Так вот и выполняй свои генеральские обязанности! А писать будешь, когда снимешь погоны! Ты понял меня?..

Ивашов, как всегда, не повышая голоса и не меняясь в лице, спокойно ответил:

— Паш, ты ж меня хорошо знаешь. Если я сниму погоны, то такое напишу — не обрадуешься.

Министр от возмущения даже заикнулся:

— Д-да ты!.. Д-да!.. — выматерился и бросил трубку.

Ивашов повернулся ко мне и спокойно сказал:

— Ну что, на чём мы там остановились?

Отрадно было, когда по окончании передач начинались офицерские звонки со словами благодарности вроде «наконец-то сказали правду!». Словом, «Радар» был тогда маленькой отдушинкой для тех, кто не мог принять провальную военную реформу Ельцина — Грачёва.

Дирекция «Маяка», на волнах которого звучали наши выпуски, не могла нам запретить давать время в эфире «одиозным» фигурам из военной среды: у нас, понимаешь, демократия, плюрализм, понимаешь... К тому же мы свой выход в эфир оплачивали в срок — не придерёшься. Видимо, для сторонников Грачёва из Минобороны «Радар» стал хоть небольшой, но костю в горле.

Тогда явно в противовес патриотическим передачам «Радара» Министерство обороны создало и профинансировало «Радио «Славянка». «Славянка» стала выходить в эфир дважды в неделю (мы — один раз) и, кажется, по семь минут («Радар» — пять). Мы поняли, что конкурировать с МО РФ по информированности, оперативности, широте охвата, привлечению аналитиков большой весовой категории рано или поздно будем не в состоянии, и решили занять экологическую нишу в эфире.

«Зелёное» движение сильно активизировалось ещё в конце 80-х годов, так что экологические проблемы у всех были на слуху, но, как правило, не решались ни на местах, ни правительством «новой России» по причине отсутствия денег, да и серьёзной озабоченности. Возникали коммерческие эколо-

гические фирмы (переработка опасных отходов, ликвидация разлива нефти и пр.), которые нуждались в рекламе, в том числе и на Центральном радио. Это давало нашей студии возможность зарабатывать деньги и оплачивать перечисленные расходы.

Коль я упомянул, что дух нашего коллектива и наших передач был, безусловно, патриотическим, мы и экологическую тему использовали для утверждения патриотизма в умах наших радиослушателей. Изобретали такие нелепые рубрики, как «Экология духа, памяти, нравственности, духовности», дабы в эфире прозвучали стихи задвинутых демократами С. Куняева, Ю.П. Кузнецова, Н. Тряпкина, А. Маркова, размышления скульптора В. Клыкова, М. Лобанова, художника В. Балабанова, пасхальное поздравление митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна, легендарного священника-воина о. Петра (Бахтина) — и ещё целый список замолчанных. Василий Иванович Белов на уговоры выступить в нашей передаче не поддался, хотя звонил я ему неоднократно: «Пока Попцов сидит в Останкино — я туда ни ногой!» Валентина Григорьевича Распутина зазвать в эфир на «Маяке» большого труда не составляло: он много лет боролся за чистоту родного Байкала. Я записал с ним материал на четыре передачи.

Перед первым эфиром с распутинским интервью заночевал в «Останкино», в студии, на двух неудобных стульях. В девять утра прослушал государственные новости, следом — свою передачу, в конце которой мы традиционно сообщали, кто автор этого радиовыпуска и контактные телефоны студии «Радар». Телефонные звонки начались тот час — так было всегда после каждой передачи. В основном звонили москвичи, хотя были звонки и из Иркутска, из других экологически неблагополучных сибирских (и не только) городов.

Затем странный звонок от некоей москвички. Странный — потому что она попросила к телефону меня, назвав по имени-отчеству: «Вячеслава Валентиновича, который вёл программу». Дело в том, что никогда в радиоэфире, так уж принято, никто не называл своё отчество. Видимо, дама сначала позвонила в секретариат «Маяка», который тогда работал круглосуточно. Я ответил, что слушаю.

— Вы точно Морозов?..

— Точнее не бывает. Могу телефонной трубке даже паспорт показать. Какой у вас вопрос?

— Это вы беседовали с Валентином Распутиным?

— Да, а что?

— А он разве живой?!

— А почему ему быть не живым? Такой же живой, как и мы с вами. А почему вы засомневались?

— Нет, вы мне скажите: Валентин Распутин точно жив или вы воспользовались старой плёнкой? — голос уже звучал напряжённо и слегка неврастенически.

— Да нет, никаких старых плёнок с Распутиным у меня нет...

— Когда вы с ним беседовали?

— Дня четыре назад. Кстати, у нас будут ещё три передачи о проблемах Байкала. Говорить о них будет Валентин Григорьевич. Но не пойму, что за допрос с пристрастием, почему вы спрашиваете: жив ли Распутин? Зачем вы его хороните раньше времени?..

Женщина расплакалась и долго не могла прийти в себя. Я терпеливо слушал её рыдания в телефонную трубку.

— Господи, как я рада! Да потому что нигде о нём я не могу ни прочесть, ни услышать... Одни Аксёновы и Войновичи со своими «Чонкиными...». Вот и подумала, что, может быть, где-то некролог не заметила... Даже дочка моя двенадцатилетняя прочла его двухтомник и сказала: «Мам, я теперь поняла, что я — точно русская». А вы и вправду не врёте, что Распутин живой?.. Что он, пишет ещё что-то там, а?..

— Думаю, что-то пишет. Как говорят у нас: слушайте завтра в это же самое время. И послезавтра тоже. И ещё через денёк. Сами убедитесь.

— Ой, какое же спасибо вам!.. А то я с валидола уже на нитроглицерин перешла... Не берёт валидол. Этот корвалол дурацкий... Услышала распутинский голос — подумала: опять нас дурачат...

Она снова расплакалась и положила трубку.

Почему я не люблю яблоки

Много лет я занимался альпинизмом. Несмотря на то что Алтай — это горы, нам, алтайским альпинистам, приходилось ездить на Тянь-Шань, поскольку единственный на Алтае альпинистский лагерь «Актру» в Чуйских Альпах закрыли, сочтя его нерентабельным.

Ближайшая база альплагеря «Талгар» находилась в Алма-Ате, чуть в стороне от центра города на тихой улице Винodelьческой. В просторечии её называли «Винбазой». Тут ходила расхожая шутка, что за восхождение на вершину Коп-Тау присуждают значок «Альпинист СССР», а за восхождение на памятник казахскому поэту Абаю присуждают 15 суток. Памятник Абаю, стоявший на одноимённой площади в 15 минутах ходьбы от «Винбазы», в альпинистском понятии сооружён был вполне провокационно: высокий постамент сложен из крупных гранитных камней — как тут не продемонстрировать удаль опытного скалолаза?!

Алма-атинская милиция, осведомлённая о сроках заезда очередной смены в альплагерь, в эти дни пересменки устанавливала скрытое дежурство неподалёку от памятника, напротив которого сиял золотым выгнутым фронтоном красивейший Дворец культуры имени Ленина. Самые нахальные из сибиряков были красноярцы (все — «природные скалолазы», воспитанные знаменитыми «Столбами»!), они и подзуживали остальных новичков. Когда очередной «восходитель» добирался до каменных ботинок великого казахского поэта, из кустов неожиданно появлялся милиционер и скучным голосом настоявшегося в очереди человека говорил: «Ну, и долго ты там собрался сидеть? Спускайся быстрее, пойдём в отделение».

Рассказывали об одном сибиряке, который спускаться не захотел, заявив милиционеру, что ему и тут хорошо. Милиционер-казак успокоил нарушителя, что и ему внизу тоже неплохо, а до конца дежурства ещё четыре часа. Сибиряк, поняв, что попал не на дурака, начал уговаривать милиционера отпустить его без протокола и наказания. Тот сказал, что отпустит в том случае, если нарушитель прочтёт хотя бы пять стихотворений Пушкина или Есенина. Сибиряк в ответ потребовал прочесть хотя бы одно стихотворение Абая Кунанбаева, у чьих

гранитных ног он находился в данный момент. Милиционер прочёл по-казахски какие-то стихи.

— Теперь твоя очередь!

Парень из Саяногорска прочёл отрывок из «Евгения Онегина», посвящение Анне Керн, половину шуточной поэмы Пушкина «Царь Никита и сорок его дочерей», после чего получил заверение, что арестовывать его не будут. Спустился, поговорили о поэзии вообще, о русской и казахской поэзии в частности, об альпинизме, после чего он был отпущен.

Спустившись с гор (тогда я только что получил значок «Альпинист СССР»), я понял по разговорам, что «лучшие люди» из нашего заезда собираются идти на последнее «восхождение» в сезоне и разрабатывают план отвлечения милиции вспомогательными силами, а штурмовая группа из двух человек готова к восходительскому подвигу. Я получил лестное предложение быть третьим, но отказался, испытывая неловкое чувство изменника стаи.

В этом сложном душевном состоянии меня и застал Серёга Х-дный, альпинист из Челябинска.

— Долбонь! — сказал он о красноярцах. — Я только что шёл мимо, там уже давно менты сидят по кустам и только их и ждут. Пошли лучше за яблоками.

Сообразив, что Серёга хочет идти на рынок, я согласился. Тогда я ещё не знал, где ближайший базар в Алма-Ате, поэтому был благодарен Серёге за приглашение, тем более что он сказал:

— Тут рядом, минут за двадцать управимся, — после чего куда-то пропал.

Уже начинало темнеть, рискованные ребята из Красноярска отправились на «восхождение», появился и Серёга.

— Ну что, пошли? Пакет какой-нибудь прихвати.

— А базар не закрылся?

— Да он тут круглые сутки работает!

Серёга уверенно двинулся какими-то закоулками, мы прошли по мостику, под которым бурчала то ли речка Алма-Атинка, то ли один из её протоков, вышли на пустырь. Я узнал место: в ста метрах слева от нас горел фонарь и виднелся пивной загон — площадка со стойками, огороженная сеткой-рабицей, и павильон, где продавали разливное пиво.

— Теперь — тихо! — шёпотом скомандовал Серёга. — Иди за мной и молчи. Уже рядом.

Яблоки в яблочном городе Алма-Ата (в переводе на русский язык — «Отец яблок») в то время стояли сущие копейки, но после «восхождения» на памятник Абаю это был второй шик — принести на базу полную пазуху яблок именно не с базара. В этом тоже виделось проявление удали и молодечества. По неопытности и молодости я тогда про это ещё не знал.

Мы шли по узенькой тропке, слева от которой тянулся какой-то бесконечный забор, а справа шуршала по камням та самая речка.

— Всё, стой тут, — шепнул Х-дный и тут же перепрыгнул через забор. Пока я делал пять или шесть шагов к этому самому забору, Серёга, чуть не сбив меня с ног, перемахнул забор обратно и быстрым тараканьим шагом молча ушёл по тропе дальше.

— Серёж! — растерянно окликнул я его. — Не понял, в чём дело?..

Серёга не откликнулся. Прежде чем его догнать, я решил всё-таки глянуть, что там, за забором, и почему Серёга так внезапно оттуда смылся. В полутьме хорошо было видно, что за забором — великолепный сад, наливные яблоки висели на деревьях столь густо, что, казалось, их было больше, чем листьев. Облокотившись на ограду, я окидывал взглядом это великолепие и... вдруг увидел, что в метре от забора и от меня стоит хозяин сада — здоровенный плечистый казах, в руках у которого столь же здоровенный дрын. Он молча и усмешливо глядел на меня. Секунды три мы молчали, глядя друг на друга. Затем я пролепетал:

— Извините, пожалуйста!..

— Пож-ж-жалуйста! — радушно ответил хозяин. И добавил, не меняя насмешливого выражения лица: — Будет время — заходите!.. С собакой познакомя. Хар-р-рошая немецкая овчарка! Томкой звать.

Придя на Винодельческую, я лёг в палатке и попытался уснуть. Не получилось. Минут через сорок кто-то пришёл за мной, сообщив, что парни из Петропавловска-Камчатского принесли четыре бутылки «Мурфатлара», а Серёга

Х-дный — полную пазуху яблок на закуску. Есть гитара — вставай, а то завтра все разъедемся по домам, когда ещё повстречаемся!

Я встал. Возбуждённые красноярцы обсуждали неудачное «восхождение» на памятник Абаю (милиция их шуганула), выработывали новые планы на будущий сезон. Венгерское сухое вино «Мурфатлар» уже было разлито по стаканам, мне вручили гитару и заказали песню. Яблоки — настоящий белый налив, которые я так обожал раньше, — лежали горкой на тарелке. Я пил «Мурфатлар», пел до утра песни, но яблоками не закусывал.

К яблокам я с тех пор вообще потерял интерес.

Обида

Не стоит село без праведника, без убогого — тоже.

Их было действительно единицы, любой житель села их знал, их не обижал никто, а помогать тянуть лямку на этом свете — помогали всегда. Мёдом не мазали, но и подохнуть, как бродячей собаке, под забором никогда не позволили бы: грех великий — обидеть убогого или не помочь ему вовремя!.. Годы 60-е XX века.

Один из убогих был Илья М., который вызывал во мне больше симпатий, чем другие, подобные ему, поскольку Илья с нами, детьми, легко ладил, говорил вполне грамотно, хотя порой и загадочно, жил не побиранием, а тем, что кому-то всё время помогал по хозяйству — тем, кто его позвал, либо сам напрашивался на помощь: вычистить туалет (уличный), подкопать картошку, прополоть огород, накосить сена и пр.

Вот о косьбе-то и речь. Илья знал, что его накормят от пуза, что дадут денег за работу, значит, можно будет в продмаге купить пачку «Прибоя» или «Севера» («Беломор» у Ильи ассоциировался со Звездой Героя или с Государственной премией), а если постараться и дадут больше желаемого, то — «элитные» махорочные сигареты «Памир» (их ещё называли «Нищий в горах»): 10 копеек за пачку! Наша соседка по улице, через два двора, попросила Илью, чтобы он выкосил лужок за огородом — до окольной канавы. Пообещала три рубля — плата до-

стойная работе. Покормила досыта. Илья посмотрел на косу, которую хозяйка вынесла из пригона, поводит ногтем по лезвию.

— А чё так хреново отбита?

— Так я ж не умею, а Мишка, муж мой, уже три года как помер...

— Ладно, свою принесу. Три рубля — как договорились?

— Илюша, да тебя на нашей улице кто-то обманывал?..

— Ладно. До вечера сделаю. Пойду за косой. Готовь деньги, а то курево кончается.

Илья сходил к себе на другой конец села, принёс отточенную косу и за каких-то полтора-два часа вымахал траву, сгрёб её и сложил в стожок.

— Ну чё?..

— Илюша, храни тебя Бог! Корове до конца марта хватит. У меня ещё с прошлого года маленький прикладок остался. Давай садись за стол, рюмочку выпей — наработался... Деньги счас принесу.

Тётка-соседка пошла в горницу за деньгами, Илья выпил рюмочку и стал закусывать щедрой яичницей на настоящем свином сале, которое большими кусками украшало сковороду с непобитыми яичными желтками.

Надо сказать, в селе все знали, что Илья за работу берёт абы сколько, но чтобы плата имела внушительный вид. Если дать ему рубль одними копейками или двушками, то ему и червонец одной бумажкой не надо. Тётя Варя тоже знала про это, но в этот злополучный день недоумела и не пошла в ближайший продмаг, чтобы разменять трёшник.

— Илюша, ещё раз тебе спасибо за помощь. Деньги — вот. Давай ещё стопочку налью, а то, вижу, притомился сильно. Домой-то пойдёшь — не закачает?..

Илья, взяв брезгливо трояк и отодвинув налитую стопку, спросил вполне серьёзно и даже немного угрожающе:

— Тётка Варя, ты меня за что обижаешь? Я что-то сделал не так? Да ты пройдишь по покосу — там же всё вылизано! Не так что-то — скажи! И стожок я тебе сметал как положено — ни одной травинки не пропало! А ты со мной вот так вот, да?.. Дак за что ж ты меня так не уважаешь?!

Тётя Варя уже сообразила, в чём она не права, и начала извиняться, говорить, что поясница который день разогнуться не даёт и прочее. Илья сидел мрачный. Глазунью на сале больше не ел, от чая отказался. Молча встал, надел потёрханный пиджак, положил косу на плечо и, не прощаясь, ушёл. Тётка Варвара перекрестилась. Завтра надо будет стожок опять разметать, чтобы трава подсохла, потом опять сложить.

Часа в два ночи загавкали все уличные собаки — хором и не переставая. Стало быть, что-то случилось. Мы с братом в одних трусах выскочили во двор. Дымно горел сметанный вчера стожок по-за огородом тёти Вари. Так Илья отомстил за обиду...

Когда он умер, многие плакали.

Мастер

Знакомый столяр, подвыпив, любил похвастаться, какой он замечательный мастер. Однажды он так оригинально похвалил себя:

— Дерево надо чувствовать — оно ж пашти што, запросто сказать, живое! Как мышь там, курица или кошка с собакой... Но я ж-то его чувствую — правильно? А кто-то — нет, не чувствует. А называется столяром!.. Столя-а-ар! Вообще-то, правильно — сто-о-оляр, я так думаю: столы-то кто делает? Плотники, что ль? Мы! Мы делаем! Вот я, например, из дерева абсолютно всё могу сделать. Не веришь? Га-а-а!.. А-а-ап-со-лютно всё сделать могу. Всё, что хочешь! Даже гроб!..

Я попытался передать наш разговор с высокой точностью, подумав: налицо правота Н.С. Лескова, который писал: «Изучить речи каждого представителя многочисленных социальных и личных положений — довольно трудно. Вот этот народный, вульгарный и вычурный язык, которым написаны многие страницы моих работ, сочинён не мною, а подслушан у мужика, у полуинтеллигента, у краснобаев, у юродивых и святош».

Вспомнишь, безусловно, и А.П. Чехова: «Ты, Каштанка, супротив человека — всё одно, что плотник супротив столяра!»

Женщина

Год был на календаре, как помнится, 1981-й. Слякотная осень, когда листья с деревьев уже облетели, дождик набегал с небольшими паузами, пропитав влагой и землю, и воздух.

Я работал тогда в Барнауле на железной дороге по графику сутки через трое и, когда нас и наш кран КДЭ-163 загнали на станции Гилёвка разгружать вагоны с углём, после сдачи смены решил не возвращаться в Барнаул, а съездить в родную Сидоровку, навестить родителей, поскольку Гилёвка была самой ближайшей станцией, где мы всегда сходили, приезжая откуда-нибудь в родительский дом.

Встреча пролетела быстро. Два дня я пробыл в родных стенах, где родился и вырос, напился родительским теплом, потом стал прощаться: уже с вечера надо было знать, куда ехать в ночь. Железнодорожный кран назывался «диспетчерским», и его секция тепловоза таскала по всему Алтайскому краю — туда, где надо было что-то срочно разгрузить или погрузить. Пока я гостил в Сидоровке, кран могли перегнать хоть в Бийск, хоть в Алейск, хоть в Камень.

Родители завздыхали: мало побыл. Тоскливо и мне, но ехать надо. Ещё со вчера решили: чтобы хоть лишних полдня побыть дома (да и не вставать в половине шестого), я поеду в Барнаул не поездом (сначала автобусом до райцентра, а потом автобусом же до ст. Гилёвка), а на проходящем автобусе Родино — Барнаул: он как раз в 12.30 проходит у нас по-за огородами. Выйди на трассу — всегда подберёт. Сидоровцы все так ездят в краевой центр.

Мама положила в сумку сала, яиц, варёную курицу, банку свежего смородинового варенья, ещё какой-то снеди. Я уже упирался тремя ногами, но она обижалась, что мало взял гостинцев, а отец был всецело на её стороне: это гостинчик, всё своё, не магазинное, грех отказываться от родительского «зубка» и т.д. Когда до выхода из дома оставалось с полчаса, мать всплеснула руками:

— Господи, я ж забыла! Твоё любимое паслёновое варенье!.. Я ж его целую кастрюлю сварила, даже разлить не успела по банкам — банки кончились. Так в погребке и стоит в кастрюле.

— Мамуль, да куда ж мне его ставить? Сумка полная!..

— Я его в бидончик налью, а отец крышку прикрутит бечёвкой, чтоб случайно не разлилось.

Пришлось взять и бидончик с паслёновым вареньем.

Во дворе — пожелтевший мокрый спорыш, на мокрой же ограде — рыжие витые плётки ободранного хмеля, на небе — мрачный рисунок из тёмно-свинцовых облаков, а в воздухе будто подрагивающая морось, а не мелкий дождь.

Обычно отец провожал нас до трассы и начинал прощаться, только увидев подъезжающий автобус. Сейчас я попросил его не месить грязь по такой погоде, а оставаться в натопленной избе. Всё-таки он проводил меня до колодца, мама прощально махала с крыльца...

Трасса Родино — Барнаул в то время в районе нашего села, до него и после него представляла свежую насыпь, на отдельных участках уложенную гравием, но в основном вся дорога до Павловска — уже недалеко от Барнаула — представляла собой чёрное, круто замешанное тесто. Осенний поздний дождик всё так же моросил, я уже промок и замёрз окончательно. Глянув на часы, отметил, что уже скоро час, как я стою на трассе в голой степи — унылой и грустной в эту пору года.

Наконец из-за окраины села, где дорога делает поворот, показался заляпанный грязью тупорылый «пазик». Он приближался медленно, видно было, что его кидает из колеи в колею. Я не стал голосовать — и так вроде понятно, за чем здесь торчу. Машина остановилась, передние дверцы со скрипом раздвинулись. Я вошёл, поздоровался, заплатил за проезд. Тронулись помаленьку. Пассажиров мало — по пальцам: день будний. Первые два сиденья в левом ряду были свободны — занимай любое. Я сел на первое — носом к зашторенной со стороны водителя плексигласовой перегородке, потом бессознательно, даже не ища комфорта, перебрался на второе. Сумку со снедью просто опустил на пол, а бидончик зажал ногами, придерживая дужку рукой: дорога «штормила» наш «пазик», как лёгкий катер на высокой волне.

Оглядел салон, пассажиров. На кондукторском сиденье, опершись на дерматиновую покрывку капота, сидела внушительной стати бабушка, вглядываясь в заляпанное ветровое стекло и изредка протяжно вздыхая. Порой обращалась

к шофёру по имени — Вася. Вася, сравнительно молодой парень, отвечал что-то, плохо слышное за рёвом двигателя, и свал в зубы очередную «беломорину». В правом ряду на первом сиденье, у самых дверей, сидело юное создание — довольно привлекательное. Иногда она, явно засидевшись, бралась рукой за вертикальную стойку и приподнималась, делая вид, что поправляет платье. Четверо пассажиров, сидевших сзади меня, — обычные селяне, нагруженные, как и я, объёмистыми сумками.

Симпатичная девушка обращала на себя внимание не только внешностью и городской одежкой, а ещё тем, что время от времени расстёгивала дамскую сумочку, внимательно и явно нравясь себе разглядывала себя, поправляла пальцем и без того правильные брови, подмазывала помадой уголки губ, что-то делала с ресницами, припудривала носик. Пряча в сумочку свой женский «шанцевый инструмент», поджимала губки, не давая им раздвинуться в довольной улыбке, делала брови домиком и короткими вспышками синих глаз оглядывала нас поочерёдно, стараясь делать это незаметно. Но именно это старание выпирало как шило из мешка...

Проехали райцентры Романово, Завьялово, Ребриха и наконец выскочили на асфальтовую трассу, проходящую через Павловск — и уже до самого Барнаула. Наверное, впервые от Родино Вася переключился на четвёртую скорость и утопил по полик педаль газа, громко сказав в салон:

— На два часа опаздываем!..

«Пазик» полетел по мокрому и грязному асфальту, не особо объезжая выбоины. Вася обогнал три или четыре грузовика, даже один «уазик». Опять пошёл на обгон какой-то фуры. Не знаю, что меня заставило пересечь ближе к краю сиденья и выставить правую ногу в проход. Бидончик с вареньем взял в правую руку, а левой взялся за дужку сиденья впереди. Через две-три секунды увидел через ветровое стекло, что наш автобус идёт на таран фургона ГАЗ-53. Сознание успело обработать лишь одно слово: «Конец!» — как машины столкнулись лоб в лоб. Чудовищная сила бросила меня вперёд, но я так впился левой рукой в дужку переднего сиденья, что оно, привёрнутое к железному автобусному полу восемью болтами, оказалось вырванным. Довольно чувствительно для шеи я боднул

головой пластиковую водительскую стенку и ощутил сильную боль в левой голени — ударил надкостницу о железную кромку переднего сиденья. Мелькнула мысль: хорошо, что правую ногу в проход выставил, иначе бы обе сломал...

В ушах звенела какая-то неестественная тишина. Бывшее ветровое стекло разнокалиберной крошкой засыпало салон. Через лобовую дыру было видно, что и наш автобус, и фургон с надписью «Книги» на боку стоят на обочине — под углом друг к другу. Шофёр Вася лежал грудью на руле, вывернув голову и безвольно свесив руки. Бабушку на кондукторском сиденье инерция вынесла через разбитое ветровое стекло больше чем наполовину; удерживали её на капоте лишь мощные ноги в грязных ботах и дородная корма. Мой трёхлитровый бидон с паслёновым вареньем валялся на ступеньках у двустворчатой передней дверки, только варенья в нём уже не было, оно большой лужей растеклось по проходу, а в этой луже в безжизненной позе лежала симпатичная соседка по салону. Оглянувшись. Задние пассажиры не шевелясь валялись впокат на полу автобуса, их поклажа вперемешку рассыпана тут же. Видимо, при столкновении пробило трубку бензопровода, потому что бензином не просто воняло — его пары заставляли глаза слезиться...

«Неужели мне одному повезло?!» — мелькнула страшная мысль, и я каким-то чужим голосом громко спросил: «Есть кто живой?..»

Именно после вопроса *все* зашевелились. Под охи и причитания задвигались бабкина корма и ноги — она мелкими движениями стала сдавать назад. Вася принял сидячую позу и, бессмысленным взором глядя перед собой, сунул в рот «беломорину» и начал выуживать спичку из коробка. Чиркнуть, к счастью, не успел: в каком-то замысловатом рывке мне удалось выбить коробок из его рук.

— Ты чё дерёшься? — отрешённо спросил он, не понимая ещё, что через секунду мы могли бы взлететь на воздух.

— Вылезай. Вон, — показал я ему, — гаишники подходят.

Чуть позже выяснилось, что их патрульная машина стояла на обочине в каких-то ста метрах и «таран» они наблюдали от начала до конца.

Втащил в салон бабулю, которая находилась в каком-то ступоре, оглянувшись на пассажиров сзади. Они все помаленьку

вставали, на разные лады жалуясь и понося судьбу-злодейку. По-прежнему в луже паслёнового варенья лежала лишь симпатичная молодуха, которая судорожно шарила руками вокруг себя. Нашла свою сумочку и, лёжа на боку, нашарила зеркальце. Глядя в него, начала жутко завывать. Сначала мне были невдомёк её странноватые действия, потом дошло, когда увидел, что прямо на глазах лоб девчонки начинает пухнуть, а глаза превращаться в щёлки. Через минуту лицо её стало похоже на раскрашенного колобка. Совершенно очевидно, что удар бросил её прямо лбом на вертикальную стойку: словно удар кастетом наоборот...

Вася на воле, судорожно куря, уже объяснял что-то милиционеру для протокола, другой рулеткой замерял след торможения обеих машин, из кабины книжного фургона мужики осторожно вынимали безжизненные тела мужчины и женщины (вскоре женщина-экспедитор скончалась, не дождавшись «скорой»).

Я сунулся помочь встать воющей девчонке, которая всё так же лежала в сладкой луже, оглядывала себя в зеркальце и вопила всё безутешнее. Она отталкивала мои руки, продолжая изучать свои изменившиеся черты и реветь в два ручья. Допуская, что у неё мог быть и перелом, я всё-таки осторожно поднял её за подмышки, усадил, спрашивая, где болит? Она лишь отрицательно мотала головой.

Гаишники по рации вызвали нам автобус. А пока он прибывал, мы отскребли с себя грязь и паслён, вытирая одежду о мокрую траву на обочине, потом «считать стали раны». Подъехала и «скорая», врач которой объявил, что мы все родились в сорочках, кепках и штанах либо кто-то за нас хорошо молился. Оказалось, что всем повезло просто невероятно: ни одного перелома, в том числе и у юной красавицы. Когда еёшибануло лбом о стойку, я уже пролетел вперёд вместе с зажатым в руке сиденьем, и девушку бросило мне на спину — чего я даже не почувствовал. Точнее, не запомнил.

Потом, вспоминая про этот счастливый жизненный случай, растущую на лице красавицы опухоль и её абсолютную безутешность, подумал, что она, должно быть, в тот момент согласилась бы и на травмы каскадёра, лишь бы не пострадала «фотокарточка», коль первым делом стала нашаривать зеркальце. Женщина!..

Ответ по существу...

Запущенная однокомнатная квартира. Продавленный диван, грязный стол с небогатыми «букинистическими» объёмками, табурет. Работает старой марки телевизор. На экран, согбенно покачиваясь на табурете, почти осмысленным взглядом пялится тощеватый мужичок — «Сильвестр Сталлоне в комнатном варианте» — в застиранной майке, драных трениках с надписью «Adidas» по бедру и босиком. Он в состоянии выхода из глубокого опохмела, иногда экономно подливает себе в стаканчик «семь капель», глотает, занюхивает и продолжает вести начатый с утра диалог с телевизором. Жена давно ушла от него, а пообщаться с кем-нибудь иногда тянет. Показывают какой-то фильм. Подливает и выпивает, когда объявляют рекламную паузу.

Опять на экране появляется рекламный ролик: «Вы всё ещё чистите ковры стиральным порошком?»

Заедая высохшим в сухарь огрызком хлеба, бормочет по инерции, словно отвечая телевизору на лично ему заданный вопрос:

— Да я сроду их не чистил... Половик и тот Надюха вытряхивала.

Словно вспомнив что-то, озадаченно и удивлённо оглядывает нищую комнатушку:

— Да у м-м-меня и ковров-то н-н-нету!.. И с-с-сроду не было! А чё ж в-в-вы тогда, с-с-суки, меня м-м-мучаете?.. — и начинал горько плакать.

С того света — без потерь

Наш степной Алтай в климатическом смысле место суровое. В сёлах уже к ноябрьским праздникам начинают забивать скотину, не опасаясь, что грянет оттепель и мясо в кладовке протухнет. Весна поздняя, хотя лето бывает очень жарким. К первым морозам снег не всегда успевает покрыть землю и от стылой земли исходит холод ещё неприятнее, чем от более мёрзлого сугроба. Теперь — маленькое отступление, дабы всё было разложено по полочкам.

Дарью Б. в нашем селе, находящемся в 36 километрах от райцентра, в молодости односельчане хорошо знали как неумную на работе, мастера высоких надоев (доили коров тогда руками), кавалера ордена Трудового Красного Знамени. Позже судьба её сломала и она медленно, но верно превратилась в столь же известную на селе пьяницу.

Мой брат Сергей по окончании медицинского института работал в районной больнице хирургом и на полставки судебным медицинским экспертом. Однажды зимой, в период лютых морозов, ему доставили на хирургический стол обмороженную Дарью и брат-хирург большинство пальцев на Дарьиных руках и ногах сохранить не смог. И она теперь, даже порвав знакомство с «зелёной змеюкой», уже не могла вернуться на ферму. Продолжила путь по наклонной. Когда ей замечали: «Даш, ну ты ж пойми: ты спиваешься!» — отвечала: «Ну, кому-то надо и спиваться! Не всем же трезвыми ходить».

В 1979 году я работал корреспондентом в районной газете «Знамя Октября» — в сельхозотделе. Мой начальник отдела Коля М., собирая по телефону информацию из разных сёл района, позвонил в Сидоровку главному зоотехнику колхоза и, вместо того чтобы поинтересоваться, кто у телефона, спросил: «Саш, ты?» — «Я», — ответили на другом конце провода. «Ну что у вас там по фермам, можешь дать информацию для газеты?» Трубку, однако, взял не главный зоотехник (которого вообще не было в кабинете), а известный юморист на селе Коля Яценко. Он отбарабанил данные по привесам и надоям, сообщив, что самые невероятные надои у орденоноски Дарьи Б., и назвал такие цифры надоев, что руководство ВДНХ, получи эти сведения, послало бы за Дарьей личный самолёт. Коля, начальник сельхозотдела, потрясённый сенсационной новостью, в восторженных тонах изложил услышанное из Сидоровки от «главного зоотехника», на которого и сослался.

Когда номер газеты вышел, в редакции начались звонки, возмущение, хохот, подначки. Бедный Коля ходил слегка бледный и всё повторял: «Какая же сволочь там брала трубку? Кто это меня так подставил?!» Я сказал ему об этом только через несколько лет, когда мы оба уже не работали в районке. Теперь переходим к главному.

7 ноября указанного года Сидоровка с сельским сибирским размахом отметила очередную годовщину Великой Октябрьской социалистической революции. Следующий день тоже значился выходным, но одному из шоферов выпал жребий от председателя колхоза ехать в рейс на ст. Корчино через райцентр. Шофёр бортового ГАЗ-53 с шумящей головой после вчерашнего уже выехал за околицу села. Низовой ветер заметал не снежок, а мёрзлую пыль: снег ещё не выпал.

Вдруг водитель заметил у обочины скрюченный женский труп в совершенно летнем одеянии. Дарья — кому ж ещё! Он поднёс тыльную сторону ладони к её губам — дыхания нет. Попробовал разогнуть холодное, сложенное в эмбриональное положение тело — не вышло. Открыл задний борт, запихнул мёртвую Дарью в открытый кузов и сел за руль.

Через полчаса его машина остановилась у комплекса районной больницы.

— Принимайте!.. Из Сидоровки, Дарья Б.

Дарью занесли в коридор, позвали брата. Он тоже не обнаружил у неё даже признака жизни: лицо белое, застывшее в гримасе, тело сплошь ледяное, дыхания нет, пульс не прощупывается...

Сергей попросил дежурных санитаров отнести тело умершей в ванну и пустить чуть тёплую воду, чтобы оно оттаяло и распрямилось, а потом отнести в «холодную» и положить на стол. Сам отправился в кабинет оформлять на покойницу документы. Кажется, вскрытие здесь не понадобится — и так всё ясно: где-то крепко напилась, потеряла дорогу домой, выбрела за околицу, где смерть от переохлаждения её и застала. Он заполнял необходимые документы, когда распахнулась дверь, вбежала бледная санитарка и, глядя обезумевшими глазами на врача, промолвила, указывая рукой в сторону подвала морга:

— Сергей Валентинович! Там... там такое!.. Идите!..

Видя неподдельный ужас в её глазах, брат без слов рванул по лестнице вниз. Картина, представшая перед ним, в комментариях не нуждалась, хотя и единственная в своём роде. Три санитарки застыли статуями с открытыми ртами и глазами по семь копеек, направленными на недавнюю «покойницу», которая, сидя в ванне, втирала култышками в волосы

хозяйственное мыло и отчитывала санитарок за то, что вода жестковата:

— Налили чёрт знает чего! Мы-то у себя в Сидоровке снег в бачке топим... Снеговая вода — она мягкая. О, и Сергей Валентинович тут! Привет, Серёж! Ты скажи своим, чтоб они мне снеговой воды для полоскания натопили...

Потрясённый брат только через минуту обрёл дар речи. Вместо морга Дарью определили в палату терапии. Через неделю её выписали, поскольку, кроме похмельного синдрома, который сняли, и застарелого цирроза печени, больше ничего обнаружить не смогли. Даже насморка...

Синичка

В один из недавних годов зима в Москве и Подмосковье выдалась столь свирепой, что известная фраза «крещенские морозы» обрела свой первоначальный смысл: морозы под праздник святого Крещения стояли такие, что в квартире не спасали от холода даже горячие батареи. Я уже жил в северном Подмосковье, а работал в Москве. Приезжая домой, видел законную берёзу, по которой с ветки на ветку перелетали синицы, время от времени делая виражи у моего балкона, на котором висела кормушка для них — пустая баночка из-под майонеза «Провансаль», после чего улетали. Тонкий птичий намёк был вполне прозрачен; я сыпал крошки в кормушку и ждал, стоя за шторой, когда начнётся «авианалёт». Вроде бы закономерно, что голуби и воробьи за дармовщинку устраивают между собой драки, но ни разу не наблюдал этого нетоварищества за синицами. Увидев, что в кормушке появилось пропитание, дежурная синичка не набрасывалась на хлебные крошки и даже на подвешенный кусочек сала, а куда-то исчезала на время. Спустя какие-то минуты появлялись её подруги (позвала, стало быть!) и по очереди подлетали к салу и «Провансалу», не устраивая давки и конкурентной борьбы.

Синиц за их смелость называют порою хамками и нахалками, а в сёлах — даже воровками за то, что теребят для своих гнёзд мох и паклю, проложенную между брёвен человеком. Но это «нахальство» настолько обезоруживает и умиляет, что...

Половина шестого утра, я стою на остановке, жду автобус, чтобы ехать в Москву. Сунул руку в карман, обнаружил сухарные крошки. Вывернул карман пальто, чтобы очистить его, и тут же под ноги слетели с дерева два жёлтеньких комочка, быстро прибрали то, что упало на снег. Сунул руку в другой карман и задержал её там, косясь глазом на сидевших на клёне «нахалок». Автобус не подходил, а я делал вид, что нашариваю в левом кармане что-то вкусное, но никак не могу нашарить. Тут одна из синиц маленьким ястребком спорхнула мне на темечко, оттуда — на плечо, легонько клюнула меня в шею и опять взвилась на ветку дерева. Пришлось достать припасённую сушку, разрушить её в кулаке и вытянуть ладонь. Обе клевали с ладони, затем появились ещё три птицы-помощницы. Подошедший автобус вынудил меня остатние крошки высыпать на снег.

Но вернёмся к крещенским морозам. Я приехал из Москвы замёрзший — разулся, разболокнулся и прошёл на кухню к горячей батарее. Поставил чайник и выгащил кипу свежих газет, которые привёз с собой. Уже слегка смеркалось на улице, но пока буквы не сливались и не прыгали. Чайник только начинал посапывать, а я, занятый пометками и подчёркиваниями нужных мест в тексте, сосредоточился только на этом занятии. Дробный, но тихий стук в оконное стекло (5-й этаж) никак меня не озадачил, но был невольно отмечен: за окном кто-то и чем-то постукивает. Может, соседи... Стук в окно опять повторился — повернул голову. Бог ты мой! Глядя на меня чёрными бусинками глаз, перед окном зависла синица, трепеща крыльышками. Заметив, что я её вижу, снова полетела к стеклу и клювом выбила короткую дробь, после чего села на берёзовую ветку, расставив ножки-волосинки перевёрнутой буквой V.

Озадачила на короткое время. Затем пришло в голову: на улице — морозище, а им же есть охота. Проверил кормушку — пуста. Накрошил туда хлебушка и подвесил на канцелярскую скрепку кусочек сала. Синичка улетела и скоро вернулась с подружками. Начался птичий ужин.

Я смотрел на порхающие жёлтые комочки и никак не мог понять: как в этой маленькой птичьей головке могла созреть столь удивительная мысль — каким образом подать сигнал человеку, забывшему их сегодня покормить! Лев Толстой после

написания «Холстомера» говорил, что больше всех к «очеловечиванию» близка лошадь, потом собака.

Что ж можно сказать об этих птахах, величиной с напёрсток?..

Женская месть

Середина 80-х, г. Барнаул. Лучше всего эту историю следует изложить устами женщины, которая и есть главная героиня описанного приключения.

— Еду вчера домой с работы... Умоталась хуже ломовой лошади. На работе неприятности, мать болеет... Надо ещё в аптеку зайти, в очереди настояться: дома ничего молочного, два яйца в холодильнике да пакет «Хмели-сунели»... А автобус забит, как в часы пик всегда бывает!

Я спиной к окну прижата на задней площадке — ни развернуться, ни дёрнуться. А лицом ко мне, то есть животом к моей груди, стоит здоровенный парень в белом плаще, модный галстук, воротник белый крахмальный, как раньше говорили. Морда ухоженная, высокомерная и наглая. Правую руку с букетом гвоздик поднял к потолку, а левой ну хоть бы упёрся в стекло, чтоб между нами какая-то щёлка была. Нет! Автобус качает, пассажиров тоже, он мне по груди своим белым животом елозит: то прижмёт, то отпустит. Приятно, наоборот...

Потом на какой-то остановке нас ещё маленько уплотнили. Он ногами переступил и встал на кончик моей туфли — аж большой палец придавил. Тут уже не неудобно, а больно: лось-то вон какой, не зоопарковский!.. А во мне что-то заело: не хочу к нему обращаться, морда слишком уверенная и благополучная, мол, мы не вам чета... Я давай потихоньку и молча свою туфлю из-под его ботинка выдёргивать. Он почувствовал, что я там шевелюсь под его ботинком, с усмешкой посмотрел на меня сверху вниз и ногу не снимает. Ну не может же он не чувствовать, что стоит на моей туфле! Дёргаю энергичней, а он не только не снимает своего сорок пятого, а ещё и надавливает. И ухмыляется в потолок...

Опять остановка. Вижу — он готовится на следующей выйти: ногу с моей туфли снял, начал поворачиваться ко мне

спиной, фэйсом — к выходу. Мне — ни «извините», ни слова, ни полслова! Ах ты, думаю, хамло! Не хамите да не хамимы будете, как сказано в Писании.

Народу маленько поубавилось, в автобусе посвободнее стало. Этот, в белом плаще, даже руку с цветами мог опустить. Смотрю — на безымянном пальце обручальное кольцо. Ну, думаю, я тебе сейчас организую встречу с любимой супругой! Ты ей — цветочки и весеннее журчание, а она тебе — по мордам!..

Я нашарила в сумочке косметичку, вынула зеркальце и губную помаду, наквасила свои губищи пожирнее и три раза нежно приникла к его белому плащу, когда автобус качало. Смотрю, отпечатки — хоть в милицию на экспертизу. Он сошёл довольный собой, на меня и не оглянулся. У меня, конечно, до этого вместо сердца бился пулемёт «максим», а тут сразу успокоилась и даже повеселела: отомстила хаму...

От себя добавлю: мужчине такая тонкая месть не под силу и не по отпущенным природой способностям.

Русскому — можно!..

В августе 2002 года благодаря моей давней знакомой, академику Лоле Звонарёвой, с небольшой группой литераторов я побывал в двух болгарских городах — Шумене и Варне, где мы не только загорали, купались в море и дегустировали уступающую по качеству русской водке, но национально окрашенную ракию, а ещё и знакомили болгарских преподавателей русского языка и литературы с текущим литературным процессом, историей русской литературы и развитием языка.

Гостеприимные «братушки», ещё не забывшие, что они тоже славяне, организовывали встречи, концерты, представляли возможность и самим нам организовать свободное время. В один из таких дней поэт и прекрасный бард из Ростова-на-Дону Костя Паскаль сообщил:

— Слушай, там народ собирается съездить в известное курортное местечко — Златни Пясцы. Поедешь?

— Разве от такой поездки можно отказываться? В советское время эти Золотые Пески были так разрекламированы,

что слюна капала — так хотелось побывать. Но не удалось. А далеко ехать?

— Говорят, вдоль побережья от Варны — полчаса на автобусе. Остановка недалеко от нашей гостиницы.

Если не в столь давние времена Болгарию называли «шестнадцатой республикой», шутили, что «курица — не птица, Болгария — не заграница», то теперь уже так не говорят — заграница. Но отрадно, что по-русски большинство понимает, а многие и разговаривают, особенно из старшего поколения. В гостинице, на улицах, в храме, на пляже, в магазине языкового дискомфорта мы не ощущали.

Ещё на подъезде к Златным Пясцам увидели шикарные гостиницы, ступенчатым полукругом высившиеся вдоль береговой излучины, кипени южной зелени, затем — сам огромный пляж с открытым аквапарком, всевозможными кафешками и аттракционами. Загорелые лихачи на водных мотоциклах закладывали немыслимые виражи, на большой скорости шли навстречу высокой волне, словно перепрыгивали с гребня на гребень. За двадцать долларов желающих цепляли к дырчатому парашюту, и лодка с мощным мотором поднимала за трос счастливого в болгарское небо, где он парил минут десять на стометровой высоте (длина троса), наслаждаясь полётом, красотой южного города и «самого синего в мире» штормящего Чёрного моря.

Море действительно штормило, хотя солнце светило ярко и ветерок не слишком беспокоил. «Шконок» в прокате мы брать не стали, разделись прямо на золотом песке и сунулись в море. Высота волны была около полутора метров. Подныриваешь под такую — и она мягко уволакивает тебя по морскому дну в турецкую сторону. Выбираться на берег немного труднее: та же отливная волна противится. По берегу взад-вперёд ходил в шортах и с мегафоном высокий парень, который громко предупреждал отдыхающих, что в открытом море купаться сегодня опасно, поэтому — запрещено. Специальные места для купания отгорожены сеткой с буйками. Говорил он, естественно, по-болгарски, но всё было понятно.

Мы с Костей и Серёгой Куняевым законопослушно поплавали и поныряли внутри сеточного загона, потом купание

в этом «лягушатнике» показалось мне оскорбительным. Выждав, пока парень с мегафоном отойдёт немного подальше, нырнул под волну и поплыл в море. Для начала взял курс на спасательный катер, который на якорю болтало волной неподалёку от берега. Молодой усатый болгарин с интересом смотрел, как я подплываю. Когда я взялся за край борта и поздоровался, он спросил, стараясь выглядеть построже, почему я нарушаю установленные правила.

— Побывать в таком чудесном месте и купаться в вашей загородке — это всё равно что в ванной. К тому же я десантник, а бывших десантников не бывает, как говорил наш командующий Василь Филиппыч Маргелов. Вдобавок, когда я к вам ещё раз в гости приеду?..

— А, так ты русский? Я в России был два раза, один раз на курсах — целых три месяца. Чуть не женился. Слушай, и я ведь тоже десантник! Сколько у тебя прыжков? — он, оказывается, легко изъяснялся по-русски.

Я ответил, назвал марки самолётов, с которых прыгал.

Спасатель завистливо поцыкал зубом:

— А у меня только пять. И все — с вертолёта.

— Ну вот, а мне с вертолёта ни разу не удалось. Ладно, оставайся, я в Турцию — и обратно...

Спасатель захохотал, махнул рукой: плыви!.. В это время с берега раздался голос, усиленный мегафоном, приказывающий мне немедленно вернуться, дабы заплатить штраф.

— Я — русский! На меня болгарские законы не распространяются! — проорал я и поплыл дальше в море.

Парень на спасательном катере привстал, приставил к губам раструб и крикнул в него:

— Он — русский! Он — десантник! Ему можно!..

Когда, досыта наплававшись вдалеке от берега, я выбрался на песок и прилёг рядом с Костей, он ухмыльнулся:

— Хочешь, расскажу, как анекдоты рождаются?

— Ну?

— Когда ты не выполнил приказ этого, с «матюгальником», некоторые пляжники решили, что и им тоже можно. Парень встал стеной: «Запрещено! Штраф — 20 левов!» Показывают на тебя: «А этот почему заплыл?» — «Ему можно. Он — русский!»

Непридуманные истории-2*

Закусь

Я работал помощником машиниста на железнодорожном диспетчерском кране КДЭ-163. Когда на какой-либо станции требовалось срочно разгрузить вагоны с лесом или углём, нас подцепляли к секции тепловоза и везли к назначенному месту. Для нашего комфорта к крану цеплялся старый пульмановский вагончик, где стояла сварная печка-буржуйка.

Работали сутки через трое, а если загоняли на чёртовы кулички, то тогда двое через шестеро, чтобы очередной смене (да и нам) не тратить по семь-восемь часов на дорогу: всё-таки Алтайский край территориально побольше Франции.

В тот раз нас загнали на станцию Малиновое Озеро в Кулундинской степи. Разгрузили четыре углярки — на этом работа кончилась. Диспетчер связался по селектору с Барнаулом, ему ответили, что для нас пока работы нет. «Отдыхайте, ребята, делать больше нечего. Вроде и заказов на вас нету, до утра никуда не потащат».

— Славка, — обратился ко мне машинист Василий Игнатьевич, — раз работы нету, может, бутылочку возьмём? Сегодня как раз День молодёжи (он произнёс «молодежи»). А утром Колька с Серёгой нас сменят.

Мы купили бутылку «Старки» и пошли в вагончик, где на краю буржуйки нас ожидал горячий суп. Сели за стол, разлили, выпили.

— Да-а-а, — протянул Василий Игнатьевич, — под хорошую закусь можно выпить. А то, бывало, возьмём поллитру, а на закуску — что у кого в кармане найдётся: сухарик там, карамелька... Неправильно всё это. Один раз дак вообще травой зажёвывали. В другой раз ёлочку общипали!.. Но хуже всего маслом закусывать — страшное дело, я тебе скажу!.. Страше-е-енное!..

— Василий Игнатьевич, а что ж тут страшного? Наоборот, и пищевод, и желудок смазывает, обжечь не даёт.

*№2 журнала «Барнаул» 2010 г. (45-67 стр.).

Василий Игнатьевич посмотрел на меня, как смотрят на законченного недотёпу:

— Дурак! Машинным! Да ещё отработанным!..

Сдерживая приступ смеха, я поинтересовался:

— А какая нужда-то была? Лучше уж совсем без закуски, чем с такой. Рукавом занюхать можно или друг другу фигу под нос поднести...

— А тут хошь не хошь, а пришлось. Стояли вот так же со Степанычем в Бийске. Зима. Дело уже тёмное на дворе. Мы свою работу сделали. Нам сказали, больше не будет. В полседьмого смена приезжает. Тут Степаныч и говорит, мол, давай, Вась, по стаканчику опрокинем, у меня с собой есть кой-чё: старуха только вчера выгнала...

Да-а-а!.. Только, значит, выпили с ним по стаканчику, я глядь в окно — мама родная! Трое к вагончику идут: один — дежурный, другой — начальник Бийской станции, а третий — начальник дистанции из Барнаула. Уже метрах в двадцати от нас. Ту самую фигу нам и несут на занюшку. Да-а-а!.. А идут, понятно, к нам — больше не к кому: мы одне в тупике стояли на шестом пути. Я мигом — бутылку со стола, стаканы тоже. Степаныч, говорю, давай быстро кружку! А у нас тут в углу стоял полутораведёрный бидон с отработанным маслом — вчера меняли только. Плесканул я в кружку, и мы махом по два глотка сделали, чтоб запах, значит, отбить. Как меня только наизнанку от пупка не вывернуло?!..

Ну, зашли они, поздоровкались, поспрашали — как, мол, что, мол?.. Потом начальник дистанции говорит: «Попить дайте, мужики». А у нас кружка в машинном масле! И икота такая началась, думал, рвану!.. Хорошо, Степаныч сообразил: отвинтил крышку от термоса...

Так что эту закуску я век помнить буду! Другой раз лучше дохой крысой заем. Если, конечно, крыса под руками окажется.

...Читатели мои дорогие, дед Шукарь, как помним, тоже не согласился лечить живот тем, «чем бездушную ружьё чистят», — ружейным маслом.

Великий и могучий...

Прав Иван Сергеевич Тургенев — велик и могуч русский язык. Однако и он порой даёт слабинushку, столкнувшись со штампованной чиновничьей изобретательностью.

70-е годы. Города наши заполнены трафаретными лозунгами и призывами. На въезде в курортный город — огромный плакат («от здания к зданию протянут канат, на канате — плакат»): «Гагрцы, превратим наш город в город высокой культуры!».

В Якутии есть городок Мирный — горожанам подходит «миряне»? Неподалёку от Мирного — посёлок Алмазный. Голову сломал, но, кроме обращения к гражданам «алмазики вы наши!», ничего не придумал.

В Иркутской области есть село Мама — тут уже легче придумать: «мамсики!». В городе Братске можно использовать такие варианты: «братцы!» и «братва!». Что делать с дальневосточным городом Ерофеем Павловичем — я так и не сообразил. Напишешь «Ерофеи Павловичи!» — столько мужиков обидишь: Иванов Петровичей, Петров Михальчей... К жителям городка Пограничного влёгкую подходит обращение «пограничники!», хоть там и не все в зелёных фуражках ходят. Город Железнодорожный — «железнодорожники!».

Игаркцев можно было сделать побратимами гагрцев — такие же невыговариваемые... А в Малиновом Озере? А в знаменитом дагестанском селе Кубачи? А в Карасуке? «Карасукцы и карасуки?»..

Ну да ладно! Вспомним другую наглядную агитацию (о сегодняшней рекламе умолчим — тема отдельная): «В лесу окурки не бросать!», «Разводить костры запрещается!», «Берегите лес!», «Не курить! Не сорить!», «Самообслуживанье всюду: поел — сам убери посуду!», «Каждый вторник — рыбный день, каждый четверг — не мясной день», «Блюдо из серебристого хека не только украсит ваш стол, но и укрепит ваше здоровье», «Приносить и распивать спиртные напитки строго запрещается!», «Столик не обслуживается», «Вход воспрещён!», «Все на коммунистический субботник!», «Сдавая деньги в Фонд Мира, ты укрепляешь мир на планете», «Разводите пчёл», «Каждому клиенту — отличную помойку!» (это в бане), «Сталевары, сила страны — в ваших плавках!», «Мойте руки перед едой», «Слава Великому Октябрю!», «Слава великому Ленину!».

«Слава КПСС!», «Партия — наш рулевой!» (в перестройку народ ёрничал: партия, дай порулить!) ...

В одном из детских садов в Барнауле я видел в вестибюле, расписанном мишками и зайчишками, выполненный красочно, под детское восприятие, большой застеклённый планшет, озаглавленный «Наше детство». Крупными буквами цитировались высказывания Ленина о детях, строки из резолюции XXIV съезда КПСС, тёплые слова о детях и партийной заботе о них генерального секретаря Л. И. Брежнева. Пока мой товарищ, художник Саша Курдюмов, одевал сынишку, которого пришёл забирать, я достал записную книжку и стал переписывать «великие цитаты», которые неизвестно для чего украшали вестибюль детсада, в коем маленьких *читателей* попросту не водилось — в силу их малого возраста. Самое интересное произошло, когда проходящая мимо воспитательница заметила мои действия, настороженно и даже угрожающе спросила, зачем я переписываю «агитку», потом буквально бросилась вырывать авторучку. Сумела вырвать. Я пытался вежливо артачиться:

— Почему же нельзя переписать гениальное высказывание дорогого Леонида Ильича?! Разве речь генсека — крамола? Тогда почему она висит у вас в вестибюле? Да ещё под стеклом?

Несчастливая женщина, видимо, раньше совершенно не задумывалась над этим простым вопросом (ну повесили и пусть себе висит — так велено!), растерялась совершенно, но всё-таки повелительно сказала:

— Или вы сейчас уйдёте, или я милицию вызову! Вы хулиганите! Зачем вы это всё записываете? Чтоб потом на Запад передать?!

Тут, на моё счастье, подошёл Саша с сынишкой и мы покинули детсад, недоумевая по дороге до дома: почему всё-таки за выписку цитаты из Брежнева можно угодить в милицию, да ещё по политическим мотивам?..

Однако хочу в конце вспомнить случай и им погладить себе душу: были и тогда мудрые отступники от дурацкого трафарета. Наша команда альпинистов из СКА-12, сделав несколько серьёзных восхождений в горах Заилийского Алатау, погрузилась в машину и взяла курс на город Пржевальск (сейчас — Каракол), где на Тянь-Шане команда заявила на первенстве Вооружённых Сил СССР красивейшую северную стену пика

Джигит. Лишь к ночи мы сумели добраться до пляжного галечного берега Иссык-Куля. Ночь была тёплая, вода в озере тоже...

С первыми лучами с востока мы проснулись поверх брошенных на галечник спальных, оглядели место ночёвки, панораму и, не стовариваясь, ринулись в озеро. Заплыв довольно далеко, к берегу мы возвращались не спеша, оглядывая каменистые берега, строения, зелёные купы южных деревьев по берегам... И вдруг я увидел на краю галечного пляжа, где каждый день грелись сотни отдыхающих, огромный щит, а на нём слова: «Берегите Иссык-Куль — красоту земную!» До сих пор не могу сыскать лучших слов для Иссык-Куля...

Остаётся добавить, что пляж, где мы находились, действительно был чист, хотя специальных уборщиков мы так и не увидели. Видимо, божественная тайна слова до сих пор многими из нас до конца не постигнута. Если бы написали: «Товарищи иссык-кульцы, берегите родную природу!» или «Оставлять мусор на территории городского пляжа категорически запрещается. За нарушение — штраф», то, скорее всего, результат был бы иным...

Медведь

Нас, четверых друзей, занесло в горноалтайскую тайгу — бить кедровую шишку. В тот год её было довольно много.

Проехав по Чуйскому тракту до Семинского перевала, мы оставили «Ниву» на укромной поляне, поднялись в глубь тайги, выбрали место для ночлега под ветвями громадного кедра, соорудили большой шалаш, стаскали в него манатки и натащали гору сучьев для костра. Вырезали дубинки, чтобы обстучивать ветки и обивать шишку.

До сумерек лазили по кедром: двое наверху бьют шишку, двое собирают её в мешки и отволакивают к шалашу. Рушилку привезли с собой, чтобы домой везти чистый орех — войдёт в багажник больше. Устройство простое: деревянное корыто без дна, вороток, похожий на колодезный, а в деревянный барабан рядами набиты гвозди. Сверху засыпается шишка, вороток вращаешь — и орех пополам с чешуёй падает на ра-

зостланный внизу брезент. Затем эта смесь провеивается, чистый орех ссыпается в ещё не затоваренную мешкотару, а гора оставшихся чешуек и орешной сердцевинки, похожая на гигантский муравейник, подсказывает случайному человеку, что здесь побывали шишкарки.

Сумерки сгущались, костёр сделался ярче. Из темноты в дальних отсветах костра показалась маленькая сибирская лайка с закрученным в крендель рыжим хвостом и остановилась в нерешительности. Лайнула несколько раз. Следом в освещённый круг вышел небритый мужичок в таёжной экипировке, с рюкзаком за плечами, без ружья. Мы освободили место у костра, хотели наложить ему в миску каши, но мужичок, назвавшийся Николаем, сказал:

— Сначала давайте шалаш перенесём на середину поляны. И, пока видно, натаскаем сучьев, чтобы до утра хватило.

— А в чём дело-то? Здесь мы как под навесом.

— Вот это и плохо. Моя Альфа, — он потерял рыжую собаку за стоячее ухо, — три дня назад задрала, дурища, рысёнка. Рысь-мамаша уже четвёртые сутки пасёт меня, плачет с деревьев, урчит, мявчит... А у меня, кроме ножа и топорика, нет с собой ничего. А рысь-то обычно нападает сверху, с дерева.

— Да у нас тоже — один перочинный и один охотничий — самоделка. А что ж ты в тайгу без ружья направился?

— Соседка попросила живицы набрать на зиму, смолы лиственничной. Что-то у неё по-женски не ладится... Да и себе наберу заодно — хорошо ранки заживляет.

Мы сообща разобрали шалаш и соорудили его по новой в центре просторной поляны. Перенесли огонь, подбросили сучьев, натаскали новых — благо их было много вокруг.

Пока Николай ел кашу с тушёной (Альфе тоже положили на травку), дошёл чай в котелке. Рысь кочевала по ветвям вокруг нашей поляны и временами издавала то скорбные, то угрожающие звуки, непохожие ни на одни звериные, которые мне доводилось слышать. Вдруг она перестала подавать признаки своего присутствия. Ветки кедров слегка колыхались, но это была явно не рысь, а ветерок...

Сунув ноги в спальник, я прихлёбывал из кружки горячий чай, когда рыжая Альфа, крупно трясясь всем своим собачьим телом, стала молча и настойчиво ввинчиваться ме-

жду моих ног. Тем временем смерклось окончательно, таёжная темнота окутала наш костровой островок.

— Альфа, да что с тобой, собакевич? Что тебя вдруг так заколотило?

— Что-что... Хозяин пришёл, — спокойно ответил абориген Николай, подбрасывая сучья в огонь. — Алтайцы называют его аю. Ведмедь, значит.

Моя рука моментально нащупала на бедре охотничий нож, тут же пришла мысль: может, прикрутить его к какому-нибудь дрыну — получится почти рогатина. Жаль, что сучья у нас перед костром все короткие и кривые...

Мишка тихо зашёл откуда-то сбоку, когда — мы не заметили. Затем чуть выше по склону, совсем недалеко, послышалось его добродушное ворчание. Альфа тряслась уже на самом дне спального мешка. Я поглаживал её подошвами ступней, она иногда благодарно и истерично принималась лизать мои носки. Подбросили в костёр ещё сучьев, придвинулись поближе, хотя жар от костра уже исходил как от хорошей домны. Костёр осветил почти всю большую поляну, на которой стоял наш шалаш. На всякий случай мы разобрали толстые горящие головни, оставив концы сучьев на краю пламени.

Вдруг с громким протяжным рёвом мимо костра вниз по склону промчался крупный медведице. Правый бок его, мелькающие лапы, отвисший живот, разинутая пасть были хорошо видны в свете костра. Продолжая громко реветь, мишка ломился через кусты в сторону Чуйского тракта, вдоль которого протекала неширокая речушка. Днём, шишкую, забираясь на деревья, мы заметили на приречном выпасе отару овец, двух пастухов и четырёх овчарок. Минуты через три эти овчарки начали заходиться в хриплом лае. Зато немного успокоилась в спальнике лайка и даже выползла к коленям, не покидая спальника, и теперь лизала мне руки, когда они попадали в зону досягаемости.

— Коля, она мне тут со страху не наделает? — спросил я хозяина Альфы. — А то как спать потом?..

— Всё может быть. Альфа, ко мне!

Но собака не вылезла из спального мешка. Вскоре истощенный лай четырёх овчарок начал стихать, а Альфу опять крупно затрясло. Лайка не лаяла, а тихонечко поскуливала. Тихо-тихо, едва различимо... Мы опять подбросили в костёр сучьев. Сно-

ва огонь взвился в воздух, свиваясь и рассыпаясь, полетели искры, гаснущие на лету. Непонятно, что там делал медведь, находясь выше нашего шалаша, поскольку его не было слышно. О его близком присутствии говорил лишь жуткий альфособачий мандраж. Её состояние помаленьку передавалось и нам, ибо мы не знали, что у медведя на уме и что мы должны предпринять, если он решит пообщаться с нами. С одной стороны, шишки в тайге полно — отъедайся, Миша, перед тем как залечь в берлогу. С другой стороны, на кончиках травинок и листве по утрам уже лежит лёгкий иней, замёрзшие грибы стоят в траве как изваяния, скоро мишке надо делать бай-бай до самого апреля. Может, не успел жирка нагулять?.. Тогда мы в самый раз повстречались на пути...

Второй медвежий забег в сторону Чуйского тракта был похож на первый — один к одному. Только мне почудилось, что ревел он как-то озорно и весело.

— Что ж он вытворяет, а? — спросил нас всех один из друзей, когда пастушьи овчарки у реки опять стали надрывать свои собачьи глотки.

— Как что? Шутит, забавляется, стервец мохнатый, — ответил таёжник.

— Перед долгим сном впечатлений набирается, чтоб сны приятными были, — сказал второй из друзей.

— Может, и так... Давайте, пока его нет, ещё сучьев принесём.

Приволокли ещё — каждый по большой охапке.

— Коля, а как ты от рыси уходил, если говоришь, что она почти трое суток тебя «конвоировала»? Ты хоть видел её?

— А как же! Здоровенная кошка — ушки с кисточками. До чего ж красивая, падлюка! Пока я живицу собирал, караулила где-то рядом, в ветвях, с дерева на дерево перепрыгивала, выжидала, чтобы броситься. Альфа сигнал подавала — облаивала. Что интересно: понимала, что не я её рысёнка умучил, а собака, но главный-то — я!.. Я ж хозяин собаки! Вот, мол, и отвечай за всё...

— А ночевал как? Ты ж без палатки, без спальника.

— Палатка — какая защита? Рысь её одним ударом лапы распустит на ленточки. До темноты находил подходящее дупло, влезал в него телом, а ноги — к костру. Начинает костёр гаснуть — ногам холоднее. Проснёшься — подкинешь. И так

до утра, урывками... А для науки: если дупла не същешь, то ночуй сидя, прижавшись спиной к стволу, а у ног — нодья тлеет. А лучше — две нодьи по бокам. И безопаснее, и теплее. Собака в ногах...

— А медведи в этих краях нападали хоть раз на человека?

— Такого не припомню. Человек, само собой, на ведмедя нападад, а аю — нет, не слышал даже.

Я вспомнил, когда пару лет назад, добираясь под Белуху через Кучерлинское озеро, мы ждали в Тюнгуре паромную переправу. Разглядывая в бинокль перевал, через который нам предстояло идти, справа от тропы увидел, как на склоне, буквально усыпанном красной смородиной — сам склон даже был не зелёным, а зелёно-красным! — местные женщины собирают в корзины и туеса ягоду, а между ними занимается тем же делом... бурый медведь. И бабы, и мишка настолько были увлечены своим занятием, что не замечали друг друга!..

— А я как-то на Катуні встретил лохматого «музыканта», — сказал Николай, «моя» пучком травы ложку и миску из-под каши. Сполоснул чаем, передал нам. — Иду берегом, тулка за плечом, остановился студёной водички зачерпнуть и вдруг слышу — вроде какой-то алтаец играет на народном инструменте. Прислушался — вроде непохоже. Но кто-то ж играет!.. Набрал воды во фляжку, поднялся тихонько на взгорок и вижу: стоит большой пень, оставшийся от сваленного ветром старого кедра, щепа его как лучи разного размера, и стоит у пня на задних лапах ведмедь, оттягивает лапой щепу одну за другой, и пока она дребежливо «поёт» — напрягает круглое ухо и с явным удовольствием слушает. Минут десять я им любовался, потом тихохонько ушёл.

Посмеялись мы, каждый высказался.

Собаки внизу опять стихли. Иногда лишь то одна, то другая подавала голос.

— Ну вот, сейчас опять явится, — промолвил кто-то. — Не назабавлялся. Сейчас опять будет «сарынь на кичку!» ...

Третий медвежий кросс повторился как хорошая копия с музейной картины: лайку трясло, мы подкидывали сухие холодные сучья в костёр, задорный медведь с гиком и посвистом опять пролетел вниз мимо костра — уже ближе к нам, вполне оробевшим от происходящего. До рассвета он вряд ли даст нам уснуть. Да теперь и сами не уснём!

— Николай, — спросил гостя-таёжника кто-то из ребят, — ты ходил хоть раз на медведя?

— Не. Мне их жалко, — ответил тот, потирая ладонью небритую щетину. — Но у нас в селе есть одна семья ведмежатников, отец и сын — оба здоровенные, как сами ведмедь. Косолапят даже — носками внутрь ходят. Оба силачи, но вроде немного с тормозной жидкостью в голове. Про них анекдот рассказывают, как они девятого ведмедя добыли.

Мы напряглись, продолжая вслушиваться в то, что происходит у речки.

— Что за анекдот?

— Да косили они как-то в тайге, на поляне. Нароботались вволю, пошли на передых. Идут гуторят меж собой, и вдруг — ведмедь навстречу, дурной какой-то: встал на задние лапы и пошёл на батьку. Тот к дереву отпятился, спиной к нему прислонился — ждёт. В руках ничего нет: косы сын несёт, топор в шалаше, до которого ещё не дошли... Батька выждал момент, когда ведмедь кинется на него, поднырнул ему подмышку — и за кедру! Мишка-то и обхватил не его, а дерево. Тот, который батька, схватил его за лапы и держит. Ведмедь ревет, извивается, а этот не отпускает. «Сыне! — кричит, — ну-ка шибани его чем-нибудь тяжёлым!» А тот — нет чтобы литовкой ведмедю кишки на волю выпустить — отвечает: «Щас, батя, за топором схожу!» Бросил косы и пошёл к шалашу, у них там ещё брничка стояла — сено свезти на двор, лошадь у речки паслась, спутанная. Приходит с топором и спрашивает: куда, мол, бить, сподручнее чтобы? «Да я, — говорит отец, — и сам не ведаю. Ты на-ко, поддержи ведмедя, я сам уж!..» Перехватили руки, теперь сын ведмедя за лапы держит. А батя достаёт папиросочку, продувает её и прикуривает. А ведмедь-то ревет и дёргается!.. Сын спрашивает: «Бать, дак ты чё не вдаришь-то?!» — «Да погоди трошки, вот думаю: в левое ухо или в правое... Дай маленько перекурю, а как надумаю, тогда и вдарю...» Тот так и держал, пока батька цыгарку не докурил...

До того как забрезжил первый свет на востоке, ведмедь-аю совершил ещё одну пробежку мимо нашего костра. Потом, видимо, притомился. Но был где-то неподалёку (лайку по-прежнему трясло, и она настойчиво лезла ко мне в спальник). Мы старались говорить громче, хохотали, изображали киношно го индейца Винету, демонстрируя коллективную храбрость

и полное пренебрежение к Хозяину, пели всякие песни, улаждая его медвежий слух, и, наконец, к рассвету вымотались окончательно. В это время я заметил, что Альфа больше не трясётся, даже вылезла из моего спальника и прикорнула под боком хозяина, который лежал на лапнике, обратив ступни к костровым углям.

В предутреннем полумраке мы осторожно обследовали поляну выше нашего шалаша. Под первым кедром, стоящим на краю поляны, ещё парила теплом кучка медвежьих экскрементов, которые лайка с нескрываемой злобой обругала на собачьем языке.

До «Нивы», оставленной внизу, надо было пройти метров четыреста — тайгой, а не просекой. Мы взвалили рюкзаки и мешки с орехом не на плечи, а на шеи и головы (если рысь не простила лайку!..). Альфа-барометр крутилась у ног хозяина, далеко не отбегая от него, не проявляя собачьего беспокойства. Николай с ножом наготове пошёл первым, замыкал антимедвежье шествие я — с замирающим сердцем и тоже с ножом наизготовку. Миша на нашем пути так и не появился. Рысь тоже ушла в тайгу, решив не связываться ни с нами, ни с медведем.

Волчье сердце

В степном Алтае в 60-е годы ни для кого не было необычным, что ближе к осени мальчишки подрабатывали в меру своих сил и возможностей в колхозах и совхозах: на полях, на току, на мельнице...

Взрослые нас особенно не напрягали, задействовали без выговоров за мало сделанную работу, за откровенное халтяничество. Такое наставничество немало расслабило моих сверстников, да и меня, наверное, тоже...

Уборка — святое время для земледельца. Неужели это понятие осталось в прошлом?..

Комбайны СК-3 в то время сначала косили пшеницу на свал, потом подвеску меняли на подбор. То есть сначала скошенная пшеница лежала в валках, пока громадные колхозные площади не прочешут комбайны, затем их в мастерских переоборудуют подвесками на сбор и обмолот — и тогда по нашим степ-

ным дорогам начинают пылить колхозные машины с надставными бортами и драными тентами, грузовики из приданных уборке воинских частей. Техника ломалась, погода дурила, развозило дороги, зерно гнило в буртах на току, хотя издревле слово «бурт» обозначало ссыпанные в кучу овощи и корнеплоды, но никак не зерно и рожь. Проросло зерно и в валках, дожидаясь, когда его снимут с полей на подбор. Мы, мальчишки, делали совсем несложную работу — гнали валки, то есть переворачивали вилами скошенный и слежавшийся валок скошенной пшеницы, ставили его на ребро, чтобы валок продувался ветерком и созревшая пшеница до подбора не проросла: осень — пора волглая, влажная.

Нас, команду сельских ребятишек, колхозная бортовая машина ГАЗ-51 с утра завозила в околок (берёзовый островок среди голой степи), бригадир нам ставил задачу: вот на этой площади до вечера валки перевернуть. Уезжал по своим делам дальше — на обширные поля, находящиеся в ведении третьей бригады колхоза.

Ребятишки постарше (считай, уже парубки), после того как машина уезжала, хвататься за вилы совсем не собирались, а начинали картёжничать, строить «гнезда» на берёзах и заниматься прочими глупостями, которые никак не относились к работе. Валки они начинали гнать после того, как приезжал на бричке объездчик с деревянным лагушком холодной воды и с пачкой махорки. Толька, старший по возрасту, говорил: «Ну чё, поразомнёмся маленько?» — и все брались за вилы и прогоняли валок до грани, а другой — обратно. Потом старшие опять брались за карты, а молодые, подражая им, изнывая от тоски, всячески пытались продемонстрировать друг другу, что они «болт забили» на всю эту работу, называемую уборкой...

Воспитанный в семье сельских учителей в других понятиях о труде и в другом отношении к хлебу, не имея тяги к карточным играм, я от тоски взял вилы и погнал в одиночку валок, край которого пропадал где-то за горизонтом. Довалив его до грани, повернул назад. Прогнав очередной валок до околков и втайне надеясь с какой-то непонятной обидой, что хотя бы мои одноклассники, которых было трое, в порядке солидарности присоединятся ко мне... Всё-таки работать приехали!

Ничего подобного не произошло. Надо мной посмеялись, как над дурачком. Тон задавали старшие. Я погнал очередной валок в полном одиночестве опять к грани третьей бригады. Справа впереди маячил небольшой берёзовый околк. Я воткнул вилы в пашню, пошёл к нему: тень, берёзовый запах, может, здесь есть запоздалая земляника или спелый шиповник...

Земляники среди берёзовых стволов не нашлось — отошла, а шиповник действительно рос, хотя и не густо. Ягоды были уже слегка мягковатыми, хотя морозы на почву ещё не падали. Я рвал шиповник за пазуху майки, попутно наедался сам, сплёвывая семена, когда вдруг увидел, что рядом со мной крутится щенок, повиливая хвостом и настороженно глядя на меня.

— Ты откуда здесь взялся, кабыздох маленький? — умилился я. — Наверное, мамку со двора прогнали, так она тебя рeshила в околках родить? Как живёте тут, а?..

Щенок не только не боялся меня, а тёрся о ноги, позволял чесать за ушком, покусывал за запястье, делал круги по поляне и опять возвращался ко мне. Мне вдруг пришло в голову, что собачонок за всё время нашего знакомства ни разу ни твякнул, ни гавкнул и вообще не издал ни звука!.. Щенок по-прежнему резвился у ног, заигрывал, приглашая к новым развлечениям. Погладив его, я понюхал свои ладони: запах от щенячей шерсти совсем не собачий. Мама моя, да это же маленький волчишка! И башка не собачья, треугольная, и глаза не собачьи... А где его мамка? Если маманя появится, то тихий ужас она мне обеспечит! И под руками ничего, чем бы можно отбиться!..

Я стал отталкивать волчонка от себя, ища глазами хоть какую-нибудь палку на поляне. Волчишка мои отталкивания принял за игру и ещё задорнее стал хватать меня зубами за штаны, подпрыгивать, приглашать на совместную забаву. Я уже не обращал на него внимания, шаря глазами по заросшей кустами поляне околка, ища какой-нибудь дрын для самозащиты. Нашёл толстую берёзовую палку и рванул скорым шагом на поле, где метрах в двухстах отполированным черенком торчали воткнутые в землю английского производства вилы, купленные ещё дедом Семёном после Первой мировой войны. Схватив вилы, я бросил берёзовый дрын на пашню, от слабого удара он развалился на четыре куска — гнилой...

Оглядываясь на волчий околок, я пошёл к своему, где валяли дурака мои товарищи, не прекращая переворачивать отсыревший валок скошенной пшеницы... Слава богу, мамка так и не появилась.

...Этот случай я как-то рассказал пожилому мордвину Ивану Васильевичу Н-ву, когда в непринуждённой беседе мы случайно коснулись звериной темы. Иван Васильевич, погладив пальцем седые усы, промолвил:

— А хочешь, я тебе про волков расскажу случай из нашей семейной жизни?

— Иван Васильевич, надеюсь, что речь не об интимных отношениях с волками...

— Вот не смейся... Дело тут такое. Наша деревня стояла от ближайшего села, где была школа, километрах в семи или восьми, уже не упомню. Анатолий, мой старший брат, я на четыре года его моложе, каждое раннее утро собирал сумку-котомку, мать туда клала что-нибудь покушать, ну и тетрадки, учебники там. И он пешкодралом на занятия — эти восемь километров. Надо сказать, перед войной даже для малой пацанвы или девчонок опоздание на урок считалось нарушением. Нам «ставили на вид» — было такое выражение. То есть при всём классе делали замечание и даже записывали его в дневник. Хотя учителя понимали, и что ходить далеко, и что дети всё-таки, но порядок есть порядок.

Вот однажды по весне, после весёлого проливного дождя, Толя идёт лесной дорогой из школы и вдруг видит, что на берегу речки, которая выгибалась вдоль дороги, у самого берега, где дубок молодой растёт, три щенка в воде захлёбываются: берег речки крутой, дождевая вода его расквасила — вот и сползли вместе с грязью. Течение небольшое, да и они-то маленькие ещё!.. Недавно глаза прорезались. Он сумку с плеча скинул, слетел на пятках по обрыву вниз, вытащил этих щенят, засунул их за пазуху, греет на груди, те повизгивают от счастья, даже не царапаются... Потом что-то его изнутри толкнуло, как он говорил, поднял голову вверх, а на краю обрыва под дубком стоит волчиха и внимательно смотрит на него — не моргнёт! Толя всё понял, волчат достал из-за пазухи — а они пригрелись, вылезать не хотят, лизутся! — опустил их на мокрую землю, на самый край бережка,

стал столбом — а что ещё делать?.. Волчиха что-то гургыкнула на своём языке — послушные детки давай к ней подниматься по обрывистому склону. А глина крутая оплывает — не выходит у них. Анатолий всех троих подтолкнул, чтоб на травяную кромку вылезли, замер у самой кромки, стоит — весь в глине, сам под обрывом, а руки на траве. Сердце — на уровне мошонки. Волчиха и волчата — рядом с его сумкой с учебниками. Он — в метре от них, у самого краешка обрыва. Волчиха-мамка не двигается, всё так же смотрит на Анатолия жёлтыми глазами, раздумывает, судя по всему. Потом, как Толя говорил, глаза её немножечко потеплели — ну, напряжение исчезло, что ли... Развернулась молча, волчата за ней, и ушла куда-то. Толя постоял ещё пару минут, выбрался на обрыв — никого. Подхватил котомку и ударился до дому!..

Матери не стал рассказывать про этот случай, а то не пустит в школу. Ну а мне рассказал: такое событие! — надо ж хоть с кем-то поделиться. Вот с тех пор я это и помню, всю эту волчиную историю.

Наутро Толе опять идти в школу — восемь километров в один конец, а у нас собаки на краю деревни глотки порвали, гавкают до хрипоты. Корова из стайки ломится, не мычит, а ревёт; овцы в загородке с ума сходят — того и гляди, пригон развалится. Мать ничего понять не может, а когда Тольку за порог проводила, видит — метрах в пятидесяти стоит волчица. Надо сказать, наша изба в деревне была крайняя. Мать окаменела, потом говорит:

— Толька, никуда не пойдёшь! Домой вертайся, сказала!.. Домой!..

А Анатолий, брат мой старший, говорит:

— Мам, да это же Найда, — что первое пришло в голову. — Вынеси ей хлеба, она добрая. Мы вчера с нею познакомились... — И рассказал про тот случай.

Мать всю трясёт, Тольку тоже, волчиха стоит спокойно в пролысине бурьяна, ждёт чего-то. Анатолий взял ломоть хлеба, что принесла из избы мама, подошёл к волчихе со словами «Найда, Найда...», положил перед нею хлеб и пошёл по дороге. Волчиха глянула на маму, подняла зубами хлеб и отправилась за Толей, шагах в двадцати от него — позади.

Как мама со страху не умерла — не знаю!.. А Толя сердцем почувствовал, что у этой Найды нет ничего дурного на вол-

чьем сердце. Одна благодарность за детёнышей. Как она нашла наш дом — вот это непонятно. Наверное, по запаху. Я где-то вычитал потом, что собака может взять след не больше чем через десять часов, а волк — в течение трёх суток обнаруживает нужный ему запах. Неспроста кинологи в одном из оренбургских или уральских питомников сейчас начали выводить новую породу — волсо: волк, которого случили с собакой. Говорят, служебные качества — изумительные.

Она его сопровождала до школы — туда и обратно — в течение почти что года. Это была осень 1940-го. Мама даже на полянку выносила миску с остатками супа, если была косточка, то само собой. То, что пришла в гости Найда, узнавали по истошному собачьему лаю — наша корова и овечки уже как-то смирились с её приходом, особо не нервничали. Она на брѣх собачий никакого внимания не обращала. Съедала то, что предложили, и уходила в лес. Погладить её не пытались — мало ли что... Но когда мама выносила миску и кричала: «Найда, Найда!» — волчиха появлялась из кустов и спокойно подходила к калитке. Смотрела внимательно на маму, после чего без суеты съедала всё, вылизывала чашку и уходила.

Толя в 1941 году окончил школу, хотел поступать в Качинское лётное училище, но тут грянула война. Ушёл он на фронт добровольцем. Найда с тех пор у нас не появлялась. А в середине октября 1942 года деревенские собаки опять подняли всех на ноги. Было отчего. Перед нашей калиткой сидела волчиха и истошно выла на всю округу. Мы с мамой выскочили: «Найда! Найда! Что с тобой?..» Мать было кинулась в хату, чтобы дать волчице поесть что-нибудь, но перед крыльцом опустилась на пожухлую траву как подкошенная и выдохнула через силу:

— Толи... больше нет... — и залилась слезами.

Найда прекратила выть и куда-то исчезла. Деревенские собаки успокоились.

А через две недели пришло извещение, что рядовой Анатолий Васильевич Н-в погиб смертью храбрых под Ораниенбаумом. Дата гибели — день волчьего концерта. Больше Найда к нам не приходила ни разу.

А после войны волков у нас, в Пермской области, развелось невиданное количество. И что интересно — они

пытались по-своему ладить с населением: в округе десяти вёрст от логова не задрали ни одной скотины — ходили на свой волчий промысел в деревни, что подальше. Но когда логово флажковали и волков отстреливали (как правило, всех не удавалось отстрелять), начинали мстить у себя дома: дескать, мы вашу скотину не трогали, а вы!.. Мужики тогда с берданками ночи напролёт в скрадках сидели — караулили...

Вот и разберись попробуй — что значит волчья душа и волчья натура...

План

Кто не помнит настенный производственный плакат советских времён: «План — закон. Выполнение его — долг. Перевыполнение — честь»? Должны помнить те, кто застал эти времена.

В каждом цехе, Ленинской комнате, красном уголке или в кабинете секретаря парткома мы могли его видеть, и портрет Ленина над креслом руководителя, и нечитанные тома ПСС его и Маркса с Энгельсом в книжном шкафу парторга. Расскажу о случаях, подтверждающих, что план был не только законом, за нарушение (невыполнение) которого номенклатурные работники лишались портфелей, не говоря уже о «строгаче» по партийной линии.

Год 1972. Алтайская станция Локоть — на границе с Казахской ССР. Железнодорожный грязный буфет, где чай подавать не принято. Объяснение толстой и наглой буфетчицы: «А мне за это не платят». За витринным стеклом на тарелочке — тонко наструганные изогнутые и высохшие кусочки неизвестного сорта сыра, похожие на вырванные у трупа ногти. Ценника нет. Горка варёных яиц по 12 копеек штука. Яйца под скорлупой синевато-зеленоватые и сварены не вкрутую, а в «камень» — так дольше не портятся.

— Поди ещё с прошлой пятилетки или даже довоенные? — интересуемся мы у буфетчицы. Она не устаивает вопрос ни ответом, ни взглядом. — Вы их в музей отнесите — по рублю за штуку возьмут: раритет.

Хоть и есть охота, но насмерть обезвоженные яйца не хотят проваливаться в желудок: для сухого, как июльская польнь, желтка слюны не хватает.

— А хоть кефир или молоко у вас есть?

Для продавщицы вопрос звучит как намеренное оскорбление:

— У вас что, глаз нету?! Всё, что есть, всё на витрине! Холодильник второй месяц не работает.

На витрине — полный сервис для проезжающего: четыре булки чёрного хлеба, в пластиковой чашке — «Клубника со сливками» с выцветшими фантиками и... две полки, уставленные *трёхлитровыми* банками с аджикой. Интересуемся: со дня завоза хоть одну банку купили охочие до остренького сограждане?

— У нас тут дурдом ещё не построили, — немного смягчает голос буфетчица, уловив в вопросе нотку сочувствия к её тяжкой доле. — Кому они нужны в такой таре? Ещё б во флягах молочных привезли!

— А зачем принимали?

— А затем вот! Заведующая звонила производителям в Казахстан — говорят, нам к концу квартала надо было план сделать, а так бы премию не получили. Да и, говорят, так удобнее для перевозки — трёхлитровые места меньше занимают...

1977 год. Я работаю на краевой станции юных туристов в Барнауле, обучаю детишек альпинистским навыкам, выживанию в тайге, в походных условиях. Обедаем в столовой находящейся рядом обувной фабрики — своей столовой нет, а все точки общепита — далеко от КСЮТур. Через два-три месяца уже здороваемся с обувщиками, многих знаем по именам и должностям.

Однажды товаровед Люся подошла ко мне после обеда взвинченная, какой я её никогда не видел, и попросила сигарету — на складе и в цехах курить запрещено. Стоя на крыльце у входа и неумело затягиваясь, едва не плача рассказала о своей беде:

— Какое-то время назад на фабрику завезли кожаные голенища для женских сапог. Кожа натуральная, прекрасной выделки — мечта любой женщины. Но на складе из запасов каблука-подшвы оказались лишь пластиковые, из какого-то ка-

зеина, которые и в мороз-то лопаются, и скользят на барнаулском тротуаре не хуже беговых коньков. Предложила директорше: скоро из Италии должна поступить партия натуральных подошв — изящных, разных размеров и конфигурации. Договор с фирмой подписан, партия оплачена, через две недели подвезут. Отвечает: «Всё понимаю, но у нас — план!» Я к главному технологу — тоже разводит руками: план. Пошили эту дрянь пополам с хорошим, забили ими магазины — никто не покупает! В ЦУМе уже брать отказываются — склады забиты. А недавно поступают итальянские подошвы, а у нас есть только «натуральный дерматин» для голенищ. Причём только аспидно-чёрного цвета. Сейчас присобачиваем его к итальянским подошвам, выполняем план. Опять продадут не больше десяти пар. Зато мы премию получим! За то что загубили товар высокого качества и никого не обули...

1986 год, Таджикистан. Сидим за лагманом и зелёным чаем с главным инженером алюминиевого завода, что в Орджоникидзебаде (сейчас — Кафирнихон). Парень молодой, инициативный, ввёл на производстве много интересных новшеств, русский. Я писал о нём для республиканской газеты, отсюда и знакомство. Он говорил тогда при встрече, что их завод готов завалить дефицитом всю Среднюю Азию, а не только Таджикистан — казанами для плова разных ёмкостей, а Россию — гусятницами, утятницами и мясорубками, которые в хозмагах можно добыть или из-под полы с переплатой, или по знакомству. Да и то не всегда. А он готов не только сделать обещанное, но и удешевить изделия за счёт запуска новой линии, которая существенно экономит исходный материал. К тому же пущена ещё одна линия, где остатки дюрала идут на изготовление одной важной детали для завода в Узбекистане.

— Поздравляю! Молодец! А что ж ты такой мрачный?

— Будешь мрачным, если московское союзное министерство зарубило нам квартальную премию. Работяги ропшут, во всём винят меня. Директор-таджик, который такой же инженер, как я космонавт, вызвал меня на ковёр и приказал: «Выкручивайся как хочешь, но чтобы рабочие без премии не остались. У них — семьи. Иначе подавай по собственному желанию. Мне такие Кулибины не нужны, из-за которых дети работяг будут недоедать».

— Володя, не уясню никак, за что вам премию не выдали? Ты ж производство оживил своими идеями! До твоего прихода там, я слышал, чёрт-те что творилось!..

— А, я не сказал? Да всё очень просто! С запуском новых линий у нас почти встал цех в городе Турсунзода по переработке отходов — их объём уменьшился раз в десять-двенадцать. А план по отходам остался прежним, его мы, считай, завалили на корню. Вот нам и дали рублём по карману.

— Ну а как выкручиваться будешь?

— Уже выкрутился. Наш министр письменно заверил союзного, что в ближайший срок отчитается за план по отходам и что он лично гарантирует, что план этот будет выполнен и даже перевыполнен. Просто случилась ошибка в отчёте, а так у нас всё на мази. А вы подготовьте бумаги об отмене приказа о лишении завода премии.

— Володь, а чем ты его уболтал, что он дал такую рискованную гарантию?

— Реальными данными по отходам. Ту готовую продукцию — те же казаны! — что мы получили из сэкономленного дюралья, приказал пустить под пресс и отгрузить на завод в Турсунзода. И там премию получают, и мы получим. Как только распишусь в ведомости — кладу на стол «по собственному желанию»...

По закону Володя выполнил свой «долг», но сомнительную «честь» перенести не смог.

«Кто сегодня ел гороховый суп?..»

В начале 70-х годов в Алтайском государственном медицинском институте (АГМИ) кафедрой инфекционных болезней заведовал профессор В-й.

Это был весьма пожилой человек неизвестного года рождения, высокий, худой, с сильно поредевшими абсолютно белыми волосами, зачёсанными назад. Его могли видеть в коридорах главного корпуса медицинского института, где он, прочитав лекцию в аудитории, шёл к себе на кафедру, высоко задрав голову, мелкими шагами, как правило, с папочкой в руке или с тощим портфельчиком старинной фабричной работы. Встречные преподаватели и студенты все с ним не

пременно здоровались. Он, всё так же задравши голову, подходил взглядом приветствующего и степенно кивал головой в ответ.

Задира́л он голову отнюдь не от спеси: у него была редкая болезнь — атрофия глазных мышц (*musculus orbicularis*) и тончайших мышечных волокон, которые привычно поднимают веки каждому из нас по миллиону раз в день. Я преклоняюсь перед жизненной силой и мужеством этого человека. Он жил своей наукой, институтом, студентами, оставался юмористом, каким, наверное, и был в молодости.

Лекционный зал, полная аудитория. Профессор, всё так же задрав голову, слабым голосом начинает лекцию словами:

— Поднимите руки, кто сегодня ел гороховый суп. Или — вчера, или — кто помнит, как он выглядит.

Гороховый суп в студенческой столовой стоил всего 11 копеек и вряд ли был незнаком любому студенту.

— Староста, подсчитайте, пожалуйста.

Староста курса подсчитывал количество поднятых рук и сообщал:

— Двадцать шесть, товарищ профессор.

— Спасибо, садитесь. Так вот, товарищи студенты, в отличие от подавляющего большинства этим людям сильно повезло! Потому что понос больного тифом очень похож цветом на гороховый суп. А тиф — это тема нашей сегодняшней лекции...

Реакцию студенческой аудитории представляйте сами.

Инфекционные болезни для студентов-медиков приравнивались по сложности к таким предметам, как фармакология, патологическая анатомия и биологическая химия. Если на экзамене по биохимии студент не мог расписать чудовищно сложную биологическую цепочку обмена веществ в организме, то это считалось, что он не знает элементарной азбуки. Другие вопросы были ещё сложнее. На экзамене по фармакологии недопустимо спутать хотя бы милле с промилле или произнести неправильно, допустим, «диэтилгликоль моноэтилэфира» — профессор Ефим Борисович Берхин, с вежливой улыбкой отодвигая в сторону неподписанную зачётную книжку, мог посоветовать студенту: «Чаще ходите на мои лекции и вообще внимательно читайте учебник Берхина».

Профессор В-й, несмотря на природный юмор, тоже был весьма строг на экзаменах: врач-инфекционист должен быть или стопроцентным профи, или торить для себя иную медицинскую путь-дорожку. Словом, перед экзаменом по инфекции студенты всегда испытывали лёгкий мандраж: всё знать невозможно!..

Случай необыкновенный, связанный с именем профессора В-го, я и хотел описать. Один из весьма талантливых студентов, которому хватало для знания предмета прочтения материала вскользь, Гена Г. (ныне известный врач) выучил все 32 билета из 33 и спокойно вошёл в экзаменационную комнату. Потянул билет — и ему выпал именно 33, невыученный. Геныч искрутился на пупе, но даже на «уд» вытянуть не смог: оба вопроса в билете были сокрыты для него плотной мешковиной.

— Идите, негодник, — сказал ему профессор В-й, мягко гэкая на украинский манер. — А когда будете знать материал — приходите на пересдачу.

Геныч вышел в коридор, проклиная судьбу: один невыученный билет — и он же попался!.. Раз в жизни такое может случиться! Такая непруха, что даже не верится... Вдруг он сообразил: профессор слушал его, не поднимая век, ни разу не посмотрев на отвечающего студента. Фамилию не спрашивал, да и вряд ли листал зачётку. У Гены родилась гениальная мысль: зайти ещё раз, потянуть другой билет — по любому билету он был готов растечься мыслью по древу экзаменационного стола. Так и поступил.

Взяв билет, вызвался отвечать без подготовки, что давало шанс заработать дополнительный балл за смелость, как говорили преподаватели. Профессор, всё так же не глядя на Геныча, выслушал ответы на два билетных вопроса, согласно кивая головой. Затем, когда Гена поставил в ответе победную точку, торжествуя в душе, профессор, не поднимая век, молвил:

— Сейчас вы отвечали хорошо, но в первый раз — ужасно. Эти ботинки я вижу сегодня уже во второй раз. Идите, негодник, и приходите, когда выучите билет №33. Иначе врача-инфекциониста из вас не получится.

Из экзаменационной комнаты Гена вышел как после замены расстрела на десять лет строгого режима...

Рассказ однофамильца

— Дед мой, Морозов Парфентий Александрович, родился в селе Никольском Вологодской губернии в 1891 году. По его словам, в селе проживали практически две фамилии — Морозовы и Порошины. Женились и выходили замуж друг за друга, все друг другу маленько родственники. Село было большое: в 1896 году оно насчитывало более 300 дворов, имелась каменная церковь, маслобойня.

К 15 годам дед уже выглядел как молодой мужик: рост 184 сантиметра, мышцы буграми. Артель плотников взяла его с собой в Архангельскую губернию — строить дома зажиточным. Ушёл он в апреле, вернулся в сентябре. Привёз кобылу, воз пшеницы и 200 рублей денег — целое состояние: корова стоила от 5 до 8 рублей...

Первую мировую войну он до конца жизни называл Отечественной. На войну ушёл в 1915 году, а уже через год с небольшим имел четыре «Егория» — полный бант. Четвёртый крест ему лично вручал государь-император Николай II, после чего дед был зачислен в личную гвардию императора. Питер ему не понравился: рабочие бунтуют, в газетах ругают царя (читать он умел, окончил 4 класса церковно-приходской школы), большевистские агитаторы призывают солдат к дезертирству... Как я потом уразумел, дед при любой власти был сторонником порядка в государстве. А вообще он был замкнутым и загадочным человеком. Достаточно сказать, что его родные дети даже не подозревали, что их отец — полный Георгиевский кавалер, это он уже под старость лет рассказывал мне, внуку, кое-какие эпизоды из своей жизни, и то мозаично.

Те, кто помнил его по молодым годам, говорили, что до начала войны зимой на льду Сухоны селяне устраивали рукопашные бои. Дед Парфентий не дрался. Его кликали, когда драку надо было заканчивать. Он проходил сквозь дерущихся, толпа разваливалась на две половины, и бабы начинали разбирать своих мужиков. Так что легко верилось в то, что на фронте он немца насаживал на штык и перебрасывал через себя, как сноп соломы. Все кресты у него были за рукопашные схватки.

...Когда он сбежал из предреволюционного Питера обратно в окопы, немцы к тому времени построили рокаду и пустили

вдоль линии фронта бронепоезд, который сравнял с землёй русские окопы. Дед спасся, потому что во время обстрелов имел привычку не ложиться на дно траншеи, а садиться, прислонясь спиной к стенке. Ударил снаряд — его контузило и завалило землёй. Очнулся — нечем дышать, в голове гул. Рванулся наверх — получилось, выбрался на бруствер. Лежа-чего бы задавило... Когда очнулся и вылез из траншеи, уже наступили сумерки. Увидел вроде санитаров, окликнул. «Санитары» оказались немцами. Так и взяли в плен контуженого унтера Морозова с четырьмя Георгиями на груди.

Наши боевые кресты немцы уважали, и деда определили не в концлагерь для военнопленных, а отправили в Восточную Пруссию, в работники к одному зажиточному немцу с фамилией Бауэр. Житьё не вольное, но и не собачье. Хозяин кормил, даже платил сколько-то марок за работу — на мелкие расходы. На грех, у него была дочка на выданье по имени Эльза. За два года она родила двух сыновей. Известно, что Восточная Пруссия у Гитлера была кузницей офицерских кадров, так что вполне возможен вариант, что двое моих немецких (или полунемецких) дядьёв воевали против нас в 1941–1945 годах...

В 1918 году дед сумел вернуться в Россию — через Галицию. Прибыл в Петроград, явился к военному коменданту, доложил. Его определили начальником караула в Шлиссельбургскую крепость, а через несколько недель арестовали — по ошибке. У него в карауле оказался солдатик по фамилии Морозов, которого взяли с поличным: зашил себе в карман ворованный сахар. Деда взяли «до пары», посчитав за родственника, а значит, потенциального соучастника. Разобрались — отпустили. Но деда сам факт подозрения в воровстве возмутил больше, чем арест: герой войны, грудь в крестах, а он сахар тырит?.. Перед ним революционная власть извинилась, но дед Парфентий обиду не простил и подал рапорт об отправке на фронт.

В итоге он оказался в составе 1-й Конной под началом Семёна Михайловича Будённого. Заговорил он об этом своём периоде жизни тогда, когда я по книжке выстругал себе из деревяшки револьвер — точно по размерам — и показал ему. Мне было в ту пору лет десять. Дед повертел мой «левольвер» и сказал: «Похоже. У меня такой же был». Оказывается,

в Гражданскую его трижды представляли к ордену Красного Знамени. Первый раз — за рубку, когда их было меньше раз в пять, чем белых. У них в отряде была отработана следующая тактика: самый мощный рубака — впереди, сзади него скачет так называемый меткач, у которого в руках по револьверу, а шашка — поперёк седла. Пока не заканчивались патроны, меткач охранял ведущего рубаку, покуда тот проделывал «коридор», а только потом сам брался за шашку. У деда в левом рукаве всегда был револьвер или браунинг на резинке: тряхнёшь рукой — он сам в ладонь ложится. В этой неравной схватке такой же здоровенный, как он, белый офицер перерубил его клинок. Дед поднял кобылу на дыбы, и кто-то с земли по ней выстрелил. Успел соскочить с раненой лошади, чтобы не быть придавленным, и тут его спас от занесённой сабли этот браунинг в рукаве... Офицерская сабля оказалась из дамасской стали, восточной выделки, с алмазной звездой на эфесе. Комиссар из бывших аптекарей, увидев такую драгоценность, тут же протянул руку: «Сдать в фонд революции!» Парфентий молча поднёс комиссару дулю к самому носу, велел понюхать, потом добавил: «Сдам, когда научишься «р» выговаривать. Никакого «фонда революции» я не знаю». Комиссар вспыхнул: мол, тебя, антисемита поганого, представили к ордену, так я сделаю всё, чтоб ты этот орден не получил. «Повесь его себе хоть на ж..., у меня и так вся грудь в «золоте». А про саблю и думать забудь — не отдам!»

Второе представление к ордену тоже было своеобразным по тем временам. За успешную боевую операцию Парфентию предложили: либо представление к ордену, либо красные штаны с кожей на коленках и «пятой точке» плюс отрез трофейного сукна. Дед без раздумий выбрал второе, поскольку весь износился в походах.

Третье представление он вспоминал с содроганием. Они ночью в конной разведке двумя полусотнями порубили полк белых, это было на юге России летом 1920 года. Полусотни остановились на двух холмах и вдруг увидели, как между ними бесшумно движется строй солдат — ноги тряпками обмотаны. Кинулись в бой, не зная численности противника. К утру пригнали в расположение части три сотни совершенно деморализованных пленных. Когда деду объявили, что на него по-

дано представление к ордену, он сказал: «Не надо никаких орденов, я устал от крови, дайте отпуск, а то свихнусь». — Какой тебе отпуск, «чёрного барона» Врангеля добить надо!» Упёрся: «Больше не могу ни воевать, ни убивать, дайте душе успокоиться!..» Выхлопотал-таки отпуск. За две недели пути до дома он смог пройти только половину: разруха кругом, в том числе и на железных дорогах. Продлил в каком-то ревкоме отпуск ещё на неделю, а через пару дней узнал, что под Варшавой армия Тухачевского потерпела поражение. Видно, что-то связывало его с Тухачевским, поскольку он плюнул на отпуск и повернул от Вологды в сторону Польши. Добраться не успел: военный патруль в одном из белорусских городков задержал его, когда он просрочил целых три дня возвращения в часть да и оказался совсем не в том месте, куда направлялся согласно имеющемуся документу. Объяснения в расчёт не приняли.

Особо и разбираться не стали — время военное, арестовали как дезертира и отправили в тюрьму на остров Мудьюг, неподалёку от Архангельска. Там он строил тюремные бараки и прочие лагерные сооружения до 1922 года. Всё-таки разобрались и отпустили — не по помилованию, что важно, а как невиновного.

Вернулся в родную деревню. Нарушив обычай, взял жену из соседней деревни. С ней нажил пятерых детей. Первые двое умерли, четвёртым был мой отец.

В 1936 году Парфентия Александровича назначили председателем уездного исполкома. В селе в ту пору жили ещё трое Морозовых — дедовы фронтовые друзья по Гражданской войне. Один из них, Василий Морозов, возглавлял «Заготзерно». Сдавал зерно из уезда в область, а уж там ему выделяли семенной фонд. В этом 1936 году проверили отпущенные областью семена на всхожесть, а она оказалась ниже пяти процентов. Василий запряг бричку и поехал в Вологду — искать правду. Деда предупредил об этом, а остальных друзей — нет. Явился в областную прокуратуру, доложил всё честь по чести: мол, или пусть мне семена заменят, или по осени мне на ссыпку везти будет нечего. Разгорячился, орёт, доказывает! Жирному прокурору такое некультурное поведение совсем не понравилось, и он ответил примерно так: не посадишь эти семена — посадим тебя, а план по хлебозаготовкам

сорвать не позволим. Василию кровь в ноздри ударила: отыскал правду, называется...

В результате прокурор вылетел из окна второго этажа вместе с рамой и стёклами, а Василия вскоре повязали и упрятали в изолятор. Следователь сообразил, что есть возможность быть замеченным наверху раскруткой громкого процесса — состряпать дело о заговоре четырёх Морозовых-фронтовиков против областной прокуратуры, тем более что строптивость и упёртость Парфентия была многим местным и вологодским начальникам не по нутру. Двоих друзей Василия в Никольском арестовали, но до областной тюрьмы не довели: убили при попытке к бегству. А когда пришли арестовывать деда, то он, как японский ниндзя, растворился в мироздании: нет нигде. Каким-то участком ДНК вдруг почувствовал опасность... Куда он исчез до самого 1940 года — не ведаю, а сам он никогда об этом не рассказывал.

Василий Морозов, кстати, выдержал все пытки, протокол о заговоре не подписал. Его посадили в яму с ледяной проточной водой по щиколотку, и он жутко простыл. Ноги опухли, красно-синюшная опухоль поднялась уже «по это самое» — и тогда его отпустили домой помирать, видя, что дело о коллективном заговоре не сшивается. Однако жена как-то сумела его выводить — травками, припарками, заботой...

В 1940 году откуда-то появился дед и объявил семье, что они переезжают в Вологду. Построил там дом на окраине. А арестовали его, когда уже началась война. Формулировку причины ареста не знаю. Отправили куда-то на Север. Знаю, что он там валил лес и плотничал.

Отца арестовали в 1942 году. Его и младшего братишку (моего дядю Сашу) поймал конный объездчик на колхозном поле с тремя морковками в руках. Отцу было 12 лет, дяде — 10. Время голодное, есть-то что-то надо... Увидев объездчика, мальчишки ломанулись в кусты. Младший застрял, старший (мой батя) кинулся ему на выручку. Тут его за шкурку и взяли. Впяли как несовершеннолетнему всего-навсего пять лет и отправили по этапу на Северный Урал. Сначала научили обушком уголёк рубить, потом, когда фронту потребовались снаряды, выучили на токаря. И тут приходит ему из дома письмо от матери, которая сообщает, что объявился Парфен-

тий Александрович. Позже я узнал, что на вокзале в Вологде деда опознал сельчанин из Никольского: весь в лохмотьях, опухший от водянки, сам не мог добраться до дома. Односельчанин довёз его на бричке.

Отец мой, малолетний зэк, получив письмо от матери, рванул в бега. В 1980 году я через знакомых из КГБ пытался установить, как это его упустили и почему не объявили в розыск. Оказалось, что по официальным документам мой отец «убит при попытке к бегству»: и лагерное начальство довольно — отчиталось перед высшей инстанцией, и пацан остался жив — всем хорошо. Узнал также, что дед Парфентий Александрович «воевал не только за красных» — и больше ничего. Ни деда, ни отца больше не разыскивали и не арестовывали — это главное.

Дом поменяли. Зажили, отгородившись от всех проблем. Отца взяли в армию в 1949 году, вернулся в 1954-м. Строил аэропорт в Амдерме — это на северной оконечности Югорского полуострова, потом — ядерный полигон на Новой Земле. После армии он женился. В 1955 году родилась моя сестра, а через год — я. Отец работал начальником участка, затем главным инженером вологодского «Газстроя». Умер в 1995 году. Уже после его смерти я узнал от его сослуживцев, что под руководством Сергея Парфентьевича Морозова газифицированы все жилые дома в Вологде.

Дед прожил 82 года, умер от гриппа.

Развратница

Национальный менталитет — дело тонкое, как и сам Восток. Кстати сказать, Владимир Мотыль, режиссёр любимого космонавтами фильма «Белое солнце пустыни», однажды рассказал, что фраза «Восток — дело тонкое», ставшая чуть ли не народной поговоркой, принадлежит не ему, а неизвестному чиновнику из цензурного комитета студии «Мосфильм», который заметил после просмотра плёнки, что в банде Чёрного Абдуллы (грузина Кахи Кахадзе) — сплошь одни басмачи-азиаты. То есть азиаты в фильме — сплошь герои отрицательные, а русские, начиная с товарища Сухова, — сплошь положительные. «Как бы не было обиды, — промолвил чиновник-цен-

зор. — Знаете, Восток — дело тонкое. Разбавьте банду Абдуллы славянской кровью».

Режиссёр не только разбавил, но и ввёл фразу чиновника в фильм, вложив её в уста товарища Сухова. Обошлось без обид: во всех республиках Средней Азии фильм был принят на ура.

Несколько лет мне пришлось жить в Таджикистане. Я работал в системе республиканского Министерства культуры и получил задание сформировать экспозицию для выставки на ВДНХ (сейчас — ВВЦ) под названием «Народные промыслы». Уж кого-кого, а народных мастеров в Таджикистане хватало: едва ли не в каждом кишлаке жили мастера и мастерицы, которые славились великолепной чеканкой, изготовлением восточных ножей (тут первенствовал г. Ура-Тюбе), детских кроваток-качалок, росписью посуды и детских игрушек, вышивкой тюбетеек и халатов, женских платьев-чаканов, ковроткачеством и тканьем красивейших сюзана — расписных покрывал-занавесок... Словом, список длинный.

Знающие люди посоветовали мне съездить в горный кишлак Зидды, где сохранилось одно из древнейших ремёсел — изготовление глиняной посуды. Казалось бы, что в этом особенного? А особенность в том, что в кишлаке Зидды глиняную посуду лепили исключительно руками, как это делали весьма отдалённые предки ещё до изобретения гончарного круга. Говорят, что сегодня этим искусством на планете ещё владеет одно африканское племя — и больше никто. Как можно было упустить такой шанс!..

Денег на поездку мне выдали по норме «кот наплакал». А ведь эту редчайшую посуду (кулоли — на языке фарси) мне надо будет покупать у дехкан. Выпрашивать — не солидно (всё-таки Министерство культуры представляю!), да и по-человечески совестно: в высокогорных кишлаках богатых людей нету. Опять-таки выручили знающие люди — советом:

— Отложи на дорогу сколько надо, а на оставшиеся деньги, что дали на прожитьё и пропитание, закупи эмалированную посуду — кружки, чашки, миски. Жители с удовольствием пойдут на обмен. Прихвати термос и бутерброды — вот тебе и экономия твоих суточных...

Я так и сделал.

Старый автобус с трудом поднимался по серпантинной дороге между живописных склонов и столь же живописных пропастей. Пассажиров в халатах и тюбетейках было мало. Я перезнакомился почти со всеми, рассказал, зачем еду в Зидды.

— Да это понятно, — сказал один таджик средних лет. — Иначе зачем бы русскому ехать к нам в кишлак. Даже иностранцы к нам приезжают, и все по одному вопросу: купить наши кулолы. Как это у русских называют — то, что редко... как это сказать?.. ну, мало встречается?.. чего нет в других местах?

— Всяко. И не только у русских. Экзотика, наверное. А коль редко — стало быть, редкость. Редкость — она всегда редкость: сам же сказал...

— Наверное. Я по-русски плохо говорю...

— Ничего, поймём друг друга. Тогда подскажи, по каким домам мне походить, чтоб не бить ноги зря и успеть на обратный автобус.

— Ну, часа два с половиной у тебя будет. А так — заходи в любой двор. У нас все этим подрабатывают. Возим на базар в Душанбе — раскупают быстро. Но у меня сейчас для продажи нету. Вон Туроб сидит, он пять дней назад и свои продал, и то, что мы ему с Анори дали. Анори — жена моя... Всё равно — копейки. Вот дочку замуж выдам, тогда... А вообще-то, уже надоело!..

Высокогорный кишлак Зидды, разбросанный на двух горных склонах, утопал в зелени. Автомобильная дорога заканчивалась на майдане. Улиц не было, по склону вились расходящиеся тропинки. Забросив рюкзак с эмалированной посудой за плечи, я пошёл наугад по одной из них. Скоро выяснилось, что своей экзотической глиняной посудой дехкане не только приторговывали на душанбинском рынке, но и пользовались сами, что называется, по полной программе: от глиняных рукомольников оригинальной конструкции до огромных ёмкостей — хумов — для хранения зерна или муки. Хозяева с удовольствием приглашали в дом, традиционно предлагали чай со сладостями, показывали не только посуду, но и другую любопытную для славянина древнюю восточную домашнюю утварь. Но только у двух или трёх хозяек я смог что-то поменять, поскольку для продажи или обмена ничего не находилось: вся глиняная посуда была в работе.

По-русски же многие дехкане не говорили вовсе, у других словарного запаса явно не хватало, чтоб хотя бы подсказать, как же мне поступить. Я сотворял жесты руками, показывал, что сначала отвезу их посуду в Душанбе, оттуда на самолёте — в Москву, а в Москве есть такое заведение, как ВДНХ, которое посещает много людей из всего Советского Союза и даже из-за границы, чтобы полюбоваться на красоту и древность, которую сохранили только в Зиддах и больше нигде. Примерно так. Одному дедушке-бобо аббревиатура ВДНХ оказалась знакомой — сам бывал там когда-то ещё в начале 60-х. Посоветовавшись с домочадцами и подошедшей соседкой, он сказал:

— Тётка Зухра М-ва недавно целую партию кулоли обжигала. У неё должно быть. Хорошая женщина... И сын у неё хороший.

Мне показали, как найти двор тётки Зухры, и я опять крутыми тропками заспешил вверх по зелёному склону между буйных зарослей деревьев.

У входа во двор меня встретила не тётка Зухра, которая хлопотала по дому, а сын её, назвавшийся Шамудином, с которым я ехал в Зидды на одном автобусе. Шамудин тогда дремал, но я запомнил его по тюбетейке не совсем обычной, явно не таджикской вышивки. Обожжённые на огне и готовые к продаже кулоли стояли во дворе — досыхали на солнце. Сухонькая, улыбчивая и юркая мама Шамудина после приветствия «Салом алейкум!» и извинения, что ей надо кое-что сделать (тётка чуть старше меня по возрасту), что-то быстро приказала сыну — и тот скорой ногой пошёл ставить чайник, расставляя на обеденном невысоком столе-дастархане пиалки с восточными сладостями, спросил, не хочу ли я покушать после длинной дороги — есть свежая шурпа. Я попросил его не беспокоиться, вывернул из рюкзака свои припасы — терброды с колбасой и сыром, пару яблок, кисть винограда в целлофановом пакете, ещё что-то из зелени... Приятно было осознавать, что в таджикских кишлаках (в городах почти утрачено!) живут по древним народным заповедям: гость (мехмон) ниспослан самим Аллахом, значит, принять его надо, как полагается принять уставшего путника: завтра сам можешь оказаться в его положении. Всё это таджикское кишлачное гостеприимство и радушие один к одному совпадало с извест-

ным сюжетом из любой русской сказки про Ивана и Бабу Ягу: «Ты, бабушка, сначала меня накорми-напой, в баньке попарь, спать уложи, а потом уж расспрашивай!»

Пока тётка Зухра доделывала свои дела по хозяйству, Шамудин принёс чайник, присел за дастархан, скинув резиновые галоши; я уже на правах гостя сидел за ним, тоже сняв туфли и скрестив ноги по-восточному. Объяснил Шамудину, что его мама — одна из местных мастериц, до которой у меня есть дело, рассказал, зачем приехал, по какой такой нужде, сказал, что денег мало, но есть для обмена эмалированная посуда на выбор, что матушка пожелает. Разговорились легко и быстро, несмотря на существенную языковую перегородку: Шамудин плохо говорил по-русски, я ещё хуже — по-таджикски. Тем не менее в короткий срок смогли затронуть в разговоре даже личную тему, которая, видимо, сильно точила моего собеседника, и он сам её зацепил.

— Она сейчас сама подойдёт — решим, — сказал Шамудин. — Немножко приберётся по хозяйству. Мне не дала помочь: отдыхай с дальней дороги. Мотыгу из рук вырвала...

— Ну так правильно! Сейчас ещё день. Кто ж днём окучивает грядки? Или уж утром, или вечером!.. Вечерком и окучишь, и польёшь. Шамудин, а что, путь от Душанбе у вас считается дальней дорогой?

— Я не из Душанбе, я из Туркмении приезжаю. Небит-Даг — слышал?

— Само собой! Город на знаменитом канале! А что тебя туда понесло? Заработки?..

— Ну да. У нас тут, в Зиддах, чтоб жениться, знаешь, сколько надо заплатить калыма? Вот мне отец моей Гюльбахор, на которой я хочу жениться, сказал: «Девять тысяч рублей!» Сначала говорил десять, я его уломал на девять. Ну и свадьба за мой счёт... Там, постель, украшения, одежда — это само собой, но это уже — для неё, а ему — девять тысяч. Это ж больше чем «Жигули»!.. «Жигули» за семь с половиной купить можно. Можно сказать, что мы, мусульмане, на своих дочках зарабатываем — калым! А на сына ещё и сам потратишься — останешься без штанов... А у меня отца нет, схоронили, пять лет уже... Вот мать и делает кулоли — для продажи. У меня за два с половиной года уже больше семи тысяч на книжке, — гордо

сказал он, прихлёбывая чай из пиалки. Здесь бы я их никогда не заработал.

— Шамудин, а твоя Гюльбахор-то как?.. Если она тебя любит, украл бы её, как это делают на Кавказе! И жили б спокойно в том же Небит-Даге!.. Маму-мастерицу выписал бы к себе...

— Да знаешь, я пока в Туркмении работал, уже и думать начал: надо ли мне это. Нет, жениться, конечно, всё-таки придётся! Но я понял, что таджикские девушки против туркменок такие развратницы!.. И уже сомневаться начинаю — про Гюльбахор... По-моему, она всё-таки... развратница! Хотя мы с ней ни разу и не «жили», только целовались.

— Погоди! — покосился я на его маму, которая уже споласкивала руки и готова была подойти к нам за дастархан. — Раз ты её любишь, она тебя любит — ждёт уже два с половиной года, девственница нетронутая... И причём здесь туркменки? Таджикские девушки, насколько я знаю, вполне неприступные, особенно кишлачные! — засмеялся: — На себе проверял...

— Зря смеёшься, — вздохнул Шамудин. — Я вот на душанбинок вообще смотреть не могу — одни развратницы! И до нашего кишлака эта мода теперь стала доходить. Вот и думаю: надо мне на Гюльбахор жениться или взять другую. Деньги-то есть теперь...

— Шамудин, пока твоя мама не подошла, быстро объясни: в чём ты невесту подозреваешь? И о какой моде речь, коль уж ты сам заговорил?..

— Ты Коран, конечно, не читал...

— Ошибаешься! В двух разных переводах. И оба текста помню неплохо, хоть сам и православный.

— Тогда не буду на Аллаха ссылаться... — Шамудин пробормотал короткую молитву по-арабски и «умыл» подбородок ладонями — жест, аналогичный нашему крещению. — Вон и она идёт, — кивнул он в сторону дувала, поверх которого к воротам плыла празднично расшитая тюбетейка. — Гюльбахор!.. Сейчас сам увидишь, что развратница...

В калитку вошла, радостно и смущённо улыбаясь, невысокого роста, явно стройная под своим полосатым платьем, красивая и совсем молодая девушка. Гюльбахор — весенний цветок по-русски. Две чёрные косы, струившиеся по груди, подчёркивали эту стройность, выделяя высокую тугую грудь.

Видно было, что оделась она по-праздничному: от тубетейки до калош на ней всё было новенькое. Тонкие чёрные брови её были сведены сурьмой на переносице, что означало: девушка не замужем. Она слегка замешкалась, увидев меня, незнакомо-го человека, потом просеменила к нашему дастархану, поздоровалась. Лицо Шамудина особой радости не выражало, но это внешне: заметно было всё-таки, что он тоже взволнован и рад встрече.

— Иди с матерью поздоровайся, — сказал он по-русски, тем самым проявляя ко мне уважение.

Гюльбахор с той же смущённой улыбкой невесомо привстала с краешка дастархана и пошла к тётке Зухре, которая уже помыла руки и вытирала их полотенцем.

— Смотри, смотри! — шепнул Шамудин. — Ну что?..

— Да прекрасная девушка, господь с тобой! Настоящий весенний цветок! Что я должен увидеть?

— На штаны, на штаны смотри!..

— Да обычные у неё штанишки. Новенькие, полосатые... Узор ткани не такой, что ли?..

— Эх, ничего вы, русские, не понимаете, — громким шёпотом сказал возбуждённый Шамудин. — Видишь, выше щиколоток, прямо как у душанбинок.

— А дальше-то что?..

— А то, что туркменская девушка никогда свои щиколотки не обнажит! А Гюльбахор?.. Всё напоказ!..

— Шамудин, ты что, не знаешь, что любая женщина — это рабыня моды. Вдруг у них сейчас мода такая, — решил я выручить юную красавицу.

— На разврат мода, — тихо прошептал Шамудин, поскольку обе дамы уже приближались к нам. Но взгляд его заметно потеплел.

Вот вам и Восток, действительно дело тонкое!..

Кстати, из кишлака я уезжал в Душанбе с полным рюкзаком кулоли. Было что везти на ВДНХ.

Из блокнота

По улице идёт мужичок, смущённо неся в руке букет цветов головками вниз. Видимо, дарит цветы женщине впервые и оттого ему жутко неловко. Оттого напоминает идущего с венником в баню...

Он напомнил мне нашего соседа, украинца дядю Колю, который впервые в жизни купил в магазине шляпу и, придя к нам, смущённо спросил мою маму:

— Вера Яколевна, скажи мэни, як воно е: ця шляпа мэни до морды чи нэ до морды?..

— Коля, ну конечно же, к лицу! — ответила мама. — Она очень тебе идёт!

Дядя Коля развернулся, довольный, и сказал:

— Буду носыть! А то жинка каже: нэ до морды, нэ до морды!..

Надо сказать, что шляпа ему действительно была «до морды». То есть очень к лицу...

— Значит, самогон гоните, товарищ Фельдман? Самогончиком *промышляете*? Сейчас мы акт составим, аппарат и продукцию изымем. И штраф вам придётся заплатить.

— А фот и нет такой закон, кражданин участковый!..

— Как это нет?! Самогоноварение у нас запрещено законом. И статья даже есть...

— Так то — самокон... А я шнапс произвожу! И *не промышляю*, а Ирму самуж выдаю...

Город Алейск. Молочный магазин. Середина 70-х. Тогда слово «дефицит» было очень популярно. Молоко, кефир, ряженка в то время поступали в магазины в стеклянных бутылках ёмкостью по 0,5 и 1 л.

Разговор покупателя с продавцом.

— Не пойму, где тут у вас сметана, а где — молоко!..

— А что тут понимать? То, что синенькое, — это молоко, а то, что похоже на молоко, — это сметана.

«Большой начальник» районного масштаба, конец 60-х годов XX века:

— Так вы, значит, художница? И надолго к нам приехали? На недельку. Ничего, ничего, это замечательно: с жизнью нашей познакомитесь. Так-так... «На этюды» — вот так не надо говорить, не надо! Так и скажите: писать портреты передовиков производства — это будет правильно. Я сейчас позвоню второму секретарю райкома, думаю, машину он вам выделит. Чтоб по фермам там, по бригадам... Он же и скажет кого. А вы как быстро рисуете-то? А то по-разному бывает: вон этот, который «...Христа народу», сколько лет, говорят, одну только рисовал! Если быстро, то, может, заглянете и ко мне в свободное время? Да-а-авно, вообще-то, я хотел кому-нибудь свой автопортрет заказать...

В начале 80-х на железнодорожной станции в Караганде я зашёл в привокзальный туалет, где мужчина, чем-то одно временно напоминавший Веласкеса и Бальмонта, в спецовке, берете, с кисточкой и банкой краски в руках, заканчивал выводить на стенке какую-то надпись. Не оглядываясь на меня, сказал: «Подождите, я сейчас закончу». Закончив работу, он удовлетворённо откинул голову, полюбовался на своё творение, как художник, сделавший последний удар кисти, и вышел. Надпись гласила: «Соблюдайте чистоту, как положено лицу!»

Как тут не вспомнить «Окна РОСТА»!..

Город Барнаул, начало 70-х. Отставной подполковник назначен комендантом студенческого общежития. Заведя жёсткую систему пропусков, он любил повторять, не пуская в вечерний час посторонних в общежитие:

— Вахтёр — он ещё может поддаться на ваши разговоры. А меня можете и не упрашивать: я здесь государством, понимаете ли, поставлен специально для борьбы с нравственностью.

Непридуманнные истории-3*

Наказ Владимира Солоухина

Я был приглашён на презентацию книги ветерана внешней разведки Ю.И. Дроздова «Вымысел исключён», поскольку написал к ней послесловие.

Недели за две до того торжественного дня я повидался с Юрием Ивановичем и он поделился задумками по составу приглашённых:

— Мне кажется, не лишне было бы пригласить киноактёров, когда-либо сыгравших роль разведчиков в кино, и писателей, писавших о разведке. Кадочникова, увы, уже не пригласишь. Вячеслава Тихонова — обязательно. Георгия Жжёнова, Бориса Галкина — он вашего брата десантника хорошо сыграл. Николая Бурляева надо бы, но у меня нет его телефона... Из писателей — кого ты думаешь?

— Вам виднее. Думаю, Александра Проханова. Владимира Карпова — Героя Советского Союза. Святослава Рыбаса — он про похищение генерала Кутепова хорошо написал. (Каюсь, что «с налёту, с развороту» забыл про Михаила Ножкина — чудесного актёра и барда: кто не помнит его Бекаса в «Ошибках резидента»? — и актёра большого таланта Александра Михайлова, который в роли разведчика Николая Кузнецова сумел переиграть даже Павла Кадочникова) ...

— Ну ладно, я ещё подумаю...

Предновогодний «Президент-Отель», где проходила презентация книги, блистал гирляндами мишуры, огнями и внутренним убранством. Для гостей в холле были расставлены столы с шампанским, коньяком и лёгкой закуской, каждому приходящему вручали подарочный набор книг о разведке. Подходили седовласые мужи с тяжёлыми орденскими колодками, со Звёздами Героев, обнимались крепко, вступали в разговор; подходили парни из дроздовского «Вымпела» — крепкие, сумными, глубокими глазами, сдержанные, немногословные.

*№ 2 журнала «Барнаул» 2011 г. (91-103 стр.).

На груди у некоторых — экзотические медали иностранных государств.

Тихонова и Бурляева я не увидел. Важно прошествовал под руку с супругой «генерал» Алексей Булдаков, поведавший миру об особенностях национальной охоты. Борис Галкин с женой Еленой стояли в окружении «вымпеловцев». Георгий Жжёнов беседовал о чём-то с митрополитом Питиримом. Сдержанный Святослав Рыбас, вернувший России доброе имя Петра Аркадьевича Столыпина, выслушивал отставного генерала разведчика. В пиджаке нараспашку и как всегда без галстука появился Александр Казинцев — известный публицист, заместитель главного редактора журнала «Наш современник».

...И вдруг я увидел идущего шаркающим приставным шагом Владимира Алексеевича Солоухина и слегка удивился: Солоухин, насколько я знаю, никогда и ничего о разведке не писал. Впрочем, всё ли я о нём знаю?.. Владимир Алексеевич медленно продвигался от парадной лестницы по направлению к конференц-залу, ссутулившись, немного растерянно кидая взгляды по сторонам. Остановился, огляделся и, видимо, не заметил ни одного знакомого лица: в холле уже толпилось изрядное число приглашённых. Я подошёл к нему, поздоровался и пригласил к фуршетному столу.

— А что там, на столе-то?..

Мы подошли к столу, два-три человека поприветствовали писателя:

— Здравствуйте, Владимир Алексеевич!

Солоухин, слегка приподнимая глаза и не особо замечая, кто с ним здоровается, полупоклоном отвечал на приветствия.

— Дай-ка мне, пожалуйста, вот этот бутерброд, с икоркой, и тот, с рыбой.

— Пожалуйста, за всё «запложено». А как со здоровьем-то, Владимир Алексеевич?

— Сейчас намного лучше. Не орёл, но, как видишь, летаю. Ты вот что, убери шампанское, давай мы за этих ребят коньяку выпьем. Хороший коньяк-то? — Он прищурился, вглядываясь в этикетку.

— «Двин». Говорят, неплохой.

— Вот давай его, помаленьку...

Мы выпили за здоровье генерала Дроздова и за советскую разведку, доставившую немало хлопот нашим противникам. Солоухин, прожёвывая бутерброд, спросил:

— Ты книжку-то Дроздова читал?

— Читал, даже писал о ней.

— Я так думаю: хорошо, что они, разведчики, наконец-то заговорили. Сразу сколько досужих сплетен про КГБ полетело в тартарары. И сколько мы узнали про тайные пружины, которые двигали и нашу, и зарубежную политику! Н-да, это, пожалуй, важнее...

Протрещал звонок, приглашая всех в конференц-зал. Мы сели у прохода в середине зала.

После приветственного выступления генерала Дроздова показали фильм «Равных им не было» — о группе специального назначения «Вымпел», созданную и выпестованную Юрием Ивановичем, которой действительно не было равных в ряду спецподразделений иных стран — по универсальности подготовки, по отваге и мужеству, по способности решать невыполнимые, казалось бы, задачи.

Запомнились, например, такие кадры. Камера неподвижна, на экране — ничем не примечательный пейзаж: слегка взбугрённая местность, дерево, зелёные кустики. Больше ничего! Вдруг земля дыбится и в полный рост встают 50–70 вооружённых парней, но тут же ложатся, снова исчезая. Проходит секунда-другая (камера неподвижна) — и опять как по команде встают ещё человек 50–70, но уже других воинов.

«...Бойцы «Вымпела» проходили стажировку и в странах Юго-Восточной Азии, — звучит голос диктора за кадром, — где делились опытом и где многому научились». В это время на экране крупным планом возникает участок дороги (безо всякого изъяна!), после чего квадратный лоскут земной поверхности приподнимается и отъезжает в сторону, а из замаскированной ямы выскакивает перемазанный в глине улыбающийся «вымпеловец».

Солоухин смотрел на экран молча. Затем, когда генерал Дроздов по окончании фильма попросил желающих высказаться, Владимир Алексеевич, выждав небольшое время, поднялся с кресла и мелким шагом пошёл к сцене. Зал молча ждал.

Опершись на трибуну, Владимир Алексеевич коротко поведал свою военную биографию, отметив, что «хотя в войсках НКВД я никогда не служил и про вас, разведчиков, не писал, но во время войны был старшим сержантом спецназа».

Говорил он тихо, потом голос стал крепнуть — почти точь-в-точь, как это было во МХАТе на 40-летию журнала «Наш современник», когда он читал своё стихотворение, закончив его на высокой ораторской ноте.

— Когда я посмотрел этот фильм, мне вспомнился случай из давней русской истории. Произошло это в период крещения Руси, когда христианские проповедники шли в города и веси, в разные племена Руси, крестя язычников и обращая их в христиан. И вот, когда один из монахов-подвижников пришёл в языческое племя, обитавшее где-то на севере, и убедил всех принять христианство, произошло следующее. Вождь племени, который должен был первым пройти обряд крещения и показать пример своему племени, вошёл в реку, выхватил из ножен меч и, высоко подняв его над головой, трижды окунулся в воду. Когда он вышел на берег, монах-миссионер упрекнул его: что же ты, мол, сам окунулся, а меч свой не окунул?

И вождь ему ответил... — тут голос писателя возвысился до митингового накала. — Я, говорит, прошёл обряд крещения. Я теперь христианин. Я буду соблюдать Христовы заповеди, буду жить так, как велит мне Христова вера. Я даже буду прощать врагов своих. Но! — голос Солоухина обрёл металл. — Но ме-е-еч мо-о-ой!..

Он сглотнул комок в горле, и микрофон озвучил это всем сидящим в зале. Произошло мгновенное слабое движение десятков людей, которые, я уверен в этом, разом почувствовали — что сейчас будет сказано. — ...Но меч мой никогда не должен быть добрым к моим врагам! Он никогда не будет добрым к врагам моего племени — он не для этого предназначен. Меч в моей руке для того, чтобы защитить меня и моё племя, и ему нельзя быть добрым, как мне!.. Вот что сказал монаху вождь племени.

С середины зала я увидел, что по щекам старого писателя текут слёзы. Это заметили и другие, и по залу снова короткой судорогой прошло движение.

— И я вас прошу, я вас заклинаю: держите свой меч сухим всегда! Дорогие мои герои, я — старый человек, я много по-

видал. И вы многое повидали, вы много знаете, чего не знают другие. Вы не должны спокойно смотреть на то, что происходит. Вы видите, как наша Россия окружена со всех сторон алчущими «собратьями», которые готовы рвать её на части, стремясь ухватить себе кусок пожирнее... Не мне это вам рассказывать, это вы сами знаете, как не знает никто. Так... не дайте же!.. не дайте!.. не дайте погибнуть своей Родине!.. (Он уже не стеснялся своих слёз.) Она вас вскормила, но сегодня она слаба и унижена, и вы — её последний оплот!

Я, старый человек, русский писатель, обращаюсь к вам: держите ваш меч сухим! Нам нельзя быть добрыми к нашим врагам — их слишком много, они сплочены и сильны, они не хотят быть добрыми с нами. И поэтому пусть ваш меч, изображённый на вашей эмблеме, всегда будет разящим, острым и сухим, как у того мудрого вождя племени!..

Он отошёл от трибуны и, шаркая подошвами ботинок, пересёк сцену. Спустившись в зал, Владимир Алексеевич растерянно оглядывал сидящих, и я догадался, что он забыл, в котором ряду сидел до выступления. Я поднялся ему навстречу:

— Владимир Алексеевич, идите сюда. Вот ваша сумка.

— А, ну всё. Спасибо. Я, пожалуй, присяду...

Он медленно сел в кресло, после чего аплодисменты стихли. Солоухин достал носовой платок, вытер щёки, промокнул глаза, принял позу поудобнее. Вдохнул. Потом спросил неопределённо:

— Ну что?

— Как что? Вы же видите, что с залом сделали! Задние ряды стоя вас приветствовали...

— Да-а-а... А ты этих ребят знаешь? — он кивнул головой на зал.

— Некоторых маленько знаю.

— Ну и как?.. Думаешь, дошло до них?

— Думаю, дошло.

— Хорошо бы, если б дошло... Я от сердца говорил. Что ж они, не понимают, что ли? У них в руках — та-ка-я сила!.. Да будь я помоложе!.. — Он махнул рукой как-то обречённо, словно отсекая тему разговора, и стал медленно вставать.

— Ты меня проводи, пожалуйста, до выхода.

Я проводил. Больше мы не виделись.

Подарок

В 70-е годы, ближе к весне, альплагерь «Алибек», что на Кавказе, случайно посетил А. Н. Косыгин.

Неподалёку от альпинистского лагеря, ниже по ущелью, чуть в укромной сторонке находилась его служебная дача. Пожилой Алексей Николаевич, видимо, прилетел на недельку в отпуск — подышать свежим горным воздухом, восстановить силы. Дорогу перехлестнуло лавиной, а премьеру пришла пора срочно возвращаться в Кремль, где ждали дела государственной важности. Дождаться, когда подойдёт техника и разгребёт огромный завал, он себе позволить не мог. Надо было что-то предпринимать. Мобильных телефонов, чтобы вызвать помощь, в ту пору не было. Помощники вспомнили, что в ветвистом ущелье находится лагерь альпинистов, где непременно кто-то должен быть. Протоптали в снегу тропу через завал, пособили шефу одолеть его, поднялись в лагерь.

Начальник альплагеря Эдуард Жуков глазам своим не поверил, увидя на пороге уставшего, в промокших штиблетах главу государства и его охрану. Подсушили Алексея Николаевича, напоили чаем, он попросил рассказать об альпинизме, о частоте схода лавин, показать хозяйство альплагеря. Жуков рассказывал, показывал. Про сход лавин — да, часто. Тогда уж от мира отрезаны на неопределённый срок.

— А как же пищу в эту пору готовите, что с освещением?

— Да, тут всегда возникают проблемы, — ответил начальник альплагеря, — но мы их решаем. Я иду на вашу дачу, даю сторожу червонец, и он мне отпускает горючки. Вы ж тут не часто бываете, а на вашей даче её навалом. Даю 15 рублей трактористу — и он на своём тракторе это горючее доставляет в альплагерь. Вот и всё. Запускаем движок.

— А на какие деньги проводите эти махинации?

— Липовые счета выписываем, — честно ответил Эдуард. — Альпинисты — спортсмены, забытые государством, альплагеря — тоже. Вот и крутимся, как умеем. Не погибаться ж тут до весны!..

Алексей Николаевич чуть ли не в шоковом состоянии выслушивал ту самую правду из народа. Погмыкал-погмыкал, раздумывая о чём-то, затем промолвил:

— Перечислите, в чём вы нуждаетесь, я запомню.

— Да нет уж, вы лучше запишите! — решительно возразил Жуков. — Нам бы трактор с лопатой — завалы лопатами не разгребёшь: снег в лавине так прессуется, что напоминает асфальт. И два ГАЗ-66 не помешают, — почти не раздумывая перечислил Эдуард.

— Трактор вам будет, — ответил премьер. — А вот как с машинами — не знаю. Всё-таки эта марка в основном у нас по военным заказам проходит...

Эдуард моментально отреагировал:

— А разве армия правительству не подчиняется?..

Косыгин внимательно посмотрел на дерзкого альпиниста и ничего не сказал.

Завал на скорую руку начерно расчистили, премьерскую машину перетащили через оставшиеся глыбы снега — можно было ехать к ожидавшему самолёту.

Довольно скоро Жукову по радиации передали с базы содержание телеграммы из Москвы: «Получите на станции трактор». А вскоре он поехал получать и две машины ГАЗ-66.

Когда начался альпинистский сезон и заехала первая партия спортсменов, необычная история с появлением техники сразу стала всем известна.

Кульминацией её можно считать чью-то юмористическую выходку. Когда утром альпинисты побежали на зарядку, то увидели, что на лопате бульдозера губной помадой кто-то крупными буквами написал: *«Дорогому Эдику от Алёши!»*

«Самоутверждения»

Триптих

I

Конец 70-х годов. Нечаянно подслушанный разговор за выпивкой в околобанном пивном стояке двух приятелей, которые, видимо, давно не виделись, а тут негаданно случай свёл. После обоюдного узнавания, радостных приветственных возгласов и объятий с излишне крепкими, как мне показалось, шлепками по плечам и по спине, разбавлением «Жигулёвского» водкой из припасённой одним из них чекушки,

вопросов «где ты?» да «как ты?», «видел ли того-то?», «женился или нет?» один, одетый чуть респектабельнее, чем товарищ, разомлев после бани и выпитого «ерша», спрашивает — явно с намерением поставить себя хоть чуть, но выше собеседника:

— Дак работаешь-то где, не понял? Я — экспедитором, сказал уже. А ты, что токарем — понятно. А где вкальываешь-то?

«Что токарем...» — с какой богатой и сложной интонацией это было сказано! Тут было и небрежное понимание — мол, да, судьба твоя такая, и снисхождение к тому, что выше токаря дружок подняться не сумел, и даже лёгкое сочувствие по этому поводу и похлопывание по плечу, и орлиный взлёт, и ожидающий взгляд вприщур уже оттуда — свысока. Попал в десятку!

Дружок, доселе говоривший уверенно, немного зачастил:

— Ну, завод «Трансмаш» знаешь? На «Трансмаше» я. 250 — это как минимум получаю! А так, слышь, до трёхсот «рваных»... Вынь да поло-о-ожь, вот так вот! Кстати, я ж ещё и газосварщик. Когда надо трубу обварить, особенно тонкую в диаметре, мастер всегда ко мне приходит: надо, мол... Тогда говорю ему, мастаку: «Твоё спасибо не хрустит, и Ленин на ём не нарисован...»

Первый — с ехидцей и тем же хитрым прищуром, явно подначивая:

— Поди вкальываешь почём зря?..

Второй — с обидой и лёгким возмущением, даже кружкой о стол слегка грякнул:

— Да я!.. — он аж заикнулся от возмущения. — Да я, считай, палец о палец не бью!..

После этого случая в моём представлении сильно пошатнулась идеологическая доктрина о самом передовом отряде трудящихся масс...

II

Начало 80-х. Барнаул. Случайная встреча на городском автовокзале с односельчанином, который младше меня лет на семь-восемь. Топчусь на междугородней остановке автобусов и вдруг замечаю — в облике молодого симпатичного усача есть что-то знакомое. Не видел его лет пятнадцать. Время всех нас преобразует. Стариков, а тем более однолеток по прошествии лет обычно узнаёшь быстрее, чем тех, кто в пору тво-

ей юности загребал босыми ногами пыль на дороге, шмыгал носом и поддёргивал на бегу штаны на лямках. Узнал лишь по внешним признакам «породы»: чернявый, густые брови, как у матери — тётки Гали, колхозной доярки, полные яркие губы (маков цвет), как у неё же, и широкий в улыбке рот, как у отца — Прокопия Ивановича, молчаливого работяги механизатора.

Подошёл, тронул за плечо:

— Ты не из Сидоровки? Не Миша С.?.

— Ну, он... А-а-а... Я тебя тоже вроде и признал, что ты Морозов — на отца сильно смахиваешь, на Валентина, у Валентина брови такие же, как у тебя, а потом думаю: может, просто похожий? Потом опять смотрю — нет: Славка!..

Миша, которого до встречи я помнил пацанишкой, выглядел уверенно и сразу стал обращаться на ты, даже с налётом некоего покровительства или старшинства. Слегка резануло, что моего отца, более сорока лет проработавшего в школе и выучившего несколько поколений сидоровцев, в том числе самого Мишу, а также его отца и мать, он назвал Валентином — без отчества, хотя даже самые пожилые мужики и бабы в селе называли его уважительно Валентином Семёновичем. Меня в разговоре называл только Славкой, несмотря на существенную разницу в возрасте и большой временной перерыв в общении. Впрочем, общения-то между нами раньше не было никакого и быть не могло! Я оканчивал десятилетку, когда Миша по складам учился читать «мама мыла раму». Бог с ним — земляк всё-таки, из родного села, улицы рядом, по дворам — так сосчитать можно. Терпимо. Да и не на всю жизнь — на час судьба свела... Хотя, признаюсь, уже пожалел, что окликнул.

Миша почему-то начал разговор с вопроса: «Хочешь, анегдот расскажу?» — и, не дожидаясь моего ответа, рассказал совсем несмешной, но вполне глупый и матерный «анегдот», громко хохоча при этом и толкая меня в плечо: что, мол, не смеёшься? Я изобразил углом рта понимающую ухмылку. Видимо, «анегдот» казался Мише настолько уморительным, что его просто распирало изнутри желание немедленно пересказать его кому-нибудь, а тут и земляк подвернулся вполне кстати. Само собой, дальше уже спокойно потекли взаимные неторопливые расспросы (до общего автобуса — ещё чуть

меньше получаса), какие могут быть между давно не встречавшимися односельчанами с известной возрастной дистанцией: просто знавали друг друга когда-то и жили неподалёку. Традиционный, неминуемый в такой беседе вопрос:

— Миша, а трудишься-то где?

— Ну, Танька моя — в продмаге. Я как с армии пришёл, сразу сказал себе: женюсь только на продавщице! — начал он не с себя. Скорее всего, для него весьма важно было подчеркнуть, как хорошо он устроился в этой жизни. — Теперь для кого-то дефицит, а у нас хоть каждый день на столе. А я шофёром на «Ниве» в районной газете, где и ты когда-то работал. Редактор другой уже (он назвал фамилию), вашего на пенсию отправили, говорят, не сумел перестроиться. А чё ему? На охоту ездит, рыбку ловит, огород содит, полет, поливает. Инфаркт схлопотал недавно — чуть боты не загнул. А про нашего не слыхал? Его четыре года назад к нам прислали из Бавеского района, кажется. Ну-да, вроде из него...

— Нет, не приходилось, я ж давно из района уехал. Даже фамилию такую не припоминаю. А из сотрудников, может, кого и знаю... Кто из старых-то остался?

Миша перечисляет. Одна из фамилий мне знакома — Катя, моя ровесница, но «мы с нею вместе не служили», как говорил полковник Скалозуб.

— Это не та Екатерина, которая раньше работала в райкоме комсомола? Красавица такая: блондинка-натурале, карие глаза, как две маслинки, улыбка, как у Джоконды, идёт по улице — не отвернёшься, башка сама поворачивается... Муж у неё Серёга — боксёр, преподаватель физкультуры. Так что не шибко и заглядишься...

— Ну да, она самая. Когда комсомольцев и партию разогнали под метёлку, она подалась к нам — корреспонденткой назначили, потом быстро завотделом стала — прежняя на пенсию ушла. Говорят, она и раньше что-то писала. Ничё баба, активная, писучая: в каждый номер что-то там пишет... Не знаю, о чём, поскольку я вообще газет не читаю.

Он вдруг, припомнив что-то, медленно ослабил, широко раздвинув пухлые яркие губы, карие глаза заблестели как-то гаденько, лицо стало приобретать многообещающий налётец негромкого затаённого торжества и собственного чувства превосходства над чем бы и кем бы то ни было:

— Недавно подходит ко мне эта твоя Жаконда, слышь, Слав: «Михаил, мне надо срочно ехать в П-во». (Он назвал довольно отдалённое от райцентра село, куда рейсовые автобусы ходят один раз в день.) Я говорю: «Привет, а я тебя что, держу?! Ехай. Чо ты мне-то докладываешь? Это твоя работа — вот и ехай, а я там что забыл?» — «Ну вы же знаете, Михаил, что туда автобус давно ушёл, а следующий — только завтра утром! А мне редактор только что поручил, срочно, говорит, чтоб в завтрашний номер материал уже был... А мне ж ещё написать надо! И вообще, на что нам тогда редакционная машина?!» Вижу, кипятиться начинает. Тоже мне, чайник со свистком! Ага, думаю, покипи-покипи, чтоб только крышку не снесло... Говорю ей, как дуре: «Машина на то, чтоб на ей е-е-ездить. Во-о-от на что машина. Только щас она у меня — сло-ман-ная, соображаешь?» — «Ну вы же утром ездили с редактором в Гуселетово!» — «Так до Гуселетова всего двенадцать километров! Вот как приехали, так она и сломалась». — «Михаил Прокопьевич, — уже на отчество перешла, слышь, — ну о-о-очень важное задание! Редактор сказал: бери машину и срочно поезжай!» Я говорю (он покосился на меня с некоторым высокомерием: мол, ты-то так не сумеешь!): «Раз он так сказал, пусть свою «копейку» заводит и сам везёт тебя, а моя, говорю тебе, сломалась: карбюратор, считай, выкидывать надо! Туда почти семьдесят километров, обратно стоко же, а я в степи ночевать не собираюсь».

— Что, в самом деле карбюратор полетел?..

— Славка, да ты чё? — Миша гыгыкнул, как-то очень сложно и иронично прореагировал бровями и мимикой на мой «дурацкий» вопрос. — У меня машина всегда с иголки! Что «Нива» редакционная, что своя «семёрка». Ключ от гаража — только у меня. Ночью поеду — полный багажник кукурузы для кролов наломаю. У меня их шестнадцать штук — кролов. Сена надо привезти — свою тележку цепляю и — по любым колдобинам!.. Свою, что ль, машину бить!.. Дров на зиму привезти — легко! Ты чё, «карбюратор полетел»...

— И что, не поехал?..

Михаил Прокопьевич вставил в правый угол рта сигарету, прикурил; не вынимая её, левым углом артистично сплюнул (я потом пробовал повторить — не получилось), медленно перевёл взгляд на меня, ощущение было такое, что он

смотрит на меня сверху вниз, хотя Миша был чуть пониже меня ростом. Сказал с какой-то томной ленцой и растяжкой в голосе:

— Бес-па-лез-на!..

— Миш, а если б она редактору пожаловалась и он бы тебе приказал?

— Послал бы и его! Сказал бы: «А где новый карбюратор?» Он же в технике — дуб дубом! Даже сколь бензина на километр уходит, не знает. Когда своя машина забарахлит, всегда меня просит. Так что он у меня во где!.. — показал он внушительный «рабочий» кулак.

С прежней гаденькой толстогубой ухмылочкой он перевёл прищуренный взгляд повыше голов толпящихся на остановке пассажиров, вдохнул полной грудью и повторил тем же голосом, в котором была и мечтательность, и приговор, и крайняя степень самодовольства, и, наверное, тайного самовосхищения:

— Бес-па-лез-на!..

III

Первое десятилетие XXI века. Известный киноактёр и режиссёр, народный артист России, давний мой товарищ Борис Сергеевич Галкин, находясь территориально неподалёку от меня в Подмоскowie, по телефону обещал захватить на хлеб-соль. Почти все его роли в кино — военные, сам он отслужил срочную в погранвойсках, поэтому, видимо, в характере выработалась и закалилась та самая «военная косточка», без которой мужик — не мужик.

Я стоговил свой фирменный борщ, какой-то хитрый, но вкусный «морозовский» салат — надо ж гостя хоть немного удивить. На всякий случай помыл с порошком стопочки под тоже фирменный напиток — «веспетро ЗэКа» (настойка на алтайском золотом корне) и стал поглядывать на часы, Борис — человек точный.

Вскоре задёргался и зазвонил мобильник. Галкин сообщил, что обстоятельства его задерживают, а Москва с нетерпением ждёт, так что подъехать он может лишь за тем, чтоб попрощаться. Ко мне на пятый этаж он не пойдёт, чтоб не тратить время, лучше пусть я выйду в такой-то час с минутами к своему подъезду.

В назначенный срок я вышел — машина только что подрулила. Пять минут пообщались, обнялись, и я помахал ладошкой вслед уезжающему «Фольксвагену».

Часа через два отправился в магазин за продуктами. Сидящие у подъезда бабушки остановили меня:

— Это кто с вами обнимался? Не тот артист, что сейчас по телевизору показывают?.. Как его фамилия?

По телеканалу «Звезда» только что закончилась очередная серия фильма «Батя» — о легендарном командующем ВДВ Василии Филипповиче Маргелове, где Борис играл роль генерал-полковника Петрова.

— Не-е-ет, тот артист давно помер, это мне двойника привозили — для опознания, — неудачно пошутил я.

— Ну и что, опознали? — ядовито поинтересовалась самая хитрая.

— Наполовину. Так похож, а вот так, если против солнца, совсем наоборот: не артист, а теплотрассник...

— Вспомнила: Галкин его фамилия! — торжествующе воскликнула одна, ленивым жестом «отодвигая» меня, мол, ври, но в меру. — Сын Владислава, который недавно помер, того самого «дальнобойщика». В смысле, не сын, а отец его. Правильно?

— Нет, ты глянть: и в телевизоре Галкин, и у нас во дворе Галкин!.. — растерянно произнесла бабушка с третьего этажа.

— Дорогие бывшие комсомолки, ударницы социалистического труда! Откуда ж мне знать, кто кому сын, а кто отец? Это не ко мне, а к вам надо обращаться с такими вопросами, вы, чай, всё знаете, что на свете творится, — шутиво уклонился я от ответа, чтоб не вызвать у бабушек антипатии и кривотолков. Кажется, никто на меня косо не посмотрел.

— Да что говорить, Галкин это. Даже имя помню: Борис Галкин его зовут, — степенно подала голос одна из женщин, помоложе других, не из нашего дома, но часто приходящая на вечерние посиделки на нашу скамеечку. — Он ещё в этих фильмах играл... — Она правильно назвала три-четыре фильма с участием Бориса.

Бабушки уважительно и немного растерянно разглядывали меня, словно видели в первый раз.

— И чё ж это, вы с ним знакомы, чё ли? С живым артистом?! Ну ничё себе-е-е!..

— Нет, я как-то нечаянно его зонтик вместо своего прихватил на одном званом вечере, вот он и захотел поменяться: жена, говорит, заругала — это её подарок, — опять попытался я отбредаться лишь для того, чтобы дальше не спрашивали.

Все бабушки, кроме опознавшей Бориса Сергеевича, смотрели на меня с нескрываемым уважением: живого артиста знает, который мистическим образом может существовать одновременно и в телевизоре, и в нашем дворе!.. Я уже хотел махнуть рукой и продолжить путь в магазин, но тут женщина, поставившая точку в «идентификации», почти грациозно распрямила спину, проведя ладонями от живота к груди и сопроводив этот жест неопределимо тонкой игрой бровей и губ:

— А помните, шесть лет назад приезжал к нам тоже артист из Москвы? — она назвала фамилию действительно всенародно известного и любимого мною киноактёра.

— Так вот, как мы с ним познакомились... — Она замысловатым движением бровей, губ и каждой морщинкой у глаз безмолвно проиграла флотский сигнал «Слушайте все!». Бабушки стихли, я тоже молча присел на краешек скамеечки.

Выдержав вполне интеллектуальную паузу, пожилая дама неспешно продолжила, постоянно сводя губы в бантик и поднимая брови домиком, отчего взгляд её становился слегка загадочным, а глаза покрывались томной поволокой. Она рассказывала неторопливо:

— Я как раз зашла на нашу почту спросить у Татьяны, нет ли извещения? Её смена как раз была. Колька, сын мой, сказал по телефону, что уже неделя, как послал мне бандерольку к Восьмому марта. Мол, получила или нет? Ну и зашла, значит... Бандерольки пока нету, а мне торопиться некуда, стою у окошка, с Танькой разговариваем про то да сё, когда смотрю — этот самый артист забегает. Танюха-то глаза выпучила — узнала его, мне глазами показывает, мол, смотри, кто зашёл. А я тоже сразу узнала — и ну хоть бы ноль на него внимания! Ну вот прям ноль внимания! — с удовольствием и даже гордо повторила она. — Смотрю, он взял с прилавка бланк телеграммы, что-то там написал и топчется за моей спиной. А я — ну как не вижу его вообще, говорю себе с Татьяной про свои дела, та отвечает мне, а сама уже заёрзалась совсем, то на меня, то на него глазами зыркнет. А я — ну как вообще его не замечаю! И тут этот артист

(она опять назвала фамилию и имя) вот так вот нагибается ко мне — он же ж высокий — и говорит: «Женщина, простите, вы не совсем по делу разговариваете, а мне надо срочно телеграмму отправить, там меня машина ждёт». Я вот так обернулась к нему, — она гордо повела плечами, одновременно выпрямляя спину, сделала руки в боки, — вот так вот посмотрела на него и говорю: «Ну, раз торопитесь, конечно, отправляйте. Только поскромнее, поскромнее надо быть!» — и отодвинулась от окошка. Вот не поверите, он на меня глаза выпучил, ротом раза три дёрнул, как карась на бережку, и говорит: «Спасибо. А в чём моя нескромность, я что-то не понял?..»

Женщина опустила глаза, оперлась ладонями на скрещённые колени, огладила платье и опять змеисто, замысловато и таинственно для меня улыбнулась. Я и бабушки выдерживали паузу ожидания. Завершила она рассказ про «знакомство» с поистине великим артистом сдержанно-торжествующе, но так же, не повышая голоса, с достоинством:

— А вот в этом вопросе, говорю, разбирайтесь сами. Вы вроде интеллигентный человек, так что должны понимать. А только поскромнее, поскромнее надо быть! Это не я, это, говорю, народ с вами разговаривает!..

Тут, мои дорогие читатели, я, испытывая жуткое, почти физическое отвращение к услышанному, встал со скамейки, махнул старушкам рукой и под их молчание пошёл прочь.

«...Совесьть Господь пробудил»

Знакомый по второй чеченской офицер из Ярославского ОМОНа напомнил по телефону, что я в Ханкале дал ему слово «как-нибудь вырваться в Ярославль». Обещал бесплатный номер в ведомственной гостинице, встречи с интересными людьми и старыми знакомыми по Чечне.

Я приехал. Майор Женя оказался прекрасным гидом, знатоком древностей родного города, основанного Ярославом Мудрым. В Ярославле я впервые, знания о нём были книжные, поэтому с таким провожатым я готов был бродить по историческим местам города до полного онемения нижних конечностей.

Интересных встреч тоже было в достатке. Я пожалел, что прихватил всего лишь три кассеты для диктофона. Но рассказ ветерана УВД Ярославской области И. С. Котова записать удалось. Необычный его сюжет напомнил любимую русскую песню про атамана Кудеяра, двенадцать разбойников и сочный шалапинский бас. Вот что рассказал Иван Семёнович.

— Сразу после войны преступность у нас, в Ярославской области, была не просто высокой, а кошмарной. Про такую мелочь, как карманники-щипачи, «гоп-стопники», форточники, мошенники, можно и не говорить: головной болью всей областной милиции были частые убийства граждан с целью ограбления. Преступники работали и в одиночку, и организованными бандгруппами — цинично и дерзко, зная, что у нас нехватка кадров, оснащения, опыта. При захвате почти всегда случались перестрелки: они — по нам, мы — по ним. Оперативниками в нашем УГРО служили в основном бывшие офицеры, прошедшие войну, имевшие боевой опыт. Храбрости и силы духа им хватало, а вот оперативной грамотёшки — не всегда. Поэтому не обходилось без потерь с нашей стороны...

Можно сказать, что их мужество, фронтовая закалка и преданность избранной профессии стали решающим фактором в искоренении бандитского беспредела, поскольку техническое оснащение в ту пору у нас практически отсутствовало. Суди сам: в распоряжении оперативников были две машины «Додж» и постоянно ломавшийся автомобиль марки «М-1» — знаменитая «эмка», которая находилась в распоряжении начальника областного управления уголовного розыска. Радиосвязи не было, телефонная связь с райцентрами большей частью повреждена. Надо куда-то добраться — на своих двоих; попутная брочка — уже везение... Добавлю, что в большинстве райотделов опера вечерами и ночами работали при керосиновых лампах.

Мне пришлось несколько лет возглавлять 1-е отделение областного уголовного розыска. Первое оно и есть первое: убийства, разбои, грабежи... Понятно, категория особо опасных преступлений. Оглядываясь назад, могу утверждать, что большее количество особо опасных преступлений мы всё-таки раскрывали, несмотря на все трудности в работе. Но однажды не одно, а целую серию тяжких преступлений

помог нам раскрыть... наверное, сам Господь Бог!.. Поскольку, кроме Него, пробудить совесть в закоренелом преступнике некому. Если ты смотрел «Место встречи изменить нельзя», то прекрасно понимаешь, что таких отпетых, как Кирпич, Копчѐный или Манька Облигация, даже тюрьма не исправит, а не то что увещевания вроде «работать тебе надо, Маня!..».

...Однажды к дежурному управления милиции УНКВД Ярославской области обратился с просьбой пройти на приём к начальнику уголовного розыска по весьма важному делу статный военный — в форме, с погонами старшего лейтенанта. Дежурный позвонил начальнику УгРо подполковнику А. П. Мамаеву, а я как раз находился в его кабинете. Мамаев велел пропустить офицера. Решительный стук в дверь. Ответное «войдите». Дверь распахнулась, и в кабинет твёрдой, уверенной походкой вошёл представительный, выше среднего роста старлей в хорошо подогнанной шинели из офицерского сукна, хромовых сапогах и в фуражке. Далее — сцена не для слабонервных... Офицер щёлкнул каблуками и без лишних предисловий представился:

— Я тот самый бандит Р-ев, которого вы давно и безуспешно разыскиваете, — и он начал расстѣгивать пуговицы на шинели.

Я и Мамаев выхватили пистолеты и навели стволы на посетителя. Это его ничуть не испугало. Мало того, он виртуозно обругал нас и сказал, что явился с повинной, неужели, мол, непонятно?.. После этого медленными движениями расстегнул поясной ремень на гимнастѳрке, так же медленно сделал пять шагов вперѳд (мы держали его под прицелом) и положил ремень на стол — вместе с кобурой, в которой находился пистолет ТТ. Затем вынул из кармана брюк немецкий пистолет вальтер и тоже положил его на стол — стволом к себе. Поднял руки вверх и спокойно сказал:

— Теперь можете обыскивать. Вы же обязаны меня обыскать?..

Я сделал поверхностный обыск, проводя руками по карманам одежды, подмышками, вокруг поясницы, за голенищами сапог — чисто.

— Другого оружия у меня нет, — прокомментировал Р-ев мои действия и стал поочерѳдно вынимать содержимое карманов и передавать мне.

Я передал подполковнику два офицерских удостоверения, выписанных на разные фамилии, гражданский паспорт, довольно крупную пачку денег и небольшой нож-выкидушку. Мамаев предложил Р-еву снять шинель и фуражку, присесть к столу и рассказать о себе, о тех преступлениях, которые он совершил и в которых участвовал. По какому-то наитию я не стал вынимать бланки протокола допроса и вообще в ходе разговора ничего не записывал. Позже сам бандит признался мне: «Если б вы начали записывать, я бы ничего не стал рассказывать».

Он поведал о себе, подробно рассказал о совершённых им убийствах, разбоях и грабежах. Называл точные даты, места преступлений, жуткие подробности оных, имена своих подельников. На вопрос, что его побудило добровольно явиться в органы с повинной, ответил примерно следующее:

— Замучила совесть! Понял, что дальше жить так не смогу. Уже не знаю, которые сутки не могу заснуть. А если и отключусь на время — сразу вижу убитых мною людей и просыпаюсь в холодном поту. Водка не помогает — вообще не берёт! Несколько раз был на грани самоубийства... А потом решил: не-е-ет, для начала перестреляю хотя бы главарей. Я многих паханов знаю в разных городах, не только в Ярославле. Я в авторитете, без проблем на любую хазу проникну, сами проведут и ещё за локоток поддержат. Потом подумал: в перестрелке могут и меня убить! Значит, погибну от бандитской руки. Нет, решил, пусть уж расстреляют по суду народа. Так мне легче смерть принять — душа не так маяться будет...

Мы выслушивали Р-ва весьма ошарашенные. Да и было отчего: ни у того, ни у другого в практике подобного не случилось.

Помолчали, покурили все трое.

Потом Мамаев предложил бандиту оформить его признание официально. Р-ев согласился, но попросил сначала дать ему отдохнуть — побыть одному и наконец выспаться. Я поместил его в одиночную камеру внутренней тюрьмы УНКВД. Спал он почти сутки, будить не стали. На другой день он без утайки повторил свой рассказ и подписался под протоколом допроса.

В ходе следствия показания Р-ева подтвердились шифровками из НКВД нескольких городов страны — о нераскрытых преступлениях, «висяках»... Позже Р-ев, объявленный до это-

го во всесоюзный розыск, был передан нами в распоряжение УГРО НКВД СССР.

О дальнейшей его судьбе я ничего не знаю. Высшую меру наказания — расстрел — в то время отменили, максимальный срок лишения свободы — «четвертак». Возможно, что раскаявшийся бандит получил свои законные 25 лет — уж слишком много кровавых «подвигов» за ним значилось. Может быть, скостили немного за добровольную явку и весомую помощь следствию?..

Но главное-то! Главное — совесть у него пробудилась! Она его к нам и привела...

Шукшин

*«Калина красная» — это душа Шукшина,
пропечатанная в плёнке.
Анатолий Заблоцкий*

25 июля — всё равно теперь какого года в дальнейшей нашей истории — для русского человека святая дата. 25 июля — день рождения Василия Макаровича Шукшина.

День окончания Шукшинских чтений в Сростках на Пикете, который теперь вершит бронзовый памятник Шукшину работы Вячеслава Клыкова, повторяющий заключительный кадр фильма «Печки-лавочки». Этот кадр долгое время был вырезан из киноленты за «крамолу»: сидит босой Иван Расторгуев на вершине Пикета, оператор наезжает на него камерой и Иван-Шукшин говорит с усмешкой: «Всё, ребята, конец!..»

Помнится, когда в начале 80-х в Алтайском книжном издательстве задумали выпустить первый сборник «Шукшинские чтения» с перспективой сделать его ежегодником, влиятельная дама из краевого комитета партии заявила: «Пока я жива — имя этого лапотника на Алтае звучать не будет! Я бревном на дороге лягу!..» Сборник всё-таки вышел в твёрдой обложке, но, увы, малым по тогдашним временам тиражом и объёмом (большую часть статей выкинули), и распространялся он по блату. Где лежит теперь то «бревно» — не ведаю. Мне экземпляр сборника достался (кстати, вскоре он

был «украден» кем-то из моих товарищей). Примерно в то же время на Алтайскую краевую организацию Союза писателей России пришли 10 или 20 экземпляров книги, посвящённой поэту Николаю Рубцову, изданной, кажется, в Вологде (книга эта тоже вскоре была у меня «украдена», поэтому не останавливаюсь на датах и прочих точностях), её также продавали по блату. Интересная схожесть, а?.. Мой блат заключался в том, что я работал в ту пору уполномоченным Бюро пропаганды художественной литературы при Алтайской краевой организации Союза писателей России — стало быть, был «своим человеком».

Октябрь 1974 года. Я служу в армии — в 76-й Гвардейской воздушно-десантной дивизии. Число не помню, когда телевидение сообщило о смерти Шукшина, но помню, что это был выходной день. Я был дежурным по этажу. Услышав скорбную новость по ТВ, я пошёл к дежурному по части и попросил снять меня с дежурства — заменить кем-нибудь.

— А в чём дело?

— Шукшин умер.

— Это который «Калина красная»? Он тебе родственник, что ли?

— Земляк. Да при чём здесь это?.. Пожалуйста, хоть до отбоя замените.

— Ну, чудики алтайские!.. Всё у вас!.. Один — Бронька Пупков, другой — Алёша Бесконвойный, третий — Ваня Пройдисвет!.. Ну, был бы он дядька твой — я б понял, а то!..

— Товарищ старший лейтенант, считайте, что не дядька, а брат старший, родной... Только не Ваня, а Гена.

— Что «Гена», пим сибирский?

— «Гена Пройдисвет» рассказ называется. Отпустите?..

— А что делать будешь?

— Ничего. Дайте одному побыть — вне казармы.

— Ну, тогда сам ищи, какой сержант за тебя дежурить согласится! Только с запахом не приходи, а то я вас знаю. В Шабаны, в самоволку — ни ногой! (Деревня Шабаново — неподалёку от расположения воинской части, окраина Пскова.)

Согласился Серёга Ковалёв из Гомеля. Старший лейтенант Голубович, спасибо ему за душевное понимание, отпустил меня до 22 часов на все четыре стороны и велел не попадаться на глаза патрулю.

...Лет десять назад мы заговорили о смерти Шукшина с Вячеславом Михайловичем Клыкковым — выдающимся нашим скульптором, трудягой из трудяг. У него белки повлажневших глаз чуть покраснели, но он сдержал эмоции (меня потрясла его выдержка). Он помолчал, поморгал, налил «по семь капель»:

— ...А я, когда узнал об этом, купил водки, запёрся и сказал Елене Сергеевне, жене: кто б ни пришёл, кто б ни звонил — меня нет ни для кого. Вообще ни для кого!.. Сидел, листал его книги, перечитывал рассказы. Ну и так далее. Не помню — спал хоть немного за двое суток или нет. Водка вообще не брала. Такое ощущение было, что... Эх, не знаю, как сказать!.. Словно часть моего тела ампутировали. Вот по сю пору я есть, а дальше — обрезали. Да как же мы теперь без Макарычга?.. Не передать — даже не пытаюсь... Всем нутром своим ощущал, что не я один — вся страна сейчас рыдает. А какие-то твари, конечно, потирают руки от радости...

— Вячеслав Михайлович, а памятник-то будет Макарычгу? Кому, как не вам?..

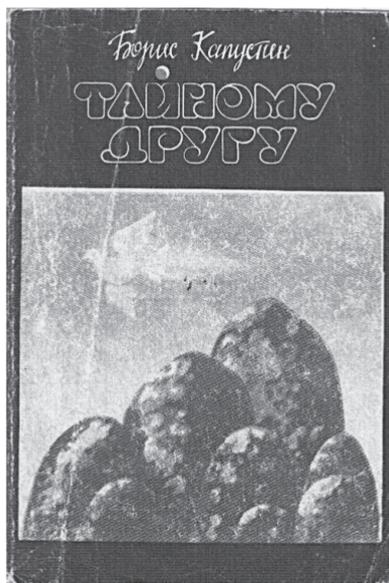
— Сейчас ни денег, ни хрена!.. Достоевскому надо памятник сделать и установить. Ты ж видишь, что в мастерской творится... Но сделаю обязательно! На Пикете надо будет установить. Пусть он с него смотрит на Россию, а Россия — на него. И пусть Россия думает. А то мы думать уже почти разучились...

Анатолий Дмитриевич Заболоцкий и Вячеслав Валентинович Морозов в редакции журнала «Наш современник». 2000 г.

«Отдай мне боль свою...»

Заметки о поэтической книге Бориса Капустина «Тайному другу»

Наверное,
первую книгу
можно сравнить
со вторым рождением.
Родился поэт.
Разумеется,
издание подытоживает
ранние журнальные
публикации, но книга
есть книга.

Кто же этот «тайный друг», которому посвящено стихотворение, открывающее книгу. Это и ветеран войны, замерзавший в Синявинских болотах, и женщина, получавшая «телеграмму смертной белизны», и новобранец, тоскующий по «гражданке», и юная поклонница Блока...

Для Бориса Капустина характерна стущённая образность, вызывающая цепь ассоциаций. Примеров много, и читатель сам легко обнаружит их в таких стихотворениях, как «Попытка надежды», «Вертоград», «Февраль — март», «Сон Пестеля», «Цыганский конь» и других.

Музыка — проматерь поэзии, и звуковая организация стиха — это не только чувство музыкальности поэта и черта стиля, это и своеобразный признак поэтического вкуса и чутья. В этом смысле стихотворение «Чудо: падает лист...» я бы

назвал сделанным мастерски; настолько стихотворная форма сливается с содержанием. «Песенка о кузнечиках» — действительно песенка, этакая ядовитая скоморошинка — и с усмешкой, и с плясом, и со злинкой к «птицам серым, бездельным». И не читается она, а выпевается.

Нельзя написать свадебную величальную гекзаметром, как нельзя реквием или ноктюрн подчинить частушечному стилю. Возможно, ревнители хрестоматийной версификации обнаружат в стихах Бориса Капустина отход от канонических правил стихосложения или попытку их разрушить. Разумеется, поиск своего поэтического «я» не обходится без такого риска. Но ведь без поиска нет и находок, а почти все они в области «рискованного стихосложения». А новое в свою очередь — это ведь только своё, ибо каждый человек в известном смысле нов для другого, неповторим.

«Никакая школа, — писал Лев Толстой, — не может вызвать в человеке чувства и ещё менее может научить человека тому, в чём состоит сущность искусства: проявлять чувства своим особенным, ему одному свойственным способом».

*Где ты, отец?
Нету отца.
Карточка есть —
нету лица.
Как же ты так,
не по-людски,
бросил меня,
не дал руки?*

Зажатая, но кричащая боль. Ритмика, совпадающая с ударами сердца: каждая строчка — два физически ощутимых сердечных рывка.

Не приходилось ли вам читать лирические стихи, когда их автор восклицает: «Я кричу» — а вы не слышите крика, «Я зову!» — никакого зова, «Я плачу!» — а вас досада берёт. Борис Капустин не декларирует своего чувства «ударной» строчкой, но читаешь строки о смерти матери — и вздрагивает сердце.

*Я пришёл,
когда было поздно
приходить
и чего-то ждать.*

...Я пришёл,
когда было просто
твою голову
гладить, мать.

Не оттого ли, читая стихи поэта, делаешься его «тайным другом», что он вытаскивает на свет то сокровенное, что есть в каждом из нас! Свою жизнь каждый проживает единожды, но погружаясь в чужую боль и сопереживая при этом, радуясь и смеясь вместе с лирическим героем талантливого стихотворения, мы проживаем кусочки и его жизни — так похожей на нашу. И это сближает нас, роднит. Наверное, это и есть решение задачи, которую Александр Блок ставил перед собой каждый раз, садясь за чистый лист бумаги: то самое «Во имя»...

Авторский взгляд на поэзию отражён, как в зеркале, в его стихотворении «Отдай мне боль свою...», где три строфы заканчиваются вопросами, в общем, риторическими: «А разве без боли споёшь?.. / А разве споёшь без любви?.. / А разве споёшь — о чужом?..»

К Борису Капустину, автору лирической книги стихотворений «Тайному другу»*, не подходит поговорка: «Первый блин комом». Доброго ему пути в продвижении по ухабистым и тернистым дорогам страны Поэзии.

Вячеслав МОРОЗОВ,
«Алтайская правда», 30 июня 1988 г.

*Б. Капустин за книгу «Тайному другу» первым из поэтов Алтайского края был удостоен премии имени В. М. Шукшина.

Две замечательные книги

*Русские — не люди,
это какие-то стальные
существа.*

*Они никогда не устанут
и не боятся огня.*

*Из дневника
немецкого лейтенанта,
убитого под Сталинградом*

Прочитаны две прекрасные книги*, посвящённые 65-летию Победы нашего народа в Великой Отечественной войне — поэтическая антология «Обратный отсчёт» (Литературный фонд «Август», 2010 г., стихотворения поэтов Алтайского края) и том документальных очерков известного журналиста Анатолия Муравлёва «Неизвестный Алтай. Лихолетье войны». Считаю, что они — достойно запечатленная в слове память и искренняя благодарность как ушедшим, так и живым фронтовикам и труженикам тыла. Признаюсь, последнее словосочетание всегда вызывало у меня некую неприязнь — видимо, от давления-доминирования слова «ТЫЛ», где не стреляют, не гибнут в боевых схватках, не закрывают телами вражеские амбразуры, а трудятся,

как и в мирное, невоенное время, пусть и во славу грядущей Победы...

Когда не столь давним указом Президента России тружеников тыла приравняли к фронтовикам и блокадникам, душа немало успокоилась. Есть героизм порыва, а есть героизм тяжкой и долгой самоотдачи, когда и результатов сразу не видно, и в итоге неведомо, сколь велик был твой личный вклад в общее дело.

В предисловии к поэтической антологии редколлегия уведомляет читателя, что «выбирали не авторов, а написанные в разное время талантливые стихотворения, объединённые одной темой — ужасы и страдания, поражения и победы в Великой Отечественной войне». В книге нет разделов, но условно они существуют:

- стихи о войне поэтов-фронтовиков;
- стихи тружеников тыла;
- стихи бывших детей военного времени, ожидавших отцов с фронта;
- стихи послевоенные — самых разных поколений;
- святой день — День Победы, от 1945 года до наших дней.

Анатолий Муравлёв как опытный журналист разбивает книгу на три рубрики: «Ратники», «Вдали от фронта», «Память». Нельзя не заметить эту объединённую темой войны совсем не случайную переключку содержания двух книг: она органически переплетается и с судьбой страны, и с нашими судьбами, и с памятью наших потомков.

В стихах о войне поэты волей-неволей сбиваются на уже использованные образы — и, как я понимаю, вовсе не от поэтического бессилия, а от схожести мироощущения, за что их трудно корить. Например, стихи Александра Гусева:

*Мы потому не носим ордена,
Что это дело вовсе не простое,
Что нас и так преследует война
И первый бой нам не даёт покоя.
Или «Ветераны» Геннадия Володина:
Каждый день убить их может
В них живущая война.*

Сразу вспоминаются более растиражированные и более афористичные строки Юрия Левитанского:

*Я не участвую в войне,
Война участвует во мне.
Концовка стихотворения «Отец» Ольги Заевой:
И кроме всех заслуженных наград
Носил в себе осколки до кончины,
Считал себя виновным без причины
За то, что жив и что пришёл назад.
Александр Твардовский (60-е годы):
Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны...*

На то он и классик, что на десятилетия вперёд сумел выразить общее горькое ощущение оставшихся в живых победителей. И горечь эту, непоправимую порой, не скрашивает даже радость Победы. Оказывается, время-то лечит, но далеко не всё. («И вся война от Волги до рейхстага / Нахлынула опять издалека», — М. Борисов.) Как сын фронтовика смею утверждать, что и в память нашего поколения отцы даже в коротких незатейливых рассказах сумели невольно запечатлеть это сложное и порой трудно объяснимое чувство. Возможно, это и есть то, что называется генной памятью...

*Моя тревога вечная и совесть —
Седой сержант Синявинских болот».
(Борис Капустин)
Война, война...
О ней, о невесёлой,
И нынче боль сжимается в словах.
И нынче плачут по сгоревшим сёлам,
И детский крик звенит в ушах.
(Сергей Ключников)*

Стихи поэтов, прошедших фронтовое пекло, легко угадываемы даже по отдельным строчкам-мазочкам, построению фраз, маленьким деталям фронтового обихода, неподдельности и достоверности в описании мгновений картины боя, сложнейшей и бесконечной гаммы ощущений человека на войне. Одна из таких ярких подборок — стихи недавно ушедшего от нас Михаила Борисова. «Прикрывая матушку-пехоту, / Сами выживали невзначай» — такое не придумаешь за письменным столом, такие строчки выдыхаются сами...

*У него — две беленькие прядки,
У меня — застывший в крике рот...*

*Двое нас на две сорокапятки.
Он и я — весь уцелевший взвод.*

Поневоле вспомнишь и героическую военную биографию автора, и бессмертный суворовский афоризм: «Побеждают не пушками и ружьями, а духом и умением». К стыду своему, признаюсь, что только из этой антологии я узнал, что давний мой знакомый Михаил Фёдорович Борисов — родом с Алтая, хотя при встречах в Союзе писателей России обменивались:

— Здравствуй, дядя Миша!
— Привет, земля!

Я думал, что такое обращение равнозначно «Друг, оставь покурить» — даже к незнакомому человеку. Царствие небесное Герою-фронтовику и прекрасному поэту!

Тыл — важнейшая составляющая любой войны, без которой фронт может продержаться только считанные дни. Поэтому нет никакого ложного пафоса в таких строках:

*Завод сибирский был мне полем боя,
Я должен был то поле перейти!
Да, я не брал ни Бреста, ни Варшавы,
Но верил: и на мне есть отблеск славы.*

(Фридрих Больгер)

*...Солдаты падали в бою,
Берёзы падали в Сибири...*

(Михаил Прокопчук)

*А впрочем,
Что там крупновские стали,
Когда у нас такие пацаны?!*

(Игорь Пантюхов)

*Но, поплакав дома вволю,
Отложив свои дела,
Мама шла работать в поле, —
Чтоб Россия жить могла.*

(Владимир Леонтьев)

*И всё ж была война!.. Да, была
На каждой улочке Бийска.*

(Сергей Чепров)

*И — как завершающий аккорд:
Говорят, что у войны
Лицо не женское.*

У Победы —

Женское лицо!

(Любовь Казарцева. «Лик Победы»)

Потрясающ по глубине чувств и поэтической достоверности цикл стихотворений о встречах возвратившихся с войны солдат, о долгожданной весте: Победа! Это «Окна» Владимира Соколова, «Шёл по улице солдат», «Плясали бабы» Николая Черкасова, «День Победы» Дмитрия Шарабарина, «Весна сорок пятого» Владимира Косарецкого, «Надежда» Идалии Шевцовой, «Сладкий пряник» Геннадия Панова, «Дядя Коля» Василия Нечунаева...

«Льком по парче не вышивают», — гласит русская поговорка. Есть в антологии и стихотворения, которые выглядят как инородные для всего сборника и мало согласуются с редакционным предисловием. Это — «Гора» Ивана Жданова, известного зачинателя «метаметаметафоризма» в поэзии, который великий русский поэт XX века Юрий Кузнецов назвал «духовным одичанием». Суперметафора для военной темы подходит так же, как «жанр» милицейского протокола к похищению Зевсом дочери финикийского царя Агенора Европы.

Это — «Будет день» Владимира Сергеева, ещё при жизни автора раскритикованный собратьями по цеху Л. Мерзликиным, Г. Пановым, Н. Черкасовым, И. Пантюховым (я присутствовал при этом). «Оптимист — это тот, кто кормит крокодила в надежде, что тот его съест последним», — говорил мастер афоризма Уинстон Черчилль. Пронизан подобным «оптимизмом» весь упомянутый стих:

*И пойдут одною лишь войною
По земле строителей полки —
Если защищаться, то от зноя,
Если наступать, то на пески.
И, покончив с ненавистью лютой,
Вспоминая прежние бои,
Только лишь для праздничных салютов
Мы орудья сохраним свои.*

И чем эта идиллия земная не похожа на мультик, где волк и заяц на зелёной травке под деревцем мирно хрупают морковку?..

Это — крайне неудачный диптих Юрия Малых.

*Ведут бои мальчишки за кустами,
А я вдруг остро чувствую вину
За то, что до сих пор не перестали
Они играть в проклятую войну.*

Дай нам Бог за свои грехи «остро чувствовать вину», а не за надуманные! Позвольте усомниться. Ложь в стихах о войне — многократно усиленная ложь. Вывод пацифиста трудно назвать даже наивным:

Ах, если б все мальчишки перестали

Играть в войну...

Тогда б не быть войне.

Да-а-а... Недурно пущено, как говорили в старину. Оказывается, прекратить войны на планете проще, чем доказать теорему Ферми: надрать пацанам уши, отобрать у них деревянные сабли и ружья и обучить вышиванию крестиком. Наверное, придётся закрыть Суворовские и Нахимовские училища, кадетские корпуса и разогнать всю структуру бывшего ДОСААФ. Да и военные училища в придачу. Помнится, лет двадцать с гаком назад один «серенький» поэт носился со стихотворением, в котором требовал запретить детям играть в «Зарницу», мотивируя тем, что эта военно-патриотическая игра «готовит будущих убийц» — не больше и не меньше. На мой вопрос: нет ли у него знакомых в клинике имени Кащенко? — ответил: «Как ты не понимаешь? Мне скандал нужен!» Для настоящих и будущих поэтов-пацифистов дадим одну короткую, но весьма важную справочку.

«...с 1055 по 1462 г. историкам известно о 245 нашествиях на Русь и внешних столкновениях. С 1240 по 1462 г. почти ни единого года не обходилось без войны. Из 537 лет, прошедших со времён Куликовской битвы до момента окончания Первой мировой войны, Россия провела в боях 344 года. За это время ей пришлось воевать против различных антирусских союзов и коалиций, причём одну войну она вела с девятью врагами сразу, две — с пятью, двадцать пять раз пришлось воевать против трёх и тридцать семь — против двух противников.

Подавляющее число русских войн всегда были оборонительными. Те же, которые можно назвать наступательными, велись с целью предотвращения нападения и для уничтожения международных разрушительных сил, с конца XVIII века непрерывно грозивших Европе страшными потрясениями» (*Генерал-лейтенант О. В. Золотарёв. Война и русская Армия в русской религиозной мысли. Антология. Кн. I, М., 1997*).

Ну а для тех, кто «в танке» и кто до сих пор мается над вопросом: что было раньше — курица или яйцо (войны или мальчи-

шью забавы)? — в сборнике, считаю, есть два достойных ответа: Героя Советского Союза Михаила Борисова («Представь себе хоть на мгновение — / Матросов жив!..») и тоже фронтовика Марка Юдалевича («Оттремели грозные сраженья...»).

Книга очерков Анатолия Муравлёва — пособие от беспамятства и тем, кто в 70-е годы настойчиво предлагал отменить празднование Дня Победы: мол, это укор мирной нынче немецкой нации («забывая», что великий для всех нас день называется Днём Победы над *фашистской* Германией, а не над немецким народом; «забывая» и то, что воевала против нас практически *вся* Европа и что к концу войны возникла не антинемецкая, а антигитлеровская коалиция), и тем, кто пока ещё по слогам складывает слово «ма-ма», и их грядущим потомкам. Эта книга — о гигантском вкладе в дело Победы далёкого от линии фронта Алтая. И сама книга очерков — несомненный вклад в символическую, но вполне реальную Книгу Памяти. Пятьдесят полновесных и полноценных очерков вошли в сборник. Нет нужды говорить о каждом из них — пересказывать то, что уже написано сочно, лаконично, доступным языком для любого читающего. Требуется отметить скрупулёзный подход как к теме, так и к каждой отдельной работе: взялся искать — скреби до донышка... Особая ценность для читателя — чёткая авторская позиция и отсутствие какой-либо лакировки.

«Патриотическое воспитание, на мой взгляд, и сейчас в основном ведётся по старым лекалам. Только встречи с ветеранами по естественным причинам проводятся реже, а чествование фронтовиков скукожилось до нескольких майских дней. По-прежнему требуют большего внимания к себе вдовы ветеранов, тыловики и дети войны — люди, которые также сполна познали лихолетье. Слабо просматриваются параллели с нынешней Российской армией. Замерла поисковая работа. Телевидение устранилось от показа жизни страны, сосредоточившись в основном на так называемых звёздах, мелких скандалах, пошлом юморе да вымученных сериалах».

Кто-то не согласен с автором? Пишите письма.

Из другого очерка:

«Ветеранов очень волнует: когда уйдёт их поколение — кто будет героем дня? Олигархи, обворовавшие страну? Звёзды шоу-бизнеса, зачастую несущие в массы низменные чувства, а не высокую российскую и мировую культуру? Те писатели, режиссёры, актёры,

которые порой воплощают в книгах и фильмах моральных уродов? Политики, беззастенчиво приватизировавшие власть для того, чтобы богатые стали ещё богаче, а бедные — ещё беднее?

Или всё же героями нашего времени должны стать люди, болеющие за судьбу страны, делающие всё, чтобы её жителям жилось хоть чуточку лучше. И таких людей очень много, намного больше, чем тех, кого интересует лишь собственное благополучие, а не судьба страны. Первыми в ряду тех, кто противопоставит бездуховности, являются люди, уничтожившие фашизм. Ветераны, принесшие победу в той войне — это самое святое, что у нас осталось».

Собственное благополучие и судьба страны отнюдь не противопоставление. Ещё в VI веке до Рождества Христова древний философ молвил: «Чего не хватает человеку для полного счастья? Сильного Отечества».

Удачным решением составления книги можно считать обилие разысканных фотографий — безмолвных, но красноречивых свидетелей времени. Вот седоусый, лысый, весь в медалях фронтовик среди школьников. А теперь посмотрите, каким бравым парнем был он в сорок первом — чуть постарше вас, сегодняшних! Да такой же, как и вы! Лишь одёжка иная — по времени и по сезону. Лишь судьба ему выпала более страшная, чем вам!.. Такая ненавязчивая подсказка роднит, сближает поколения, народ, нацию.

«Неизвестный Алтай» — название вроде бы претенциозное: этого вы не знали, а я, Анатолий Муравлёв, сейчас вам поведаю... Нет, книга имеет полное право на такое название: очень многое автор сумел не только разыскать, но и привести в стройную систему изложения и в сжатом виде подать на читательский стол. Спасибо тебе, Анатолий Степанович, из твоей работы я узнал много нового для себя и неизвестного ранее.

Личное пожелание в конце этого отзыва о двух замечательных книгах. Очень надеюсь, что они поступят в каждую библиотеку Алтайского края, чтобы по ним педагоги могли воспитывать в душах своих подопечных и неподдельный патриотизм, и любовь, и гордость за свою малую родину, и чело- вечность, и благодарную память об ушедших.

Вячеслав МОРОЗОВ,

№ 2 журнала «Барнаул» 2010 г. (155-158 стр.)

и № 12 журнала «Наши современники» 2010 г. (273-276 стр.).

«Солона ты, земля!»

Этот роман Георгия Васильевича Егорова я прочитал залпом в 1963 году — он впервые был издан отдельной книгой. Повезло, конечно, что отец приобрёл её в книжном магазине и она пополнила нашу домашнюю библиотеку. В сельской же библиотеке за романом выстроилась большая очередь. Долго селяне делились прочитанным, если выдавался случай собраться в кружок и поговорить.

Мемориальная экспозиция книг Г. В. Егорова
в экспозиции краеведческого музея Тюменцевского района.

Мы — жители степного Алтая, а роман — про Гражданскую войну на Алтае. Мало того, Егоров утверждает, что «книга написана по подлинным фактам. Почти все герои её, когда-то жившие и оставившие свой след на нашей алтайской земле». В то время были живы некоторые старики — участники Гражданской, бабушки, которые девчонками видели и белых, и красных, кое-что могли рассказать: «Белые шли вон отсюда, а наши цепью залегли вот здесь, по-за канавой. Мать нас в погреб попрятала, чтоб кого-нибудь не убило...» Мне до сих пор помнятся следы от окопов — совсем неглубокие, затяну-

тые землѣй, заросшие травой, но выдававшие себя «строчкой» и равномерной дистанцией друг от друга.

Позже, познакомившись с Георгием Васильевичем, я узнал от него, что он ещё в середине 50-х, когда была задумана книга, выезжал на места боёв, промерял шагами расстояния, соотносил старые и новые карты, расспрашивал стариков: где в те времена стояли крайние дома, какое было расстояние до леса и рощи, кто в селе слыл зажиточным, а кто бедняком. Живо интересовался всем — вплоть до состава семьи, характера и облика того или иного будущего персонажа своего романа. Конечно же, работал с документами. Записывал рассказы своего отца, активного участника партизанского движения на Алтае, в романе он выведен под своим именем: Василий Егоров. Многие герои романа носят свои фамилии: Аркадий Данилов, Иван Тищенко, Кузьма Линник, Пелагея Большакова, священник из Усть-Мосихи отец Евгений, генерал Биснек, поручик Семёнов...

Оттого-то, видимо, автор и не посягнул на исторический вымысел. Не только для нас, читателей, но и для профессиональных историков книга «Солона ты, земля!» сделалась бестселлером, а автор сразу стал знаменитым и любимым.

Георгий Васильевич родился 28 декабря 1923 года в селе Тюменцево Алтайского края, там и рос, пока не грянула Великая Отечественная война. Как и многие сибирские парни призывного возраста, он добровольцем ушёл на фронт. Высокий, статный, накачавший силы на трудной сельской работе, вдобавок показавший не только силу и смекалку, но и бесстрашие, он был определён в полковую разведку (позже он напишет прекрасную «Книгу о разведчиках», которая разошлась на Алтае в мгновение ока). «Голым кулаком» Георгий Егоров мог обезвредить будущего «языка» и приволочь на себе через линию фронта. Позже, поскольку он знал и любил лошадей (парень-то деревенский), его назначили командиром взвода конной разведки.

Военное лихолетье проволокло его через пекло Сталинграда, великое танковое сражение на Курском выступе, форсирование Днепра и жестокие бои на Правобережной Украине.

Боевых наград Г.В. Егоров навоевал порядочно, но главными наградами считал освобождение родной страны от захватчиков, победу над фашизмом и лично ему судьбой-матушкой дарованную жизнь.

**Мемориальные вещи Г. В. Егорова
в экспозиции краеведческого музея Тюменцевского района.**

В послевоенные годы в Алтайском крае ярко заявила о себе целая плеяда талантливых писателей-фронтовиков — переполняло душу пережитое, взывала кровоточащая память о погибших товарищах.

Георгий Васильевич к «своей» войне («Книга о разведчиках», 1971 г.) пришёл через осмысление войны Гражданской, а до этого — через журналистику, которая ему с миру по нитке помогала собирать фактический материал. Начал он с районной газеты, потом перешёл в краевую — «Алтайская правда», затем — на краевое радио. Видимо, журналистика и выработала в нём тяготение к документалистике, точности описываемых событий, а равнодушное сердце, совесть и солдатская непреклонность в отстаивании истины — писательскую активность вопреки любому партийному заказу.

В 1965 году в Алтайском книжном издательстве выходит его повесть «Крушение Рогова» — о трагедии бывшего партизана и краскома, впоследствии возглавившего вооружённое крестьянское восстание против разнузданной большевистской власти на Алтае. Конечно, напрашивается аналогия с Тамбовским восстанием и его предводителем Антоновым, так же потерпевшим крушение, как и Рогов. Краевое партийное руководство скрепя сердце позволило Георгию Васильевичу

издать эту книгу, впрочем, небольшим тиражом и с дальнейшим замалчиванием. Однако в 1983 году в журнале «История СССР» я прочитал осуждающее коллективное письмо бывших красных партизан Г.В. Егорову по поводу его повести. Из какой же пыльной папки его вытащили?! Каждому подписанту должно было быть не менее 100 лет!.. Георгий Васильевич ничего не знал про эту публикацию (журнал я ему подарил при встрече). Позже спросил: за что его старики отругали? «За то, что не показал Рогова бандитом и что даже вроде попечалился о его судьбе», — ответил он.

Георгий Васильевич в то время работал над вторым томом романа «Солона ты, земля!», охватывающим 30–50-е годы. В нём не могла быть не затронута тема войны. Тут ему пригодились фронтовые записи и дневники. Однако, несмотря на то, что Егоров к тому времени был едва ли не самым известным писателем на Алтае, второй том романа (по соображениям политическим) был издан... спустя четверть века. Писатель мог бы убрать какие-то мизансцены, не касаться периода репрессий, обойти скользкие темы, т.е. так «дезодорировать» рукопись, что она тут же и превратилась бы в книгу. Но он не стал этого делать — против совести не пошёл.

Его «Книга о разведчиках» составлена из нескольких очерков, что сразу вызвало доверие читателей, поскольку по закону жанра в очерке вымысла быть не может. В последующих переизданиях эта книга выходила с дополнениями: фронтового опыта и военных впечатлений у автора хватало с избытком. Фронтовик Виктор Петрович Астафьев, не раз приезжавший в Алтайский край, прилюдно назвал её в числе трёх лучших книг о войне.

Власть предержавшие мешали выходу второго тома романа «Солона ты, земля!», поэтому Георгий Васильевич снова обратился к теме Гражданской войны, к личности адмирала Колчака. Он даже нашёл московский адрес Анны Васильевны Тимирёвой, в далёком прошлом — гражданской жены адмирала, и приехал к ней в Москву, познакомился, расспрашивал. Он собирал и систематизировал исторические документы, осмысливал их... с большой симпатией к «диктатору поневоле».

В перестроечное время «гласности и демократии», когда литературной диктатуры не было, была издана книга

Г. В. Егорова «Колчак Александр Васильевич — последние дни жизни» (Барнаул, Алт. кн. изд-во, 1991 г.). В России она стала первой (!) книгой о Верховном правителе, в которой его не поливали грязью, если не считать изданного в Минске в это же время романа В. Е. Максимова, проживавшего в вынужденной эмиграции, «Звезда адмирала Колчака».

Георгий Васильевич Егоров — автор документальной повести о буднях милиции «Горсть огня». Он успешно проявился и в трудном жанре рассказа...

28 февраля 1992 года его не стало. Похоронен он в Барнауле.

В селе Тюменцево — на родине любимого многими поколениями писателя — ежегодно проходят краевые Егоровские чтения. Администрация Тюменцевского района и Алтайская краевая организация Союза писателей России учредили краевую литературную премию имени Г. В. Егорова. Его имя присвоено Центральной районной библиотеке, на стене которой установлена памятная доска. Но, конечно, главное увековечивание памяти о нём — в его книгах.

Вячеслав МОРОЗОВ,
№ 4 журнала «Барнаул» 2011 г.
(146–149 стр.).

«По характеру я авантюрист»

Писатель Вячеслав Морозов, родившийся в селе Сидоровка Романовского района Алтайского края и много лет проживший в Барнауле, где учился в мединституте и начал занятия альпинизмом, имеет уникальный опыт военного корреспондента — за его плечами 43 командировки в «горячие точки» (причём без силовой поддержки!) на территории бывшего СССР, кроме Карабаха, которые пылали на протяжении последних 20 лет.

В. Морозов в г. Барнауле.
Сентябрь 2009 г.
Фото В. Комякова.

«Раз воруют, значит, нужен»

Биография Вячеслава Валентиновича Морозова уникальна. На Алтай его дед Семён перебрался по стольпинской реформе из Курской губернии (кстати, морозовский дом до сих пор стоит в родной Сидоровке) ...

После школы Вячеслав служил в десантных войсках, к моменту призыва имел три прыжка с парашютом, разряды по самбо, лыжам и боксу. После армии всерьёз увлёкся альпинизмом. На его счету десятки покорённых вершин, в том числе и самая высокая в Советском Союзе — пик Коммунизма (7495 м). Впечатления о той поре сложились в первую повесть

«Горы», опубликованную в двух номерах альманаха «Алтай», по которой он поступил в Литературный институт имени Горького. На сегодняшний день он автор восьми книг, на три подготовленные к изданию пока нет денег.

— Тут уже как в стену! — говорит Морозов. — Маринины и Акунины раскручены, на них и идут деньги. Я за последние два десятилетия понял актуальность «Разговора поэта с книгопродавцем» Пушкина, где продавец говорит ему, как надо писать. Сегодня есть много талантливых ребят и девчат, которые не могут издаться...

Я был очень удивлён, когда обнаружил в Интернете свои старые очерки, ещё за 1988 год. То есть меня кто-то крадёт и ставит, а ссылаются при этом на какие-нибудь «Новости Тьмутаракани»! Мне сказали: судись, а я не хочу... Ну, раз возвращают, значит, нужен.

Писатель состоится тогда, когда его узнают не по фамилии на обложке, а когда у него есть свой стиль. Меня уже узнают — всё-таки более 20 лет в литературе. Кому-то это не удалось. Большинство писателей Алтайского края я узнаю: прозу Егорова, Кудинова, Озолина, Гущина и Свинцова, а также старые, но не устаревающие стихи Лёни Мерзликина, Коли Черкасова, Гены Панова, Бори Капустина, Стаса Яненко. Их публикуют, издают и сегодня — это прекрасно!

Командировки в «Ленинград»

— Как сложилось, что вы попадали в командировки имеено в «горячие точки»?

— Один мой товарищ стал стрингером (журналист-внештатник. — В. К.) раньше и как-то сказал мне: «На нашей работе должен быть либо десантник, либо альпинист — остальные после первой командировки говорят: «У меня другие планы на жизнь», особенно подчёркивая слово «жизнь». А ты у нас и десантник, и альпинист».

Я работал на иностранные агентства, где за видеорепортажи платили в валюте. Так или иначе, это позволило мне не положить зубы на полку в жесточайший период, когда все в стране были то миллионерами, то нищими.

**В. Морозов в г. Грозном.
Май 2003 г.**

— А дома как объясняли свои частые отъезды? У вас же семья, дети.

— Как-то звонил из Чечни маме по спецсвязи — земляки-омоновцы помогли. И мама спрашивает: «О, сынок, а ты где? Откуда звонишь?» — «Да я в командировке, в Ленинграде», — отвечаю. Связь, кстати, была исключительно хорошая. Так и сложилось, потом уже мой сын говорил мне: «Папа опять в Ленинград собрался».

— Как вы восприняли недавний югоосетинский конфликт?

— Мы сочувствуем маленькому осетинскому народу и помогли ему в этой войне, но тогда... Помню,

мы поехали с двумя российскими подполковниками проверить дорогу перед приездом Сергея Шойгу, тогда главы ГКЧС, и сняли четыре мины, которые поставили осетинские боевики, а не грузинские. В то время они больше хотели объединиться с Северной Осетией.

Первый конфликт ужасен: энергетическая, медицинская и продовольственная блокада города, вооружённые нападения. У них, кстати, есть несколько мемориальных школьных кладбищ — хоронили погибших во дворах школ, потому что городское кладбище находится на горе, за речкой, а там уже грузинская территория.

Второй конфликт стал, конечно, шоком для всех. Помню, во вторую кампанию показывали по телевидению один и тот же дом, где выбиты два окна от снаряда... Я этот дом хорошо помню! И хозяина его знаю — Тенгиза. Один и тот же дом, только в разных ракурсах, а всё потому, что Гори не был разрушен! Зато по грузинскому радио передавали, что это рус-

ские военные его разрушили... Тьфу!.. Если бы я не знал этих улочек и домов, где меня как гостя принимали... Трагично, конечно. Ложь начинается с нашего брата-корреспондента, если он заангажирован. А смотрит и верит этому весь мир.

Сотни анекдотов

— Какие качества нужны журналисту, работающему в «горячей точке»?

— В первую очередь коммуникабельность. Второе — не осуждать ни одну воюющую сторону, иначе аукнется когда-нибудь. Все свои личные эмоции — на дно, под крышку люка и на большой амбарный замок. Ты приехал рассказать миру о том, что здесь происходит. И всё. Никаких суждений и оценок. Сочувствуй, да. А там нельзя не сочувствовать. Когда у матери единственного сына (у которого послезавтра — свадьба!) вдруг снимает снайпер и она за ночь из брюнетки становится белой... на это невозможно равнодушно смотреть.

Первая задача журналиста — попасть в нужное место, а вторая — вернуться, чтобы передать информацию, и это самое сложное. Высший пилотаж — выдать её сегодня же. Приемлемо ещё рассказать о том, что было вчера, в таких случаях говорят: «Как нам сообщили». Ну а если это позавчера, то это уже кефир, простокваша — всё прокисло, в новости не попадёт. А вот как оттуда выбраться? В «Аэрофлоте» был бардак. Покупаешь билет с открытой датой. А когда ты улетишь? Как ты туда втиснешься? Как уговоришь стюардессу и пилотов? Я летал грузовыми бортами, сидя на ящиках с газировкой. Или мне говорили: «Вот садись на место второго пилота или бортинженера, но чтобы всю дорогу анекдоты рассказывал, и только смешные!» Мне этих анекдотов пришлось вспомнить десятки, если не сотни. Так и познакомился с пилотами.

В Молдавии снимал заседание военного совета из окошка туалета, потому что офицерам было велено меня напоить водкой и близко не подпускать. Но я понял, что тут что-то готовится. Это опять-таки журналистская пронёрливость — надо знать, что вокруг тебя происходит, и, конечно, не привлекать к себе внимания.

«В следующий раз наших повезём!»

— Как сделать выбор, когда рядом с тобой происходит насилие? Надо просто фиксировать всё, что происходит, или всё-таки попытаться вмешаться в события?

— Вмешиваться всегда чревато, в первую очередь для своего здоровья. Но меня Бог миловал, я не снимал издевательства или казни. Да и не смог бы это сделать по нравственным православным соображениям.

— У каждой войны, наверное, есть какое-то своё лицо? Чем конфликты в Европе отличаются от конфликтов на Кавказе?

— Да, у каждого народа свой менталитет. Погиб офицер группы «А» Виктор Шатских в Литве. Это была его первая боевая командировка, причём он сам туда напросился. Его снайпер с крыши дома — в спину... Пробыл бронезилет. Шатских успел ещё подняться на третий этаж, к своим, сказал: «Ребята, что-то ломит, дышать не могу». Бронезилет сбросили — увидели, что его пуля со стальным сердечником прошла. Трижды наши вызывали «скорую помощь»! И трижды литовцы её не пропустили. Вот вам и менталитет.

Кавказцы, думаю, пропустили бы. Допустим, когда шли бои в Душанбе, прямо на центральной площади, около ЦУМа, моя знакомая — Рано Умаровна Собирова, она же Римма Машкова в замужестве, работала на «скорой помощи». Когда шофёр отказывался туда ехать, Римма сама садилась за руль, сигналила, включала сирены и ехала. И тогда те кричали друг другу через улицу: «У нас четверо раненых и двое убитых, дайте нам загрузить!» — а им отвечали: «В следующий раз наших повезём!» И Римма увозила и тех, и других. Договаривались. И тут же, когда она уезжала, опять начиналась стрельба друг по другу. Ну как это понять?..

«Пусть моя смерть мир всколыхнёт!»

— Чем отличаются в работе зарубежные журналисты?

— Чёткостью. Если я прилетел ночью и отправил, например, в Лондон репортаж по космической связи, то его тут же поставят на монтаж, чтобы уже в утренней или ночной

**В. Морозов фотографирует церемонию награждения.
г. Ханкала. 9 мая 2003 г.**

передаче он прошёл. А у нас и ночных новостей-то в то время не было. Но что противно было — им всё-таки побольше жареного подавай. Обгорелый труп для них важнее плачущей женщины: вот, мол, какие дикие народы населяют СССР! И всех они называли русскими. А именно русское население страдало везде. Русских вообще очень легко вычисляли — просто брали домовую книгу и смотрели... Автоматы в Душанбе раздавали на двух площадях, и уже вечером все боялись ходить, кроме некоторых военных и меня, ненормального, в штатском. Гамсахурдиа тогда сказал: «Грузия — для грузин»...

— Откуда это берётся: «Грузия — для грузин», «Россия — для русских»?..

— Да, «Алтай — алтайцам», «Китай — китайцам»... Это какие-то глубинные этнические процессы — всегда найдётся какой-то пассионарий, способный зажечь народ.

В Гори я снимал уникальную акцию протеста в бывшем здании райкома партии. Лежали с бессрочной голодовкой юные и пожилые полукровки — полуосетинцы-полугрузины. У изголовья — кружка и полторашка минералки. И там была одна такая красивая девушка, вот взял бы и унёс на руках! «Как же вы, такая красивая, хотите голодать до смертного часа?» —

спрашиваю. «А пусть весь мир знает, что Горбачёв и Гамсахурдиа — преступники, им нет прощения. И пусть моя смерть мир всколыхнёт!» Через несколько дней приехала «скорая помощь» — всех увезли и устроили насильственное кормление через зонды.

— А если сейчас не дай бог случится ещё какой-нибудь конфликт, вы поедете?

— Если во мне будет потребность, то поеду, конечно. Во-первых, знакомо, а во-вторых, авантюрный склад характера не позволяет сидеть на месте. Правильно говорил Валентин Пикуль: «Не следует отказываться от тех впечатлений, которые обогащают сердце». Это не только обогащает, но и ранит, а неизраненное сердце — небогатое, травянистое. Такой человек как существо: родился, женился, помер... Поставили две даты, а между ними — только прочерк.

...о шпионаже...

— Однажды во мне заподозрили лазутчика. Совпало так, что у осетин было много трупов за последние дни. Поскольку я там побывал (это была моя шестнадцатая командировка), а потом улетел в Москву через Тбилиси, то они подумали, что я сливаю грузинам информацию. А мне действительно было удобнее улететь из Тбилиси, потому что зимой Рокский тоннель на Владикавказ закрыт.

Я заходил в Цхинвал так: камера на шее, руки подняты. Мне сразу ствол в подбородок: «Кто такой?» Отвечал, что все документы в левом нагрудном кармане. Боевики там всегда были в состоянии перманентного алкогольного опьянения: ночью они сидели в скрадках и караулили друг друга, а днём, естественно, надо разговеться... Вино потребляли декалитрами! Всегда и у всех боевиков это примерно так и происходит. Напряжение, конечно, жуткое.

...о наркоманах

Помню в Фергане совершенно обкуренного узбека с канистрой. На площади горит труп турка-месхетинца, а он

бензин подливает, но аккуратно — так, чтобы самому не пострадать. У самого глаза на лоб приделанные, а в них ни тени мысли — анашист. Увидел меня и сразу: «А что снимаем? Иди сюда!..» Я с ним пытаюсь говорить, но со стенкой проще... идёт на меня, в руках нож больше моего локтя...

На моё счастье, рядом проезжал российский БТР, ребята увидели и сразу: «Морду в пол, руки за голову!» Я с таким удовольствием упал на асфальт! И, конечно, меня наши на броне с собой увезли. А тот труп так и остался гореть...

*Владислав КОМЯКОВ,
«Вечерний Барнаул»,
2 октября 2009 года.*

**В. Комяков на вечере памяти
В. Морозова и Н. Шипилова
в ГМИЛИКА. Декабрь 2010 года.**

Земляки помнят писателя Вячеслава Морозова

15 июля редакция литературно-художественного и краеведческого журнала «Барнаул», дирекция Государственного музея истории литературы, искусства и культуры Алтая (ГМИЛИКА) и сотрудники Центральной районной библиотеки Романовского района Алтайского края провели вечер памяти писателя Вячеслава Морозова, посвящённый двум недавним событиям — его дню рождения (4 июля) и публикации его рассказов из цикла «Непридуманные истории» в №2 журнала «Барнаул».

На вечер памяти «Километры по вертикали...», который состоялся в районной библиотеке, пришли и постоянные читатели — земляки Вячеслава Морозова, и, конечно, его родственники: мама — Вера Яковлевна, родные сёстры — Алла и Светлана, сын Олег, племянник Алексей...

Перед собравшимися выступили директор библиотеки Светлана Соколова (см. фото), главный редактор журнала «Барнаул» Валерий Тихонов (ведущий вечера памяти) и редактор отдела прозы Сергей Ключников, директор ГМИЛИКА Игорь Коротков и его заместитель Лариса Никитина, друзья Вячеслава Морозова — автор-исполнитель Георгий Блинов и предприниматель Константин Капленко (см. фото на 124 стр.), журналисты — Алексей Сковоронский (корреспондент ИТАР-ТАСС по Алтайскому краю) и Александр Тимошенко (корреспондент газеты «Алтайская правда»).

В ходе двухчасового общения звучали воспоминания о человеке и писателе Вячеславе Морозове, обсуждались его публикации и издания, исполнялись его любимые стихи и песни, прослушали фрагмент интервью Вячеслава Морозова в программе «Перекрёсток» (ГТРК «Алтай», сентябрь 2009 г., автор — Юлия Михайлова) и аудиозапись песен в его исполнении*.

Представители редакции журнала «Барнаул» передали в дар библиотеке большой книжно-журнальный комплект, а дирекция ГМИЛИКА предложила вниманию собравшихся блицвыставку, посвящённую жизни и творчеству писателя Вячеслава Морозова.

После этого в читальном зале библиотеки, а затем и в дружеском застолье в доме Скворонских мы вспоминали и вспоминали Славу....

Хорошо складывается вторая жизнь писателя Вячеслава Морозова — на родине его помнят и чтут: проходят вечера памяти (первый прошёл в Барнауле 4 июля с. г. в Доме писателя), в периодике публикуют и будут публиковать статьи о его жизни и творчестве и его произведения.

Что в ближайших планах?

Во-первых, со стороны Союза писателей России необходимо начать планомерную работу с литературным наследием Вячеслава Морозова — об этом члены делегации правления Союза писателей России говорили 24 октября прошлого года на похоронах Вячеслава Морозова в г. Талдом Московской области..

Во-вторых, необходимо создать оргкомитет и определиться с форматом и периодичностью литературных встреч, посвящённых ему.

В-третьих, не забывая о публикациях в периодике, надо подготовить к изданию книгу его произведений...

*Сергей КЛЮШНИКОВ,
№ 3 журнала «Барнаул» 2011 г.*

* Конечно, это интервью следует не читать, а слушать — чтобы проникнуться тембром голоса Вячеслава Морозова и разговорной интонацией, его манерой игры на гитаре и особенностью исполнения своих песен и песен Николая Шипилова. За цифровой записью (звукорежиссёр — Павел Казаковцев) обращайтесь со своей флешкой к представителям ЛФ «Август».

Содержание

Сергей Боженко. Сдержанное благородство летописца _____	3
Олег Морозов. Запомнил навсегда _____	4
Непридуманные истории-1:	
Урок _____	9
«За базар отвечаешь...» _____	10
Честь мундира — две стороны медали _____	11
Тато _____	15
Литературный институт _____	16
«Неужели Валентин Распутин жив?..» _____	17
Почему я не люблю яблоки _____	22
Обида _____	25
Мастер _____	27
Женщина _____	28
Ответ по существу _____	33
С того света без потерь _____	33
Синичка _____	36
Женская месть _____	38
Русскому — можно!.. _____	39
Непридуманные истории-2:	
Закусь _____	42
Великий и могучий _____	44
Медведь _____	46
Волчье сердце _____	52
План _____	58
«Кто сегодня ел гороховый суп?..» _____	61
Рассказ однофамильца _____	64
Развратница _____	69
Из блокнота _____	76
Непридуманные истории-3:	
Наказ Владимира Солоухина _____	78
Подарок _____	83
«Самоутверждения» _____	84
«...Совесьть Господь пробудил» _____	92
Шукшин _____	96
О первой книге Бориса Капустина _____	100
О книгах Анатолия Муравлёва и ЛФ «Август» _____	103
О книге Георгия Егорова «Солона ты, земля!» _____	111
Владислав Комяков. Интервью газете «Вечерний Барнаул» _____	116
Сергей Ключников. Репортаж из Романово _____	124

**Литературно-художественное
и публицистическое издание**

**Вячеслав Валентинович
МОРОЗОВ**

Непридуманные истории

Рассказы и статьи

Редактор-составитель — В. Е. Тихонов.
Набор и корректура — О. В. Тихонова.
Вёрстка и оформление — А. В. Горчакова.

Подписано в печать — 4.12.2012 г.
Формат 60 x 84/16. Бумага офсетная.
Гарнитура «Swift»
Печать офсетная. Усл. печ. л. 7. Заказ № 3589.
Тираж — 500 экз.

Отпечатано в ОАО «ИПП «Алтай»
656049, г. Барнаул, ул. Короленко, 105